

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

Под редакцией
Е.Н. Кирилловой и И.Г. Коноваловой

А К В И Л О Н

МОСКВА 2024

УДК 930(08)
ББК 63.2

Рецензенты

д.и.н. А.А. Горский
к.и.н. Н.П. Чеснокова

И 91 Источниковедение в современной медиевистике
2024 / Под редакцией Е.Н. Кирилловой и
И.Г. Коноваловой. М.: Аквилон, 2024. — 184 с.

Сборник посвящен актуальным проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в области истории европейского Средневековья и раннего Нового времени, арабского Востока, Российской империи. Представлены разнообразные типы источников, новые подходы к их изучению, а также ряд теоретических проблем современного источниковедения.

Научное издание

© Коллектив авторов, 2024
© Институт всеобщей истории РАН, 2024
© Е.Н. Кириллова, общая редакция, составление, 2024
© И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2024
© Издательство «Аквилон», 2024

ISBN 978-5-6052889-4-7

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е.Н. Кириллова, И.Г. Коновалова

О значении источниковедения и многообразии исторических источников: Вместо предисловия.....	5
---	---

ВЛИЯНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Д.Е. Мишин

К вопросу об интерпретации сообщений средневековых мусульманских авторов о походе сасанидского царя Ардашира I (225–240) в область ал-Бахрайн.....	14
--	----

М.С. Петрова

Петр Абеляр и Макробий: К вопросу о восприятии античного знания в Средние века.....	24
---	----

О.В. Дмитриева

Текст и его визуальная интерпретация в памфлете Джона Деррика «Образ Ирландии, а также открытие лесных разбойников» (1581).....	40
---	----

Е.В. Пчелов

Западноевропейская эмблематика и геральдика XV–XVII веков и её влияние на символику дворянских гербов Российской империи.....	60
---	----

МЕНТАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Т.Н. Джаксон

К дискуссии о надежности скальдических стихов как исторического источника: От Снорри Стурлусона до наших дней.....	67
---	----

И.Г. Коновалова

К вопросу об источниках по истории средневековой картографии.....	83
--	----

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

Е.Н. Кириллова

Коллекция как культурный феномен и исторический источник: На примере «Рукописного собрания Ламуаньона».....	101
---	-----

А.В. Лазарева

Визуальные источники раннего Нового времени: История изучения немецких иллюстрированных листов XVI–XVII веков.....	124
--	-----

И.Ю. Новиченко

Мазаринады: Французские источники середины XVII столетия.....	152
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	174
--------------------------	-----

ABSTRACTS.....	175
----------------	-----

CONTENTS.....	181
---------------	-----

Е.Н. Кириллова, И.Г. Коновалова

О ЗНАЧЕНИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МНОГООБРАЗИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Многолетний опыт проведения конференций по вспомогательным историческим дисциплинам¹, которые объединяют историков самых разных специальностей, показал, что, с одной стороны, каждое исследование основано на изучении исторических источников, а с другой — что собственно источниковедению при этом уделяется непропорционально мало внимания. Оно воспринимается историческим сообществом как базовое знание, о котором (вроде бы) говорится в каждом докладе, как и в каждой статье или, тем более, книге, но специальное обращение к проблемам источниковедения оказывается достаточно редким явлением в научной жизни. Проблема состоит не только в том, что хотелось бы видеть источниковедческую проблематику представленной несколько шире, чем это принято, но в том, что

¹ Регулярные конференции по вспомогательным историческим дисциплинам с 1989 г. проводит коллектив Кафедры вспомогательных исторических дисциплин и археографии Историко-архивного института РГГУ. С 2016 года у конференции появился соорганизатор — Отдел специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН. Опыт совместного проведения конференций показал, что такое сотрудничество академических и вузовских специалистов имеет большую перспективу, потому что при всех методологических новациях именно вспомогательные исторические дисциплины продолжают оставаться тем фундаментом, на котором основывается история как наука. См. материалы последней конференции: Вспомогательные исторические дисциплины 2024.

ее присутствие заслуживает обязательной фиксации — хорошо известна такая особенность психологии восприятия, что то, о чем мало говорят и, тем более, спорят, уходит на периферию сознания.

Поэтому в 2019 году инициативной группой сотрудников Института всеобщей истории РАН, Е.В. Казбековой, Е.Н. Кирилловой и И.Г. Коноваловой, было принято решение о необходимости проведения регулярной научной конференции, которая была бы посвящена исключительно — или в первую очередь — проблемам источниковедения в современной медиевистике. Первая конференция под таким названием была запланирована на июнь 2020 года, однако из-за пандемии коронавируса ее пришлось перенести, и конференция состоялась в июне 2021 г., с учетом обстоятельств — в смешанном формате.

В конференции приняли участие более 100 исследователей из академических институтов, университетов, архивов, библиотек и музеев Российской Федерации (Астрахань, Вологда, Казань, Киров, Нижний Новгород, Новгород Великий, Новосибирск, Москва, Переславль-Залесский, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Ставрополь, Тюмень), Австрии (Вена), Белоруссии (Минск), Украины (Киев). Представительное собрание было организовано в 12 секций, посвященных таким проблемам как «Палеография. Атрибуция рукописей. Иконография», «Геральдика и сфрагистика», «Средневековый город: новое прочтение источников», «Личная история: новые данные источников», «Источники в исторических реконструкциях», «Рукописные собрания», «Источники и их авторы. Библиотеки и чтение», «Цифровые подходы в источниковедении», «Делопроизводство и канцелярии», «Историческая память: новые интерпретации источников», «Картография», «Летописеведение, текстология, кодикология». Полностью оправдал себя отказ организаторов от регионально-хронологического принципа выделения секций, что дало возможность участникам и многочисленным слушателям ознакомиться с новейшими исследованиями по источниковедению истории России, Европы, Востока и Америки. К началу работы конференции были опубликованы ма-

териалы докладов², а итоги работы конференции были обобщены в статье И.Г. Коноваловой и Е.Н. Кирилловой, опубликованной в том же 2021 г. в Электронном научно-образовательном журнале «История»³.

Следующая конференция «Источниковедение в современной медиевистике» состоялась через два года, летом 2023 года. Ее материалы также были опубликованы⁴, а результаты исследований и перспективы дальнейшей работы в этом направлении представлены И.Г. Коноваловой в обобщающей статье, посвященной новым подходам в медиевистических исследованиях⁵.

Конференция 2023 г. вновь показала высокую востребованность источниковедческой проблематики. В конференции приняли участие исследователи из академических институтов, университетов, архивов, библиотек и музеев Российской Федерации (Вологда, Казань, Киров, Нижний Новгород, Новгород Великий, Новосибирск, Москва, Переславль-Залесский, Рязань, Санкт-Петербург, Тюмень) и Испании (Мадрид). Всего было заслушано более 50 докладов по различным направлениям источниковедения средневековой истории Евразии.

На пленарном заседании прозвучали доклады, посвященные особенностям и перспективам исследования различных видов средневековых источников и способов их интерпретации.

Секционные заседания конференции были организованы, как и на предыдущей конференции, не по регионально-хронологическому, а по проблемному принципу, благодаря чему тематика прочитанных докладов охватывала ключевые вопросы современного источниковедения Средних веков. На шести секционных заседаниях — «Средневековые письменные источники: виды, жанры, функции», «Геоисторические источники», «Электронные ресурсы и визуализация данных в источниках и исследованиях», «Рукописи, ру-

² Источниковедение 2020.

³ Кириллова, Коновалова 2021.

⁴ Источниковедение 2023.

⁵ Коновалова, Куц 2023.

кописные собрания и архивные находки», «Источник в контексте эпохи: новые трактовки», «Средневековые реалии сквозь призму источниковедения» — участники конференции в прочитанных докладах представили результаты новейших исследований по основным типам средневековых источников, продемонстрировав не только высокий уровень исследовательской культуры, но и интерес к вопросам методики изучения тех или иных источников. Во многих докладах большое внимание было уделено новым подходам к рассмотрению источниковедческих проблем, в частности, с использованием геоинформационных технологий и электронных баз данных.

Дискуссии, сопровождавшие обсуждение докладов, подтвердили высокий статус источниковедения как ключевой исторической дисциплины, в дальнейшем развитии которой заинтересовано все профессиональное сообщество.

Как показали обе прошедшие конференции, опыт подготовки материалов этих конференций к изданию, а также ряд других повседневных практик научной жизни — от защиты студенческих выпускных квалификационных работ до предзащит кандидатских и докторских диссертаций, от обсуждения монографий и коллективных трудов до докладов на научных симпозиумах и даже подготовки научных отчетов — акцент на принципиальной роли источниковедения необходим научному сообществу в целом.

Источниковедение как специальность задает специфическую концентрацию исследовательского внимания — на источник, что обуславливает сужение собственно исторического контекста. Поэтому и обязательный для научных трудов раздел с характеристикой источников и собственно источниковедение нередко воспринимаются как формальный этап работы. Однако профессиональная компетенция историка во многом определяется тем, как именно он подходит к историческим источникам — если только не сказать об этом иначе — именно источниковедение определяет историка как ученого. Эрудит может знать намного больше фактов, имен и дат, чем историк. Знание языков и палеографии позволит прочесть документ в оригинале, а интеллект и эру-

диция помогут понять даже самые древние и сложные для восприятия тексты. Однако эти умения не заменят источниковедение и не научат ему. Выводы и результаты научных исследований напрямую зависят от того, как была проведена оценка положенных в основу исследования источников, и какие методы были в них задействованы.

Простейшие навыки критики источников можно приобрести, если не верить тому, что написано или сказано, или тому, что можно увидеть. Однако это было бы слишком просто. В подавляющем большинстве случаев никто никого не собирався обманывать или вводить в заблуждение, и авторы, создатели хроник, документов или даже записок, известные, установленные или предполагаемые рассчитывали на понимающего читателя, которым историк стремится стать.

Источниковедение как дисциплина не замыкается на источниках, но концентрируется на них. Сохраняя выработанные ранее принципы работы с историческими источниками, современные ученые творчески их перерабатывают, создавая новые направления исследований. Источниковедение является ключевой дисциплиной в системе как исторических, так и гуманитарных наук, играющей особую роль в сохранении и развитии профессиональной идентичности историка. Правоммерно занимая ведущее место в ряду специальных исторических дисциплин, источниковедение *per se* заслуживает того, чтобы быть выделенным из них и получить отдельное издание, собственную регулярную конференцию и акцентированное внимание академического сообщества.

В этом выпуске сборника представлены работы, авторы которых рассматривают разные виды латиноязычных, древнескандинавских, арабских и других источников от античности до Нового времени, предлагая новый взгляд на возможности и способы их изучения.

В статье Д.Е. Мишина «К вопросу об интерпретации сообщений средневековых мусульманских авторов о походе сасанидского царя Ардашира I (225–240) в область ал-Бахрайн» обосновывается предположение о том, что сообщения мусульманских авторов представляют собой плоды

соединения рассказов о разных событиях, а сюжетная линия относится к войне между Ардаширом и царем Хатры, завершившейся взятием этого города сасанидскими войсками в 240 году.

Работа М.С. Петровой «Петр Абеляр и Макробий: К вопросу о восприятии античного знания в Средние века» посвящена выяснению степени использования Абеляром текста Макробия. Автор делает вывод о том, что в противоположность распространенному в науке мнению вряд ли имеет смысл говорить об ощутимом влиянии Макробиевого «Комментария» на Абеляра. Скорее следует полагать, что идеи, воспринятые средневековым ученым и отраженные в его текстах, восходили в том числе и к Макробию. Под влиянием же, оказанным Макробиевым «Комментарием» на средневекового философа, следует подразумевать как его знание о самом Макробии и его сочинении, так и различную степень использования им этого трактата.

Статья О.В. Дмитриевой «Текст и его визуальная интерпретация в памфлете Джона Деррика “Образ Ирландии, а также Открытие лесных разбойников” (1581)» представляет публицистический источник — стихотворный памфлет Джона Деррика, проиллюстрированный уникальной для подобного издания серией из двенадцати гравюр на дереве. Наибольшее внимание автор уделяет проблеме взаимодействия текста и визуального материала в памфлете Деррика, где обе составляющие сочинения — каждая по-своему — раскрывали его идейное содержание.

Вопросам эмблематики и геральдики посвящена статья Е.В. Пчелова «Западноевропейская эмблематика и геральдика XV–XVII веков и ее влияние на символику дворянских гербов Российской империи». Автор анализирует пути формирования эмблематического репертуара русской дворянской геральдики в начальный период её формирования и кодификации и выявляет ряд способов, представленных заимствованиями эмблем и гербовых фигур из западноевропейских эмблематических и геральдических сборников, обнаруживая тем самым новые линии преемственности между западноев-

ропейскими эмблематическими и геральдическими изданиями и отечественным корпусом родовых гербов.

Т.Н. Джаксон в своей статье «К дискуссии о надежности скальдических стихов как исторического источника: От Снорри Стурлусона до наших дней» обращается к дискуссионному вопросу о степени достоверности скальдических стихов как источника древнескандинавских саг, для чего детально рассматривает два Пролога Снорри Стурлусона к «Кругу земному» — своду саг о норвежских конунгах с древнейших времен по 1177 г. — и их трактовку в современной научной литературе.

И.Г. Коновалова в статье «К вопросу об источниках по истории средневековой картографии» рассматривает источниковедческие проблемы, возникающие при работе с картографическими источниками, и подчеркивает необходимость привлечения описательных произведений географического характера в круг источников по истории картографии, поскольку ментальные карты и географические образы создателей карт являются не менее важной частью картографического наследия, чем сами карты, в связи с чем изучение географических описаний целесообразно не только для исследования пространственных представлений, но и для понимания практики картографирования как таковой.

В статье Е.Н. Кирилловой «Коллекция как культурный феномен и исторический источник: на примере “Рукописного собрания Ламуаньона”» рассматривается описание коллекции как особого типа исторических источников — мета-источника, который позволяет ставить и решать ряд исследовательских задач, одиночным документам или небольшим собраниям не релевантных, и предлагается ряд конкретных вопросов к описанию уникальной коллекции РГАДА — «Рукописного собрания Ламуаньона».

В работе А.В. Лазаревой «Визуальные источники раннего Нового времени: история изучения немецких иллюстрированных листовок XVI–XVII вв.» представлены уникальные медиа-источники — немецкие иллюстрированные листовки XVI–XVII вв., в которых изображение и текст являются единым целым. Автор прослеживает историю их изучения, ак-

центрируя источниковедческую специфику этого популярного вида массовой печатной продукции, и приходит к выводу о том, что наиболее полно ее отражает принятое сегодня определение «иллюстрированная листовка», к которому специалисты шли, постепенно отказываясь от понятия «ленточный листок» и других, не позволявших в полной мере оценить значение их визуальной составляющей.

Статья И.Ю. Новиченко «Мазаринады: французские источники середины XVII столетия» посвящена всестороннему анализу мазаринад — ключевого исторического источника по истории одного из самых ярких событий истории Франции середины XVII в. — Фронды: их появлению и распространению, проблеме авторства и самым известным авторам, изучению мазаринад, начавшемуся уже с момента их появления, а также специфике их библиографического описания. Особое внимание автор уделяет коллекции мазаринад в Центре социально-политической истории — филиале Государственной публичной исторической библиотеки России, обстоятельствам возникновения коллекции и перспективам исследований в этой области.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вспомогательные исторические дисциплины 2024 — Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXVI научной конференции с международным участием. Москва, 4–5 апреля 2024 года / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М.: ИВИ РАН, 2024. 398 с.
- Источниковедение 2020 — Источниковедение в современной медиавистике. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, Москва, 2020–2021 гг. / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2020. 460 с.
- Источниковедение 2023 — Источниковедение в современной медиавистике: Материалы Второй всероссийской научной конференции. Москва, 21–22 июня 2023 г. / Отв. ред. Е.Н. Кириллова, И.Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2023. 228 с.
- Кириллова, Коновалова 2021 — Кириллова Е.Н., Коновалова И.Г. Перспективы развития источниковедения в современной медиавистике // Электронный научно-образовательный журнал

«История». 2021. Т. 12. Вып. 6 (104): Макросистема империй: трансфер идей, практик, институтов в XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840016282-9-1/>. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840016282-9> (дата обращения: 01.07.2024).

Коновалова, Куц 2023 — *Коновалова И.Г., Куц Т.В.* Новые подходы к изучению актуальных проблем современной медиевистики // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 7 (129): Время в городе: долгое Средневековье и его наследие. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840027520-1-1/>. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840027520-1> (дата обращения: 01.07.2024).

Д.Е. Мишин

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СООБЩЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ АВТОРОВ О ПОХОДЕ САСАНИДСКОГО ЦАРЯ АРДАШИРА I (225–240) В ОБЛАСТЬ АЛ-БАХРАЙН

Аннотация: В ряде произведений средневековых мусульманских авторов обнаруживаются сообщения о походе сасанидского царя Ардашира I (225–240) в область ал-Бахрайн и его победе над местным царём Санатруком. Анализ этих сообщений приводит к заключению, что их сюжетная линия относится скорее к войне между Ардаширом и царём Хатры, завершившейся взятием этого города сасанидскими войсками в 240 году. На настоящем этапе исследования есть основания предполагать, что сообщения мусульманских авторов представляют собой плоды соединения рассказов о разных событиях, одним из которых является поход Сасанидов на Хатру в 240 году.

Ключевые слова: Сасаниды, Ардашир I, Хатра, Аравия

Значительную часть сведений о правлении Сасанидов мы черпаем из литературы мусульманского периода. С этим связана важная проблема: мусульманские авторы при всей ценности их сведений намного отстояли по времени от описывавшихся ими событий, передавали рассказы, созданные на ином языке и в обществе с культурой, сильно отличавшейся от той, к которой принадлежали. Более того, дошедшие до нас сообщения представляют собой списки с более ранних записей. Очевидно, всё это создаёт условия для изме-

нения смысла первоначальных сообщений. Поэтому восстановление таких сообщений составляет важнейшую задачу источниковедческого исследования, необходимую предпосылку для последующего воссоздания событий и их осмысления.

Все названные выше проблемы имеют место и в случае, который будет рассмотрен ниже; применительно к нему они стоят даже более остро, так как затрагивается история не одной, а нескольких неисламских культур.

Рассмотрение проблемы, составляющей содержание настоящей работы, следует начать с ознакомления с сообщениями о рассматриваемых событиях. О них упоминает знаменитый мусульманский хронист раннего средневековья ат-Табарӣ (838/839–923), который пишет:

«Затем Ардашир направился из Джұра¹ в ал-Бахрайн² и осадил его царя Санатрука. Последнего тяготы довели до того, что он бросился [вниз] со стены крепости и погиб. Затем он (Ардашир. — Д. М.) ушёл в Ктесифон, поселился там и при жизни своей короновал сына, Шапура³, своей короной»⁴.

Бал'амӣ (ум. в 974 г.) в персидском переводе истории ат-Табарӣ (снабжённом, следует отметить, некоторыми дополнениями к оригиналу) приводит этот рассказ в несколько более подробном виде:

«Из Ктесифона он (Ардашир. — Д. М.) прибыл в [ал-] Бахрайн. Там был царь по имени Сйрақ⁵; он укрылся в крепости. Ардашир простоял у ворот этой крепости год, до тех пор,

¹ Арабская передача персидского *Гур*. Гур — город, построенный Ардаширом I и некоторое время бывший его столицей. С ним отождествляются развалины рядом с современным Фирузабатом в Фарсе.

² Несмотря на сходство названий область ал-Бахрайн, упоминаемую в средневековых источниках, нельзя отождествлять с современным Бахрейном. Название ал-Бахрайн применялось к арабскому берегу Персидского залива от Басры примерно до современного Дубая. Поэтому в тексте далее используется название *ал-Бахрайн*.

³ Имеется в виду Шапур I (240–271), сын и преемник Ардашира I.

⁴ *Annales* 1881–1882: 820.

⁵ В этом имени (سیرق) следует, очевидно, видеть искажённое Санатрук (سنطرق).

пока в ней не начался голод и не возникла нехватка съестного. Воины этого царя, бывшие в крепости, собрались и вознамерились убить царя и сдать крепость Ардаширу. Царь выбросился из крепости и погиб, а Ардашир овладел его царством и воссел там. [Затем] он явился в Фарс, сделал своего сына Шапура престолонаследником, завещал ему свою царскую власть и возложил корону на его голову»⁶.

Ещё одно переложение этого рассказа дано в поздней истории Мйрхвāнда (Мирхонд, род. в 1432/33 или 1433/34 г., ум. в 1498 г.):

«Цари областей, присылая ему (Ардаширу. — Д. М.) дары и подношения, обязывались⁷ подчиняться ему — за исключением царя [ал-]Бахрайна, который выказал отказ покориться ему. По этой причине Ардашир направился в ту область. Когда известия о прибытии правителя мира (Ардашира. — Д. М.) стали раздаваться близко от царя [ал-]Бахрайна, он был так объят страхом, что бросился с вершины крепости и погиб. Ардашир же после завоевания [ал-]Бахрайна явился в Ктесифон и при жизни возложил корону на голову сына, Шапура, и передал ему бразды правления над людьми»⁸.

Несколько по-другому описывает эти события ад-Дйнаварй (ум. в 894/95 или в 895/96 г. либо до 902/3 г.):

«Затем он (Ардашир. — Д. М.) направился в Мосул и лишил жизни его царя. После этого он стал странствовать и направился в Оман, ал-Бахрайн и Йемаму. Против него выступил царь ал-Бахрайна Санатрух и воевал с ним. Ардашир лишил его жизни и отдал приказ о его столице; она была разрушена»⁹.

В трактате неизвестного автора «Предел желаний в истории персов и арабов» (*Нихāйат ал-араб фй тārīх ал-фурс ва ал-'араб*), который в ряде случаев выглядит как пространная редакция книги ад-Дйнаварй, о походе Ардашира тоже повествуется более подробно:

⁶ Тārīх 1916: 284.

⁷ Буквально — «завязывали на себе пояс подчинения ему».

⁸ Тārīх 1960: 734–735.

⁹ ал-Ахбār, 1960. С. 43.

«Затем он (Ардашир. — Д. М.) оставил в нём (Ктесифоне. — Д. М.) одного из своих сподвижников и двинулся с войском в землю, расположенную между Амманом¹⁰, ал-Бахрайном, Йемамой и Хаджаром¹¹. Об этом стало известно бывшим там царям арабов. Они написали к Ас'аду ибн 'Амру, царю Йемена, сообщая ему, что на них идёт Ардашир. Тогда он отправился к ним примерно со ста тысячами мужей; к нему собрались жители Тихамы и бывшие там цари из потомков Низāра ибн Ма'адда ибн Фихра ибн Малика и ал-Қаламмаса ибн 'Амира ибн ат-Т.рāба¹². Ардашир явился к ним со своим войском. Они ожесточённо сражались, и с обеих сторон были огромные потери. Были убиты царь ал-Бахрайна Ш.т.р.в.¹³ и царь Омана 'Амр ибн Вāқид ал-Х.м.и.р¹⁴. Затем Ардашир послал к царю Йемена Ас'аду ибн 'Амру и предложил ему заключить мир на таких условиях: ему (Ас'аду. — Д. М.) будет отдана земля Йемена, а он (Ардашир. — Д. М.) не будет притязать ни на что из неё. Между ними стали ездить послы, чтобы был заключён мирный договор об этом. И они (Ардашир и Ас'ад. — Д. М.) заключили договор. Три царя Хиджаза и Тихамы попросили [Ардашира] принять их под своё покровительство, и он пре-

¹⁰ Появление этой формы трудно, к сожалению, считать чем-то кроме ошибки переписчика и издателя. Имеется в виду не Амман (عمان), а Оман (عمان).

¹¹ Здесь под Хаджаром понимаются сасанидские крепости, которые были расположены на территории Қарйат ал-Қāра, северо-восточной окраины современного ал-Хуфūфа (Саудовская Аравия).

¹² Нельзя поручиться, что мы не имеем здесь дело с ошибкой автора: человек с такой родословной в источниках не упоминается, а 'Амир, которого считали одним из древних правителей арабов, называется сыном ат-Тариба (الظرب), а не ат-Т.рāба (الظراب). В имени ат-Т.рāб, как и в других подобных арабских формах, точкой обозначена гласная, установить чтение которой затруднительно.

¹³ Речь, очевидно, идёт о том, кого ад-Дйнаварй называет Санатрук. Формы شطرو (Ш.т.р.в.) и سنطرق (Санатрук) настолько близки, что появление первой из них следует объяснять ошибкой переписчика.

¹⁴ Так в тексте издания (الحمير). Положение этой формы в имени говорит в пользу того, что она является нисб-ой, то есть прилагательным, указывающим на связь с каким-либо местом, народом или племенем, в данном случае — искажённым الحميري, то есть ал-Химйарй, относящийся к Химйару.

доставил им его и утвердил их вождами над их людьми. Затем он отбыл, возвращаясь в Фарс, явился в Истахр и воссел там»¹⁵.

В литературе достоверность этих сообщений была подвергнута сомнению на основании того, что единственный известный правитель по имени Санатрук, бывший противником Ардашира — царь Хатры Санатрұк II¹⁶. Поскольку царь Хатры правил весьма удалёнными от ал-Бахрайна землями, было высказано предположение, что в мусульманских сообщениях имела место путаница, возможно, связанная с тем, что сирийское ܚܬܪܐ (Хатра) — видимо, стоявшее в первоначальной версии — ошибочно прочитали как ܚܬܐ , ал-Хатт¹⁷. Этот аргумент встретил сильные возражения: непонятно, каким образом неверное прочтение сирийского географического названия могло привести к искажению нескольких разных рассказов, в которых ал-Хатт не упоминается, Санатрука рассмотренных сообщений далеко не обязательно отождествлять с правителем Хатры. Поскольку Санатрук — парфянское имя, специалисты, которые выдвигают представленные возражения, допускают существование парфянского правителя (возможно — *марзбан-а*), под властью которого находились некоторые области побережья Аравии¹⁸.

¹⁵ Нихайат, 1996/97. С. 182–183.

¹⁶ Хатра — необитаемый ныне город, развалины которого находятся в 110 км к юго-востоку от Мосула (Ирак). В начале III в. правители Хатры были вассалами Аршакидов и, вероятно, выступали на их стороне в борьбе против Ардашира I. Последний осаждал Хатру вскоре после победы над Аршакидами (225 г.), но не добился успеха. Вторая война между Хатрой и Сасанидами закончилась тем, что весной-летом 240 г. город был взят войсками Ардашира. Воссоздать точную хронологию правления царей Хатры пока не удаётся, однако можно утверждать, что Санатрұк II стоял у власти непосредственно перед войной 240 г. и во время её (Мишин 2023б: 8; Мишин 2023а: 29).

¹⁷ Widengren, 1971: 755. Написание сирийских названий буквами из иврита принадлежит Г. Виденгрелю. Название *ал-Хатт* применялось к арабскому берегу Персидского залива и в этом отношении было аналогично названию *ал-Бахрайн*.

¹⁸ Fiorani Piacentini 1985: 67–68; Potts 1990: 230–232.

С этими возражениями трудно спорить: рассказы о взятии Ардаширом Хатры явно заимствованы не из сироязычных текстов, а доказать, что частью побережья Аравии на Персидском заливе в принципе не мог править человек по имени Санатрук, едва ли возможно. Между тем в целом представляется, что сообщения о походе Ардашира на ал-Бахрайн в действительности относятся к взятию сасанидским царём Хатры. Доводы в пользу этой гипотезы изложены ниже, однако прежде, чем рассматривать их, следует определить, какой (или какие) из рассмотренных выше сообщений ближе всего к первоначальному рассказу. У ат-Табарй, Бал'амй и Мйрхвāнда противостояние Ардашира и царя ал-Бахрайна сводится к осаде первым столицы второго. У ад-Дйнаварй дело тоже сводится к противоборству Ардашира и царя ал-Бахрайна. Только в «Пределе желаний» против Ардашира выступает обширная и весьма странная коалиция, в которую входят, в частности, царь Йемена с арабским (а не сабейским) «отчеством» *ибн 'Амр*, нигде не упоминаемый в южноаравийских надписях, и царь Омана с арабским именем 'Амр и эпитетом *ал-Химйарй* (химйарит). Реальность этих персонажей вызывает немалые сомнения. Поэтому сообщение «Предела желаний», скорее всего, носит легендарный характер, а состав его персонажей лучше всего объясняется стремлением автора источника дать взаимосвязанные рассказы об истории Йемена и Ирана. Столь же легендарным следует, очевидно, считать и рассказ Мйрхвāнда о страхе, обуявшем царя ал-Бахрайна. Поэтому наиболее близкими к первоначальным рассказам следует считать известия ат-Табарй, Бал'амй и ад-Дйнаварй; они и будут рассматриваться далее.

Обоснования предположения о том, что известия мусульманских авторов на деле относятся к Хатре, таковы.

1. Довод, основанный на том, что царь Хатры Санатрук — единственный известный противник Ардашира, носивший такое имя, нельзя парировать тем, что в рассмотренных выше рассказах Санатрук фигурирует как царь ал-Бахрайна. Для современного читателя *бахр* — море; следовательно, словосочетание *малик ал-бахрайн* означает «царь двух морей» или, как производное от этого, «царь того, что распо-

жено между двумя морями». Но в Средневековье слово *бахр* означало большую массу воды¹⁹; то есть в том числе и реку. Примером такого словоупотребления может служить письмо халифа 'Умара (634–644) к полководцу Са'ду ибн Абй Ваққасу, в котором содержится повеление найти место для строительства нового города, причём такое, чтобы между его жителями и халифом не было ни *бахр*-а, ни моста²⁰. Поскольку речь идёт об основании Куфы, слово *бахр* может означать только реку. Более того, по словам географа X в. ал-Хамдāнй область ал-Бахрайн получила такое название за то, что находилась между двумя реками, ал-Муҳаллим и 'Айн ал-джарйб²¹. Таким образом, словосочетание *малик ал-бахрайн* можно истолковывать как «царь земель, находящихся между двумя реками». Это вполне подходит к правителям Хатры, которые именовали себя царями *'rb*, то есть пустынных земель между Евфратом и Тигром; на части территории границами их владений являлись обе эти реки²². Таким образом, слова мусульманских авторов о «царе ал-Бахрайна» не только не исключают его отождествления с правителем Хатры, но скорее являются доводом в его пользу.

2. Как показано выше, Бал'амй утверждает, что осада крепости, в которой заперся царь ал-Бахрайна, продолжалась год. Следовательно, это была мощная крепость с большими запасами продовольствия. Найти такую крепость на побережье Аравии непросто. С другой стороны именно осада Ардаширом Хатры осталась в исторической памяти арабов как долгая, растянувшаяся на годы. Ещё поэт конца доисламского – начала исламского времени Маймун Подслеповатый (*ал-*

¹⁹ Например, в средневековом толковом словаре арабского языка Ибн Дурайда (835/36–933): «арабы называют солёную или пресную воду *бахр*-ом, если её много» (Китāб 1987: 273).

²⁰ *Annales* 1893: 2483; Му'джам 1977: 491; ар-Рауд 1975: 502. Согласно пересказу этого сообщения у Йāкута (1179–1229) (см. ссылку в тексте выше) оно восходит к Абū 'Убайде, то есть, очевидно, к известному средневековому историку Абū 'Убайде Ма'мару ибн Муṣаннā-е (ум. в в 824/25 или 828/29 г.).

²¹ Сифат 1990: 251.

²² Мишин 2023б: 5–6.

А'шā) сказал в одном стихе, что «Шапур-Воитель стоял под ней (Хатрой. — Д. М.) два года и бил в неё ногами»²³. Впоследствии знаменитый средневековый историк Хишām ал-Калбī (род. ок. 738 г., ум. в 819/20 или 821/22 г.) полагал, что осада Хатры сасанидскими войсками продлилась четыре года²⁴. Таким образом, мотив затяжной осады указывает скорее на Хатру, чем на побережье Аравии.

3. Согласно Бал'амй причиной падения столицы царя ал-Бахрайна стала измена — мятеж воинов. Во всех мусульманских повествованиях о падении Хатры причиной взятия сасанидскими войсками города тоже называется измена; в устах арабских сказителей она приняла форму романа между хатранской царевной и сасанидским командующим (как отмечено выше, обычно в качестве такового называется Шапур)²⁵. Разумеется, этот роман и мятеж воинов — разные вещи, однако сговор с целью сдачи крепости врагу уже в силу своей природы является тайным предприятием; поэтому едва ли кто-то из сказителей точно знал, что именно произошло, и недостаток точных сведений восполнялся различными версиями.

Итак, все составные части сюжета сказаний о борьбе Ардашира с царём ал-Бахрайна вполне применимы к Хатре²⁶, тогда как их соотнесение с реалиями Персидского залива нуждается в дополнительном обосновании; необходимо самое меньшее найти правителя и город, которых можно было

²³ Мишин 2023а: 23. Разбор данного стиха и указание источника даны в статье, на которую сделана ссылка. Здесь имеет смысл отметить лишь то, что среди арабов было распространено мнение, по которому Хатру взял Шапур I, фигурирующий в данном стихе как «Шапур-Воитель».

²⁴ Мишин 2023а: 27.

²⁵ Мишин 2023а: 27–29.

²⁶ Не является исключением и участие в борьбе против Ардашира многих арабских племён, о котором говорит автор «Предела желаний». Согласно мусульманским авторам среди людей, которые защищали Хатру в 240 г., было много арабов, главным образом из племенного объединения *кудā'a* (Мишин 2023а: 19–20). Возможно, сказители поздних времён заменили ушедших в Междуречье *кудā'итов* лучше известными им и слушателям племенами Аравии.

бы отождествить с Санатруком и его столицей соответственно. Делая эти наблюдения, мы должны, однако, обратить внимание на то, что у ат-Табарй, Бал'амй и Мйрхвāнда Ардашир коронуется Шапура после возвращения из похода в ал-Бахрайн. Применительно к Хатре события развивались по-иному: Шапур I был коронован как соправитель Ардашира 12 апреля 240 г., а Хатра пала несколько позднее, весной-летом того же года²⁷. Если исходить из высказанной выше интерпретации, следует считать, что в рассказе о борьбе Ардашира с царём Санатруком слились воспоминания о разных событиях, которые произошли в течение короткого отрезка времени — какой-то войны, имевшего место незадолго до коронации Шапура как соправителя Ардашира, и похода на Хатру. С другой стороны, даже по приведённым выше рассказам нетрудно заметить, как они расходятся в деталях. У ат-Табарй Ардашир, вернувшись из похода, останавливается в Ктесифоне, у Бал'амй и в «Пределе желаний» — в Фарсе. Очевидно, в одной из линий повествования допущена неточность. Может быть, подобное имеет место и в определении последовательности событий в рассказе, ставшем основой сообщений ат-Табарй и его более поздних последователей Бал'амй и Мйрхвāнда, однако доводов в поддержку этого утверждения нет, и на данном этапе его можно воспринимать исключительно как догадку.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Мишин 2023а — *Мишин Д.Е.* Хатра, Сасаниды и арабы: арабские стихи и предания // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67. № 1. С. 18–33.
- Мишин 2023б — *Мишин Д.Е.* Хатра, Сасаниды и арабы: политическая история // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2023. Т. 67. № 1. С. 3–17.
- Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari. Ed. M.J. De Goeje. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882. – 569 с.

²⁷ Мишин 2023б: 12.

- Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari. Ed. M.J. De Goeje. Prima series. V. Rec. E. Prym. Lugduni Batavorum, 1893. – 678 с.
- Fiorani Piacentini 1985 — *Fiorani Piacentini V. Ardashīr i Pāpakān and the Wars Against the Arabs: Working Hypothesis on the Sasanian Hold of the Gulf // Proceedings for the Seminar of Arabian Studies. Vol. 15 (1985). P. 57–77.*
- Potts 1990 — *Potts D.T. The Arabian Gulf in Antiquity. Vol. II. From Alexander the Great to the Coming of Islam. Oxford: Clarendon Press, 1990. – 408 с.*
- Widengren 1971 — *Widengren G. The Establishment of the Sasanian Dynasty in the Light of New Evidence // Atti del Convegno internazionale sul tema: La Persia nel Medioevo (Roma, 31 marzo – 5 aprile 1970). Roma: Accademia nazionale dei Lincei, 1971. P. 711–784.*
- ал-Ахбār ат-тивāl. Та’лиф ... ад-Дйнаварӣ. Изд. ‘А. ‘Амир. Каир: Визāрат ас-сақāфа ва ал-иршād ал-қаумӣ (ал-Иқлӣм ал-джанӯбӣ), ал-Идāра ал-‘амма ли-с-сақāфа, 1960. – 496 с.
- Китāб джамхарат ал-луға ли ... *Ибн Дурайд*. Изд. Р.М. Ба’лбаккӣ. Бейрут: Дār ал-‘илм ли-л-малāййн, 1987. – 1781 с.
- Му’дjam ал-булдāн ли ... *Йāқут*. Т. 4. Бейрут: Дār Ҷāдир, 1977. – 501 с.
- Нихāят ал-араб фӣ ахбār ал-фурс ва ал-‘араб. Изд. М.Т. Дāнешпэжӯх. Тегеран: Анджоман-и-āсār ва мафāхир-и-фархангӣ, 1996/97. – 490 с.
- ар-Рауд ал-ми’тār фӣ ҳабар ал-ақтār. Та’лиф ... *ал-Ҳимйарӣ*. Изд. И. ‘Аббās. Бейрут: Мактабат Лубнāн, 1975. – 765 с.
- Ҷифат Джазйрат ал-‘араб. Та’лиф ... *ал-Хамдāнӣ*. Изд. М. ал-Аква’ ал-Ҳавālӣ. Сана: Мактабат ал-иршād, 1990. – 526 с.
- Тārйх-и-Равдат ас-сафā. Таснӣф ... *Мӯрхвāнд*. Изд. ‘А. Парвйз. Ч. 1. Тегеран: Марказ-и-Ҳаййām, 1960. – 812 с.
- Тārйх-и-*Табарӣ*. Канпур, 1916. – 804 с.

М.С. ПЕТРОВА

ПЕТР АБЕЛЯР И МАКРОБИЙ

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ АНТИЧНОГО ЗНАНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация: В статье анализируются сочинения Петра Абеляра (1079–1142), обычно упоминаемого в числе средневековых авторов, находившихся под влиянием «Комментария на “Сон Сципиона”» Макробия (V в.). Рассматриваются те места из сочинений Абеляра (*Dialogus inter philosophum, Epitome theologiae christianae, Introductio ad theologiam* и др.), в которых имеются цитаты, лексическое и тематическое сходство с Макробиевым «Комментарием», в которых приводится название этого сочинения или же упомянуто имя Макробия. Определяется уровень знания и степень использования Абеляром текста Макробия и, соответственно, оказанного им влияния. Делается вывод, что в противоположность распространенному в науке мнению вряд ли имеет смысл говорить об осязаемом влиянии Макробиевого «Комментария» на Абеляра. Скорее, следует полагать, что идеи, воспринятые средневековым ученым и отраженные в его текстах, восходили в том числе и к Макробию. Под влиянием же, оказанным Макробиевым «Комментарием» на средневекового философа, следует подразумевать как его знание о самом Макробии и его сочинении, так и различную степень использования им этого трактата.

Ключевые слова: Средние века, текст, сочинение, влияние, сходство, традиция

Принято считать, что значение Макробия (V в.)¹ как автора-энциклопедиста, транслятора и популяризатора грече-

¹ О жизни Макробия и методах реконструкции его биографии см.: Петрова 2007: 8–410.

ского знания в средневековой науке необычайно велико² и что его «Комментарий на “Сон Сципиона”» пользовался широкой известностью среди ученых того времени, оказав на них немалое влияние³. Действительно, с уверенностью можно сказать, что в Средние века о Макробии и его трактате знали. Это знание подтверждается и обилием манускриптов, содержащих полный или фрагментарный текст «Комментария»⁴, и упоминаниями имени (или имен⁵) Макробия, которые делались средневековыми авторами, а также словесными параллелями и наличием разделов, восходящих к теориям Макробия.

В целом, наиболее известными и востребованными оказались те части «Комментария», которые были посвящены астрономии⁶ и геометрии (то есть картографии⁷ и геогра-

² Например, Уильям Рид говорит об огромном долге Средневековья по отношению к Макробию (см.: Reade 1926: 790). Заметим, что детальное изучение этого вопроса с привлечением контекста рассматриваемых сочинений еще предстоит провести, а имеющиеся выводы нельзя считать окончательными.

³ В целом, в большей степени прослеживается знание (влияние) «Комментария», затем — «Сатурналий» (в отличие от грамматической работы «О различии и сходстве греческого и латинского глаголов»). См., напр.: Stahl 1952; Gersh 1986: 493–495. См. также: Петрова 2021: 164–174.

⁴ Количество манускриптов с текстом «Комментария» исчисляется сотнями. См., напр., критические издания текстов Макробия: Jan (ed.) 1848. Vol. I: lxxxviii–xcviii; Willis (ed.) 1963. Vol. I: vii–x; Armisen-Marchetti (ed.) 2001–2003. T. 1: lxxii–xc.

⁵ Имена Макробия приводятся по-разному: Макробий Феодосий (Macrobius Theodosius — см., напр.: Cass. *Exposit. Psalm.* I, 10, 8 // PL 70: 95BC; Boet. *In Isagogen Porph.* I, 5 // CSEL 48: 31–32), Амвросий Макробий Феодосий (Ambrosius Macrobius Theodosius — см., напр.: MS Par. Lat. 7186 [глосса на полях]) и Макробий (Macrobius — см., напр.: Beda. *De nat. rer.* XVIII // PL 90: 234D, глосса Бирхтфорта к этому месту).

⁶ Глоссами на полях манускриптов средневековые переписчики обозначали начало астрономических подразделов «Комментария», наиболее важных на их взгляд, например: “Ex libris Macrobi de differentia stellarum et siderum” («Из книг Макробия о различии планет и звезд») — Macr. Comm. I, 14, 21; “De circis et spera” («О кругах и сфере») — Ibid. I, 14, 24; “De decem circulis” («О десяти кругах») — Ibid. I, 15 8; “De solis magnitudine” («О величине солнца») — Ibid. I, 20, 9. Встречаются

фии). Вероятно, средневековые ученые в том числе и через Макробия получили те немногие знания о Плотине⁸ с парафразами его рассуждений о важности четверицы основных добродетелей, о трех высших метафизических началах, о нисхождении души в материальную оболочку и ее стремлении вернуться обратно в свою вечную небесную обитель.

При попытках определения собственно влияния «Комментария» на того или иного средневекового ученого⁹ оказывается невозможно разделить прямое и не прямое воздействие трактата, поскольку многие затронутые Макробием

и более развернутые названия, например: “Ambrosii Macrobiani Theodosii de mensura et magnitudine terrae et circuli per quem solis iter est” («Амвросий Феодосий Макробий об измерении и величине земли и орбиты солнца») — Ibid. I, 20, 14 (см. также: Stahl 1990: 41–42). В частности, по маргинальным глоссам, добавлениям, диаграммам и иллюстрациям сделан вывод о том, что главы, в которых говорится о космографии, привлекали наибольшее внимание в Средние века (Stahl 1990: 39–42).

⁷ О влиянии Макробия на картографическую традицию в Средние века (X–XII вв.), см.: Чекин 1999: 87–107; о средневековых географических представлениях, см.: Мельникова 1998: 20–23, 50–51, 58–61, 68–69, 88–91, 96–97, 116–117.

⁸ Например, Иоанн Солсберийский по Макробиевому «Комментарии» (I, 13, 9) следует Плотину. Он упоминает Платона (наряду с Пифагором), полагая авторитетом в учении о недопустимости самоубийства, о котором говорит: “Veteris quidem philosophiae principes Pythagoras et Plotinus prohibitionis hujus non tam auctores sunt quam praecones, omnino illicitum esse dicentes, quempiam militiae servientem a praesidio et commissa sibi statione discedere, citra ducis vel principis jussionem...” (J. Saresb. *Polycr.* II, 27 // PL 199: 471C). Ср. изложение Петра Абеляра, также следовавшего Плотину через посредство Макробия (см.: P. Abael. *Dial.* // PL 178: 1649C); см. ниже, примеч. 21).

⁹ Тема влияния Макробия в Средние века (вследствие своей необъятности) мало изучена. Среди уже предпринятых (хотя и неполных) обзоров нами учтены имеющиеся работы: Manitius 1931. Bd. 3; Duhem 1915. T. 3: 62–71; Schedler 1916: 104–139; Stahl 1952: 39–55; Courcelle 1958: 205–234; Jeaneau 1960: 3–24; Silvestre 1963: 170–180; Flaman 1977: 688–693; Gersh 1986: 493–495 (п. 1). Отметим, что приведенные выше обзоры выполнялись посредством сверки указателей в соответствующих изданиях, а не посредством анализа собственно текстов средневековых авторов. Тем не менее, первые три работы списка заслуживают внимания, поскольку они легли в основу упомянутых здесь последующих изысканий.

темы в эпоху Средних веков пользовались исключительной популярностью.

Наша задача рассмотреть сочинения Петра Абеляра (1079–1142)¹⁰ — автора, которого обычно указывают в числе находившихся под влиянием Макробиевого «Комментария». Мы проанализируем те места из сочинений средневекового философа, в которых имеются цитаты, лексическое и тематическое сходство с «Комментарием», где приводится название сочинения или упомянуто имя Макробия¹¹. Наша цель — оценить уровень знания и степень использования Абеляром текста Макробия и, соответственно, масштаб оказанного им влияния.

Прежде следует заметить, что Абеляр являет собой достаточно яркий пример знания и использования Макробиевого текста в средневековой науке; сам он называл Макробия не только самым почитаемым из всех философов¹², но и величайшим толкователем Цицерона¹³.

Ссылки Абеляра на Макробия встречаются во многих сочинениях, но чаще всего во «Введении в теологию» (*Introductio ad theologiam in libros tres divisa*) (1113 г.) и «Христианской теологии» (*Theologia christiana*) (1119 г.)¹⁴ и в основном в тех фрагментах, где речь идет о Троице, праведном образе жизни, мифе. Соответственно к своему изложению

¹⁰ Именно в XII веке интерес к Макробию и его текстам достигает пика.

¹¹ Мы не претендуем на полноту исследования этого вопроса, хотя и предпринимаем попытку детального разбора отдельных текстуальных примеров.

¹² См.: P. Abael. *Introd. ad theolog.* I, 20 // PL 178: 1024C: “Hanc autem animae videlicet mundanae doctrinam praecipue *diligentissimus philosophorum in Expositione Macrobius reliquit*” (выделено нами. — М. П.). Заметим, что Абеляр, говоря о Макробии, употребляет “in Expositione” (в «Разъяснении»), а не “in Commentariis”.

¹³ См.: P. Abael. *Introd. ad theolog.* I, 19 // PL 178: 1022B: “Quantum etiam semper philosophia arcana sua nudis publicare verbis dedignata sit, et maxime de anima, de diis, per fabulosa quaedam involucra loqui consueverat, ille non mediocris philosophus, et *magni Ciceronis expositor Macrobius, diligentissime docet*” (выделено нами. — М. П.).

¹⁴ О времени появления и версиях этого трактата, см.: Неретина 1995: 37.

Абеляр привлекает те разделы (абзацы и сентенции) из Макробиевого «Комментария», в которых говорится о высших началах, о мифологической интерпретации, о добродетелях.

Чтобы понять, как Абеляр использует Макробиев текст, следует рассмотреть наиболее характерные заимствования. Но прежде заметим, что, во-первых, «Комментарий» и сочинения Абеляра разделяют шесть с половиной столетий. Во-вторых, основные положения учения Абеляра принадлежат иной, в сравнении с Макробием, традиции. В-третьих, логика Абеляра в контексте теологически ориентированной культуры Средних веков направлена на другие способы созерцания бога, а мир уже не мыслится существующим сам по себе¹⁵.

В соответствии с этим Бог Отец у Абеляра олицетворяет собою полное могущество: он пребывает в трех лицах, он един и троичен одновременно. Бог Сын — это Ум; Святой Дух — Мировая душа. Очевидно Абеляр, будучи человеком другой эпохи, должен был продумать, каким образом возможно приложить древние философские тексты к собственной онтологии. Именно с этой целью он упоминает Макробия как наряду с самим Платоном¹⁶ и в числе его последователей (например, Плотина)¹⁷, так и среди многих других авторов,

¹⁵ См.: Неретина 1995: 5–49.

¹⁶ Например, Абеляр говорит о Макробии как о последователе Платона тогда, когда замечает, что в уме Бога содержатся идеи вещей. См.: P. Abael. *Introd. ad theolog.* I, 9 // PL 178: 990D – 991A: “Sic et Macrobius Platonem insecutus, mentem Dei, quam *Greci* νοῦν appellant, *originales rerum species, quae ideae dictae sunt*, continere meminit”. Это точная цитата из «Комментария» (ср.: Macr. *Comm.* I, 2, 14). Подобные фразы Абеляр цитирует и в других сочинениях (см.: P. Abael. *Epitome theol. christ.* // PL 178: 1701B; Idem. *Sic et non* 155 // PL 178: 1605AB). Заметим, что Абеляр часто использует греческую терминологию, также заимствованную у Макробия, хотя она не отличается разнообразием (см. ниже, примеч. 28–29).

¹⁷ Например, отметив, что многие философы писали о бессмертии души, Абеляр, сославшись на Макробия, упоминает о тех заслуженных наградах или наказаниях, которые ожидают душу после того, как она оставит тело. См.: P. Abael. *Theol. christ.* II // PL 178: 1174CD: “Fidem itaque, ut diximus, philosophi praedicant, et immortalitatem animae tradunt,

таких как Цицерон¹⁸, Августин, Варрон, Вергилий, Боэций. Таким образом, выстраивая свою теорию, Абеляр опирается на самые разные тексты, в числе которых и Макробиев «Комментарий»¹⁹.

Метод изложения Абеляра не нов и просматривается достаточно легко: он подкрепляет свое мнение не только цитатами из сочинений авторитетных латинских авторов, но и взятыми у них же сведениями относительно учений греков. Он привлекает учение о четырех типах добродетелей, заимствованное у Макробия и восходящее к Плотину²⁰ (иногда упоминая имя последнего²¹).

futuramque pro meritis retributionem animarum sive ad poenam sive ad gloriam: unde et ad bona nos maxime cohortantur opera, spe videlicet coelestis beatitudinis et comminatione infernalis supplicii, de quibus plura Macrobius loquitur” (ср.: Macr. *Comm.* I, 8–10).

¹⁸ См.: P. Abael. *Theol. christ.* II // PL 178: 1182A: “Ad hanc profecto aequitatis censuram illa civitatum definitio spectat, de qua verba Tullii Macrobius exponens ait: *Illam autem definitionem quid pressius potest esse, quid cautius de nomine civitatum, quam concilia, inquit, coetusque hominum jure sociati, quae civitates appellantur?*”. Это точная цитата из «Комментария» (ср.: Macr. *Comm.* I, 8, 13).

¹⁹ В связи с этим фразы Абеляра о Макробии как о величайшем из философов и толкователе Цицерона (см. выше, примеч. 18), которые приводят исследователи при изучении возможного влияния Макробия на средневековых авторов (см., напр.: Stahl 1952: 44), следует понимать как демонстрацию собственной эрудиции автора.

²⁰ См.: P. Abael. *Introd. ad theolog.* II, 10 // PL 178: 1059A: “Unde Macrobius, cum juxta Plotinum quatuor virtutes Deo assignaret, Fortitudo, inquit, illi est quod semper idem est, nec aliquando mutatur”; Idem. *Theol. christ.* II // PL 178: 1185CD: “Philosophiam dicit Platonici sermonis, quam in sermone suo Plato ipse, sive Platonici praedicabant. Hi quidem juxta Macrobius ad tantam vitae celsitudinem pertingisse videntur, ut ipsi a quibusdam soli virtutes habere crederentur, ac per eas soli fieri beati. Plotinus vero inter philosophiae professores cum Platone princeps, ut ait Macrobius, cum quatuor virtutes quadrifariam divisisset, in *Platonicas* scilicet virtutes, et purgatorias, et quae sunt purgati animi ac defecati, atque exemplares; purgatorias philosophantibus quasi proprias assignat; et hae sunt, inquit, hominis, qui divini capax est, solumque animum ejus expediunt, qui decrevit se a corporis contagione purgare, et quadam humanorum fuga solis se inserere divinis; quorum, inquiunt, prudentiam esse mundum istum et omnia quae in mundo insunt divinatorum contemplatione despicere, omnemque animi cogitationem in sola divina dirigere” (ср.: Macr. *Comm.* I, 8,

В таком контексте весьма характерен следующий пример. Говоря о том, что «Бог — это дух, а для нас это истинная и духовная жизнь», Абеляр²² привлекает цитаты из тракта-

4 и I, 8, 8). Заметим, что Абеляр говорит о «платонических» добродетелях, тогда как у Макробия они называются «гражданскими». В другом месте Абеляр через посредство Макробия приводит слова Нумения. См. P. Abael. Theol. christ. I, 5 // PL 178: 1158AD; Idem. Theol. christ. III // PL 178: 1125BC: “Unde et Macrobius in argumentum mysticarum locutionum philosophorum illud assumpsit: Quomodo Numenio philosopho irata per somnium apparuerint numina, ipsaeque Eleusinae deae in habitu meretricio visae sint ei ante lupanar consistere, et querentes ab ipso se adyto pudicitiae per eum vi fuisse abstractas, eo videlicet quod de eis ille aperta sit interpretatus expositione, et non sicut alii de eis mystice et involute sit locutus” (ср.: Macr. Comm. I, 2, 19). Также см.: P. Abael. *Introd. ad theolog.* I, 19 // PL 178: 1022B), где Абеляр пишет о том, что философское таинство всегда свою наготу покрывает словами, и о душе, богах через сказания сообщает... (см. выше, примеч. 13).

²¹ Ср.: P. Abael. *Dial.* // PL 178: 1649C (пер. см.: Неретина 1995: 366–367): “Praeterea si stultorum opinione postposita, probatorum philosophorum excellentia de virtutibus dogmata consideres et disertissimi viri Plotini diligenter quaternariam virtutum distinctionem attendas, alias videlicet *politicas*, alias *purgatorias*, alias *purgati animi*, alias *exemplares* dicentis...”. Ср. аналогичную терминологию у Макробия (Macr. Comm. I, 8, 5).

²² P. Abael. *Introd. ad theolog.* I, 19 // PL 178: 1020AB: “Tullius quoque: *Nec vero Deus ipse, inquit, qui intelligitur a nobis, alio modo intelligi potest quam mens soluta quaedam et libera et segregata ab omni congregatione mortali, omnia sentiens et movens*. Alibi quoque: *Nihil est, inquit, praestantius Deo, ab eo igitur mundum regi necesse est. Nulli igitur naturae obediens aut subjectus est: Omnem igitur ipse regit naturam*. **Augustinus quoque lib. XII, De Civit. Dei, cap. 32**, de Varrоне loquens, ait: *Dicit etiam idem auctor acutissimus atque doctissimus quod hi soli et videantur animadvertisse quid esset Deus, qui crediderunt esse animam, motu ac ratione mundum gubernantem*. Mentem itaque, id est animum sive animam, Deum dixerunt, secundum quod totius mundi regimini quasi anima corpori praeest. Unde et per sapientem quemdam adhortantem non digne Deum excolere, nisi mente scilicet a vitiis purgata, et virtutibus adornata, pulchre in ipso suae adhortationis et disciplinae exordio dictum est: *Si Deus est animus nobis, ut carmina dicunt, // Hic tibi praecipue sit pura mente colendus*”. Здесь неверно указано место цитаты (выделено нами полужирным шрифтом. — М. П.), если следовать рубрикации современных изданий. Следует читать: Августин... IV, 31, 2.

тов Цицерона «Тускуланские беседы»²³ и «О природе богов»²⁴, показывая, что Бог — это ум, который правит всем. Затем он обращается к главе из сочинения Августина «О граде божьем»²⁵, где последним изложено мнение Варрона о необходимости почитания единого правящего всем миром Бога. Далее Абеляр приводит аналогичную стихотворную фразу Дионисия Катона²⁶, и только после такой «подготовительной» работы он, бегло упомянув о Макробии, воспринявшем речения Вергилия, делает заключение о необходимости стремиться к добродетельной и праведной жизни²⁷.

В целом, как представляется, для Абеляра Макробий оказывается «важнее» греческих авторов. Так, во «Введении в теологию», говоря об Уме и Мировой душе, их природе²⁸, он

²³ Cic. *Tusc. disp.* I, 27 (66): «Да и сам бог не может быть понят нашим пониманием иначе, чем некий отрешенный и свободный ум, отстранившийся от всякой смертной плотности, все чувствующий, все движущий и сам находящийся в вечном самодвижении» (пер. М.Л. Гаспарова).

²⁴ Cic. *De nat. deor.* II, 30 (77): «А ведь ничто не может быть превосходнее бога. Следовательно, он необходимо и правит миром... Бог не подчиняется и не подвластен никакой природе, он сам правит всей природой» (пер. М.И. Рижского).

²⁵ Aug. *De civ. dei* IV, 31, 2 (138): «Тот же весьма тонкий и ученый автор говорит, что, по его мнению, только те одни поняли, что такое Бог, которые представляли Его душой, управляющею миром посредством разума и движения».

²⁶ Cat. *Dist.* I, 1: «Если, как учат нас песни, бог есть дух, то тебе, первым делом, следует чтить его чистым разумом» (пер. Е.М. Штаерман).

²⁷ P. Abael. *Introd. ad theolog.* I, 19 // PL 178: 1020C: «Ac si aperte Filium instruens dicat: Cum Deus sit animus, nobis hoc est vera et spiritualis vita, sicut et ipsa perhibet scriptura poetarum, velut illa Virgilio verba, quae super hoc ipsum Macrobius inducit, sicut postmodum ostendemus, hunc praecipue, scilicet Deum, bene vivendo glorifica» («Как если бы он, обернувшись к Сыну, сказал: «Когда Бог есть дух, для нас это есть истинная и духовная жизнь, так и в писании поэтов утверждается, например речениями самого Вергилия, которым последовал Макробий») — здесь и ниже перевод наш. — М. П.).

²⁸ P. Abael. *Introd. ad theolog.* I, 20 // PL 178: 1024C; (см. также выше, примеч. 13); Ibidem. I, 20 (1026A): «Unde et Macrobius eam $\nu\omicron\upsilon\nu$ ipsam a Deo, quam animam a $\nu\phi$ creatam dicit, hoc est ex ipso esse» («Отсюда и Макробий говорит, что Ум от самого Бога произошел, а Душа от Ума»

вновь обращается к Макробию, цитируя его слова. Однако следуя Макробию, философ, с одной стороны, точно передает его текст, с другой — приспосабливает его изложение (впрочем, как и любой другой текст, который использует) к своему. Подобный пример имеется и в «Христианской теологии». Рассматривая тему первых и высших начал, Абеляр говорит о том, что Макробий понимал Мировую душу так, как сам он понимает Святой Дух; соответственно, Бог-Сын у него тождественен Мировому уму²⁹.

— ср.: *Macr. Comm.* I, 14, 6); P. Abael. *Introd. ad theolog.* I, 20 // 178: 1028B: “Ipse praeterea Macrobius, ea quae de anima mundi a philosophis dicta sunt, mystice interpretanda esse meminit”; *Ibidem* I, 20 (1029CD): “Platonem quippe Atheniensem fuisse constat. Illud autem in quo non mediocriter errasse Plato et videtur et dicitur, illud, inquam, quod animam mundi factam esse dicit, hoc est initium habuisse, et quod supra Macrobius, cum de anima mundi loqueretur, asseruit Deum et *voũ* ultra animam esse, quasi superiores dignitate, cum constat inter Catholicos tres personas in divinitate per omnia sibi coaequales et coaeternas sibi esse, si diligentius attendant a veritate non exorbitat, sicut postmodum ostendemus de processione Spiritus sancti dissentire”. См. также: *Ibidem* II, 17 (1082C): “Et hunc quidem philosophi sensum esse arbitror, sub illo animae typo, quod eam creaturam esse, id est incoepisse perhibet, et quasi temporalem esse, non aeternam. Juxta quod et Macrobius animae ipsi tam Deum quam *Noũ* proferre non abhorreret”.

²⁹ P. Abael. *Theol. christ.* I, 5 // PL 178: 1151D, 1153C, 1156C, 1158AD, 1161A; *Ibidem* II (1194A): “Macrobius super hunc locum: *Haec secta et praeceptio Platonis est, qui in Phaedone definit homini non esse sua sponte moriendum*”. Это точная цитата из Макробиева «Комментария» (ср.: *Macr. Comm.* I, 13, 5). См. также: P. Abael. *Theol. christ.* IV // PL 178: 1307BD: “Macrobius quoque ipsam etiam mundi animam, quam putamus Spiritum sanctum intelligi, ex *Noy* (*voũ*) hoc est ex Filio praecipue esse declarat, cum aperte eam a *Noy* (*voũ*) creatam sive natam, sicut et ipsam *Noym* (*voũ*) a Deo Patre esse profitetur, ita generaliter de origine animae exorsus: *Deus, qui prima causa et est et vocatur, unus omnium quae sunt, quaeque videntur esse, princeps et origo est. Hic superabundanti majestatis fecunditate de se mentem creavit. Haec mens quae noys* (*voũς*) *vocatur, qua Patrem inspicit, plenam similitudinem servat auctoris. Animam vero de se creat, posteriora respiciens. Rursus anima Patrem qua intuetur induitur, ac paulatim redigente respectu* [ap. Macrobius: *regrediente respectu*] *in fabricam corporum, in corporea ipsa degenerat*”. За исключением словосочетания, выделенного нами полужирным шрифтом, это точная цитата из «Комментария» (ср. *Macr. Comm.* I, 14, 6–7); это же место из Мак-

С уверенностью можно сказать, что Абеляр знал и использовал Макробиев «Комментарий»³⁰, часто упоминая авторитетное имя его автора. Однако «теории» Макробия Абеляр, следуя представлениям своей эпохи, инкорпорирует

робиевого «Комментария» с незначительными отличиями, например в словах: **reaigente respectum**, процитировано Абеляром и во «Введении в теологию» (см.: P. Abael. *Introd. ad theolog.* II, 17 // PL 178: 1080D–1081A). Далее Абеляр прикладывает понятия, заимствованные у Макробия, к Троице: согласно Абеляру, Ум рождается от Бога так же, как Сын рождается Отцом; Душа, рожденная Умом, это то же, что от Сына произошел Дух [Святой]. См.: P. Abael. *Theol. christ.* IV // PL 178: 1307C: “*Creari autem sive nasci, hoc loco Macrobius abusive protulit, sicut et in primo loco determinavimus, cum videlicet tam mentem ipsam quam animam creatam dixerit: mentem quidem ex Deo, hoc est Filium ex Patre; et animam ex mente, hoc est Spiritum ex Filio: ubi et utramque natam esse insinuat, cum utrique Patrem assignat, Deum quidem menti et rursum mentem ipsam animae*”. Далее Абеляр рассуждает об ангелах, которых не было у Макробия, однако ссылается на последнего (см.: P. Abael. *Theol. christ.* IV // PL 178: 1309AB).

³⁰ Заметим, что Абеляр был знаком и с «Сатурналиями» Макробия. Об этом свидетельствуют его ссылки и цитаты. См.: P. Abael. *Ep.* VIII // PL 178: 291AB: “*Cujus quidem rei rationem inducens Macrobius Theodosius Saturnaliorum libro IV, sic ait ‘Aristoles, mulieres, inquit, raro inebriantur, crebro senes. Mulier humectissimo est corpore. Docet hoc et levitas cutis et splendor. Docent praecipue assiduae purgationes superfluo exonerantes corpus humore. Cum ergo epotum vinum in tam largum ceciderit humorem vim suam perdit, nec facile cerebri sedem ferit fortitudine ejus extincta’* ”; Idem. *Ep.* VIII // PL 178: 291AB: “*Muliebre corpus crebris purgationibus depuratum, pluribus consertum foraminibus, ut pateat in meatu, et vias praebeat humori in egestionis exitum confluenti. Per haec foramina vapor vini celeriter evanescit*”. Это почти точная цитата Абеляра из «Сатурналий» (ср.: Macr. *Saturn.* VII, 17–18), однако указанная им ссылка неверная. См. также: P. Abael. *Serm.* // PL 178: 608B: “*Unde et Macrobius, Saturnaliorum libro II de Augusto et joci ejus inter caetera sic meminit: Cum audisset inter pueros quos in Syria rex Judaeorum Herodes in tribunatu jussit interfici, filium quoque ejus occisum, ait: ‘Melius est Herodis porcum esse quam filium’* ” (ср.: Macr. *Saturn.* II, 4, 11). Далее Абеляр продолжает цитировать Макробия. Характерно, однако, что в современном издании Макробия (e.g. Willis [ed.] 1963: ad loc.) эта фраза отсутствует. Ср. Macr. *Saturn.* II, 4, 11: “*Credebat quippe Augustus ipsum etiam Herodem regem Judaeorum more populi sui a carne abstinere porcina, et ob hoc eum nequaquam porcos occidere velle, a quorum usu decreverat abstinere*”.

в контекст рассуждения, сообразующегося с догматами христианской метафизики³¹. И здесь необходимо учитывать, что доля Макробиевого текста, которую использовал Абеляр, невелика; сам же Макробий для него был одним из многих других писателей, чьи тексты он знал, читал и использовал. По этой причине (а также из-за принадлежности к разным интеллектуальным традициям) вряд ли следует рассматривать Макробия в качестве автора, оказавшего на Абеляра особое влияние.

Немаловажным представляется и такой факт: Абеляр, ссылаясь на тексты Макробия и других авторов, часто приводит неверные ссылки. Возможно, это связано с тем, что он заранее мог сделать выписки из текстов или же мог пользоваться школьными компендиями, в которых подобные неточности могли присутствовать³². Но именно такие ссылки Абеляра на Макробия рассматриваются как свидетельство его интереса к текстам латинского автора³³.

³¹ P. Abael. *Theol. christ.* II // PL 178: 1194AB, где Абеляр почти дословно следует Макробию, выпуская из его текста лишь несколько фраз, которые не несут смысловой нагрузки. Однако одно отличие все же имеется. У Абеляра — христианское “in dominum Dei”, у Макробия — “in dominum deorum” (ср.: Macr. *Comm.* I, 13, 5–8).

³² Мы имеем в виду ссылки на «О граде Божьем» Августина и на Макробиевы «Сатурналии» (см. выше, соответственно, примеч. 22 и 30).

³³ Среди авторов XII в., на которых Макробиев «Комментарий» мог оказать влияние, указываются также Гуго из Сен-Виктора (1096 / 7–1141), в связи с его обращением в «Учительном наставлении» (*Eruditio didascalica*) к аритмологии и теории души и Алан Лилльский, применительно к учению о первоначалах, аритмологии и теории души. Из числа авторов XIII века — Александр Гэльский (1185 / 6–1245) и его «Сумма всеобщей теологии» (*Summa universae theologiae*), Роберт Гроссетест (1168 / 75–1253), который в «Сумме философии» (*Summa philosophiae*) называет Макробия одним из ведущих латинских философов и цитирует из «Комментария», Бонавентура (1221–1274), ссылающийся на Макробиево обсуждение добродетелей в «Своде на Шестоднев» (*Collationes in Hexaemeron*) и в «Комментарии на четыре книги сентенций Петра Ломбардского» (*Commentarii in quatuor libros sententiarum Petri Lombardi*), Винсент из Бовэ (ок. 1190 – ок. 1264), оперирующий материалом «Комментария» (большей частью при изложении теории души и почти всегда ссылаясь на Макробия) в трех рабо-

Подобное исследование текстуальных параллелей, включающее упоминания имени Макробия или заглавий его сочинений, позволяет нам сделать вывод, что в противоположность распространенному в науке мнению вряд ли имеет смысл утверждать, что «Комментарий» Макробия оказал ощутимое влияние на Абеляра. Скорее, следует полагать, что идеи, воспринятые средневековым ученым и отраженные в его текстах, восходили в том числе и к Макробию. Кроме того, под влиянием, оказанным Макробиевым «Комментарием» на Абеляра, следует подразумевать как знание последнего о самом Макробии и его сочинении, так и различную степень использования им известного трактата.

Заметим, нами были рассмотрены лишь отдельные, наиболее авторитетные сочинения средневекового философа, в которых прослеживаются изложенные Макробием темы. Применительно к дальнейшим исследованиям влияния Макробия на Абеляра или степени его знания Макробиевых сочинений представляется необходимым изучить другие его работы, даже если в них отсутствуют прямые заимствования из текстов Макробия.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ, ИХ ПЕРЕВОДЫ И СОКРАЩЕНИЯ

Оригинальные тексты, кроме случаев оговоренных особо, см. в электронных базах данных:

ALB — Aureae Latinitatis Bibliotheca (1991).

тах: «Естественном зеркале» (*Speculum naturale*), «Зерцале учения» (*Speculum doctrinale*), «Зерцале истории» (*Speculum historiale*), Альберт Великий (1193 / 26–1280), упоминающий Макробия как авторитет в вопросе о бессмертии души наравне с Платоном в «Сумме о человеке» (*Summe de homine*) наряду с Фомой Аквинским (1225 / 6–1274) в «Сумме теологии» (*Summa theologiae*) (см. также: Stahl 1952: 42–45). В отношении возможного влияния Макробиевого «Комментария» на авторов XIV–XV вв. отмечают Франческо Петрарка (1304–1374) и Данте Алигьери (1265–1321) (Stahl 1952: 45–46). Однако, на наш взгляд, в последнем случае имеет смысл говорить лишь о литературной традиции.

BTL — Bibliotheca Teubneriana Latina (2002).

PHI 5 — Packard Humanities Institute (version 5, 1991).

PL — Patrologia Latina (1993–1995), или см.: Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / Ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1844–1865. Т.1–225 — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.documentacatholicaomnia.eu/1815-1875_Migne_Patrologia_Latina_01_Rerum_Conspectus_Pro_Tomis_Ordinatus_MLT.html, дата обращения — 01.05.2024].

MS Par. Lat. 7186 — MS Parisinus Latinus 7186 (Bibliothèque Nationale, Paris).

Августин (Aug.)

De civ. Dei — S. Aurelii Augustini Hipponensis episcopi ad Marcellinum De civitate Dei contra paganos libri viginti duo // PL 41. — *Блаженный Августин. О граде Божием* // Блаженный Августин. О граде Божием в двадцати двух книгах. Киевъ, 1905–1910; репринт. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 1–4.

Беда Досточтимый (Beda)

De nat. rer. — Beda Venerabilis. De natura rerum liber // PL 90.

Боэций (Boet.)

In Isag. Porph. — Boetii In Isagogen Porphyrii commenta / Ed. S. Brandt // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vol. 48. Vienne, 1906.

Дионисий Катон (Cat.)

Dist. — Catonis Disticha // ALB. — Дионисий Катон. Моральные дистихи / Пер. Е.М. Штаерман // Вестник древней истории. 1981. № 4. С. 227–234.

Иоанн Солсберийский (J. Saresb.)

Polycr. — Joannis Saresberiensis Polycraticus, sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum // PL 199.

Кассиодор (Cass.)

Exposit. Psalm. — Flavius Magnus Aurelius Cassiodorus. Expositio Psalmorum LXXI / Ed. by M. Adriaen // Corpus Christianorum. Series Latina. Vol. 98. Turnhout: Brepols, 1958 — Ibidem / PL 70.

Макробий (Macr.)

«Комментарий на “Сон Сципиона”» (*Comm.*)

Jan (ed.) 1848. — Macrobius. Opera quae supersunt / Ed. L. von Jan: 2 v. — Leipzig – Quedlinburg, 1848. Vol. 1: Commentarii in Somnium Scipionis; Vol. II: Saturnalii.

Willis (ed.) 1963. Vol. 2 — Ambrosii Theodosii Macrobiani Commentarii in Somnium Scipionis / Ed. I. Willis. Vol. 2. Leipzig: Teubner, 1963.

- Armisen-Marchetti (ed.) 2001–2003 — Macrobe. Commentaire au songe de Scipion / Texte établi, trad. et comm. par M. Armisen-Marchetti // Collection des Universités de France. Série latine. V. 360. Paris: Les Belles Lettres, 2001–2003. T. I: Livre I; T. II: Livre II.
- Петрова (пер.) 2007 — Макробий Амвросий Феодосий. Комментарий на «Сон Сципиона». Кн. I. Гл. 1–4; 8–14 и 17. Кн. II. Гл. 12–13 и 17 / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007. С. 176–321.
- «Сатурналии» (*Saturn.*)
- Jan (ed.) 1852. — Macrobius. Opera quae supersunt / Ed. L. von Jan. 2 vol. Leipzig – Quedlinburg, 1848–1852. Vol. 1. Saturnaliorum libri VII. 1852.
- Willis (ed.) 1963. Vol. 1. — Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalia / Ed. I. Willis. Vol. 1. Lipsiae, 1963.
- Звиревич (пер.); Петрова (ред.) 2013; 2022 — Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича; общ. ред. и сост., вступит. ст. М.С. Петровой; примеч. и указат. М.С. Петровой и В.Т. Звиревича; прилож. М.С. Петровой. М.: Кругъ, 2013; 2 изд.: М.: Аквилон, 2022.
- Петр Абеляр (P. Abael.)
- Dial.* — Petri Abaelardi Dialogus inter philosophum, judaeum et christianum // PL 178.
- Неретина (пер.) 1995 — Петр Абеляр. Диалог между Философом, Иудеем и Христианином / Пер. С.С. Неретиной // Петр Абеляр. Теологические трактаты. М.: Прогресс – Гнозис, 1995. С. 311–411.
- Ep.* — Petri Abaelardi Epistolae // PL 178.
- Ep. theol. christ.* — Petri Abaelardi Epitome theologiae christianae // PL 178.
- Ethica* — Petri Abaelardi Ethica seu Liber dictus scito te ipsum // PL 178.
- Неретина (пер.) 1995 — Петр Абеляр. Этика, или Познай самого себя / Пер. С.С. Неретиной // Петр Абеляр. Теологические трактаты. М.: Прогресс – Гнозис, 1995. С. 247–310.
- Introd. ad theolog.* — Petri Abaelardi Introductio ad theologiam in libros tres divisa // PL 178.
- Serm.* — Petri Abaelardi Sermones et opuscula ascetica // PL 178.
- Sic et non.* — Petri Abaelardi Sic et non // PL 178.
- Theol. christ.* — Petri Abaelardi Theologia christiana // PL 178.
- Цицерон (Cic.)
- Tusc. disp.* — M. Tullius Cicero. Tusculanae disputationis // PHI 5.

- Гаспаров (пер.) 1975 — Цицерон. Тускуланские беседы / Пер. с лат. М. Гаспарова // Цицерон. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1975. С. 207-357.
- De nat. deor.* — М. Tullius Cicero. *De natura deorum libri tres* // PHI 5.
- Рижский (пер.) 1985 — Цицерон. О природе богов / Пер. с лат. М.И. Рижского // Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 60-190.

ЛИТЕРАТУРА

- Мельникова 1998 — Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М.: Янус-К, 1998.
- Неретина 1995 — Неретина С.С. Абельяр и особенности средневекового философствования // Петр Абельяр. Теологические трактаты / Пер., коммент., сост. С.С. Неретиной. М.: Прогресс-Гнозис, 1995. С. 5-49.
- Петрова 2007 — Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. М.: Кругъ, 2007.
- Петрова 2021 — Петрова М.С. Механизм восприятия античного текста средневековым автором (на примере сочинений Макробия и П. Абельяра) // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2021. Т. 163. Кн. 3. С. 164–174.
- Чекин 1999 — Чекин Л.С. Картография христианского Средневековья VIII–XIII вв. М.: Восточная литература, 1999 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Courcelle 1958 — Courcelle P. La postérité chrétienne du 'Songe de Scipion' // *Revue des études latines*. 1958. No 36. P. 205–234.
- Duhem 1915 — Duhem P. *Le système du monde; histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic*: 5 t. Paris: Hermann, 1915. Т. 3.
- Flaman 1977 — Flamant J. *Macrobie et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle*. Leiden: Brill, 1977.
- Gersh 1986 — Gersh St. *Middle Platonism and Neoplatonism: The Latin Tradition*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1986. V. II.
- Jeauneau 1960 — Jeauneau É. *Macrobie, source du platonisme chartrain* // *Studi Medievali*, III serie. 1960. V. 1. P. 3–24.
- Manitius 1931 — Manitius M. *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*: 3 Bd. München: Beck, 1911–1931. Bd. 3.

- Reade 1926 — *Reade W.H.V.* Philosophy in the Middle Ages // The Cambridge Medieval History: 8 v. New York: Cambridge Univ. Press, 1926. Vol. 5: The Contest of Empire and Papacy / Ed. J.R. Tanner, C.W. Previte-Orton, Z.N. Brooke. P. 780–829.
- Schedler 1916 — *Schedler Ph.M.* Die Philosophie des Macrobius und ihr Einfluss auf die Wissenschaft des Christlichen Mittelalters: Dargestellt and Philosophiegeschichtlich Untersucht. Münster: Aschendorffsche Verlagsbuchhandlung, 1916 (Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie des Mittelalters. Bd. 13. Hf. 1).
- Silvestre 1963 — *Silvestre H.* Note sur la survie de Macrobie au Moyen Âge // *Classica et Mediaevalia: Revue danoise de philologie et d'histoire.* 1963. V. 24. P. 170–180.
- Stahl 1952 — *Stahl W.G.* Introduction // Macrobius. Commentary on the 'Dream of Scipio' / Trans. and notes by W.H. Stahl. New York, 1952 (reprint 1990). P. 3–65.

О.В. ДМИТРИЕВА

ТЕКСТ И ЕГО ВИЗУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ПАМФЛЕТЕ ДЖОНА ДЕРРИКА «ОБРАЗ ИРЛАНДИИ, А ТАКЖЕ ОТКРЫТИЕ ЛЕСНЫХ РАЗБОЙНИКОВ» (1581)

Аннотация: В статье рассмотрен стихотворный памфлет Джона Деррика «Образ Ирландии, а также Открытие лесных разбойников», опубликованный в 1581 г. «главным печатником» английской реформации Джоном Дзем. Памфлет был проиллюстрирован редкой для подобного популярного издания серией из двенадцати гравюр на дереве. Автор анализирует взаимодействие текста и визуального материала в памфлете Деррика, направленного на прославление стратегии английского наместника Г. Сидни в Ирландии, и показывает, как основной поэтический текст памфлета, маргиналии, иллюстрации и стихотворные подписи к ним раскрывали его идейное содержание.

Ключевые слова: памфлетная литература, Джон Деррик, Джон Дэй, Генри Сидни, Ирландия, «Образ Ирландии», гравюры, визуальная пропаганда

Предметом рассмотрения в данной работе является труд Дж. Деррика «Образ Ирландии, а также Открытие лесных разбойников» (*The Image of Ireland, With a Discoverie of Woodkarne*), написанный в Дублине в 1578 г. и опубликованный в Лондоне в 1581 году¹. По форме и содержанию его с полным основанием можно отнести к памфлетной литературе. Памфлет был безусловным «фаворитом» издательского

¹ Derricke 1883.

дела раннего Нового времени. Для этого формата характерны определенные параметры: небольшой объем (брошюра ин-кварти, не превышавшая 1–12 листов, то есть, 8–9 страниц, и не требовавшая переплета, что делало издание недорогим), коммерческая привлекательность, увлекательное повествование². Тексты могли содержать поражающие воображение рассказы о невероятных происшествиях, чудесах, кровавых убийствах, необъяснимых небесных явлениях, рождении монстров, но также и подлинные новости, сообщения о событиях, происходящих за границей, о битвах и морских сражениях, придворных празднествах и приемах. Памфлет мог обладать ярко выраженной пропагандистской или полемической направленностью, представляя собой апологию, панегирик или, напротив, пасквиль. Поскольку издатели подобной литературы рассчитывали на коммерческий успех, содержание должно было вызывать интерес у самой разной публики, привлекая как искушенных читателей, так и полуграмотное простонародье. Типографы прибегали к игре шрифтов, нередко сочетая так называемый *Black letter* — готический минускул, которым обычно печатали дешевую массовую продукцию, с курсивом, использовавшимся для пара-текстов, обращенных к покровителям автора и благородным читателям. Используя разнообразные шрифты, маргиналии, шмуцтитулы, печатники осуществляли рубрикацию текста, облегчая его восприятие для читателя. В качестве иллюстраций широко использовались недорогие гравюры, выполненные в технике ксилографии. С точки зрения этих критериев, произведение Джона Деррика — это квинт-эссенция памфлета, прекрасное воплощение подобного типа печатной продукции.

О самом авторе нам, к сожалению, известно немного. Он был англичанином, служившим в 1570-х гг. в Ирландии под началом лорда-наместника королевы Елизаветы I, сэра Генри Сидни, отца знаменитого поэта Ф. Сидни, которому Джон Деррик и посвятил свой труд. Как явствует из заглавия, он

² О классификации и параметрах памфлетов раннего Нового времени см.: Raymond 2003.

был завершен в Дублине в 1578 г., незадолго до того, как закончилась и ирландская карьера Генри Сидни, который был отозван в Лондон, где подвергся острой критике со стороны королевы за неспособность подавить постоянные мятежи гэльского населения. Политика наместника вызывала недовольство и англо-ирландского дворянства, в особенности из-за его планов ввести постоянный налог на содержание военных гарнизонов в Ирландии³. Свою отставку с поста вице-короля Сидни приписывал интригам недоброжелателей — некогда занимавшего этот пост Томаса Редклиффа, третьего графа Сассекса, и Томаса Батлера, десятого графа Ормонда. И хотя он не утратил личного доверия королевы и оставался до конца своей жизни членом ее Тайного совета, неудачное завершение карьеры в Ирландии было болезненным ударом по его самолюбию.

Книга Деррика, завершенная в 1578 г., вышла в свет в Лондоне лишь в 1581 г. Есть все основания предполагать, что ее издание стало частью кампании по защите репутации Г. Сидни и апологии его ирландской политики, организованной в столице его политическими единомышленниками и родственниками, в число которых входили высокопоставленные члены Тайного совета — Р. Дадли, граф Лейстер, государственный секретарь Ф. Уолсингем и др. Это произведение стало самым ярким текстом, прославлявшим решительные действия елизаветинской администрации и лично Генри Сидни в Ирландии⁴.

Издание было заказано Джону Дэю (1522–1584), снижавшему славу «главного печатника» английской реформации, после того, как он выпустил в свет знаменитый протестантский мартиролог Джона Фокса «Деяния и достопамятности» (*Acts and Monuments*, 1563), сопроводив его серией высококачественных гравюр. Эта книга, уступавшая по размерам тиражей в Англии только Библии, содержала более

³ О политике английских наместников в Ирландии см. подробнее: Bagwell 1885; Gilbert 1865; Brady 1994; A Viceroy's Vindication? 2002.

⁴ Анализ политического содержания этого памфлета и апологетических мотивов, связанных с деятельностью Сидни см.: Дмитриева 2023.

семидесяти гравированных иллюстраций, что делало ее уникальной и, безусловно, свидетельствовало о наличии у издателя налаженных связей с художниками, изготовлявшими гравюры на дереве. Убежденный протестант, Джон Дэй был тесно связан с кругом Лейстера — Уолсингема. Принимая во внимание, что они, как и Генри Сидни, входили в Тайный совет, размещение заказа на издание книги Деррика в типографии Дэй придавало этому предприятию полуофициальный характер.

Труд Деррика был в первую очередь апологией Сидни, но не только. Он содержал увлекательное повествование об ирландских делах, написанное в стихах в духе народной баллады, и был проиллюстрирован редкой для подобного популярного издания серией из двенадцати гравюр на дереве. Высказывались предположения о том, что автором некоторых из них, помеченных монограммой *JD*, возможно, был сам Джон Деррик, служивший на таможне в Дрохеде, но при этом слывший художником (при этом трудно судить, выполнял ли он одни лишь эскизы или сам резал доски для ксилографической печати). Ряд гравюр, отмеченных монограммой *FD*, иногда приписывают брату Деррика, однако это лишь предположение и серьезных оснований для такой атрибуции нет. Гравюры были большеформатными, складывались вдвое (что свидетельствует о значительных затратах издателя) и распределялись по всему тексту. По-видимому, впоследствии читатели нередко извлекали их из книг и использовали как самостоятельные плакаты, украшавшие стены. Этим объясняется тот факт, что из девяти дошедших до нашего времени экземпляров памфлета только в двух сохранились гравюры. Полный же набор из двенадцати ксилографий уцелел лишь в одном экземпляре, который хранится ныне в библиотеке Эдинбургского университета.

Памфлет Деррика считается одним из важнейших произведений, определивших восприятие англичанами Ирландии и ее населения на рубеже XVI–XVII веков⁵. Этот текст знаменовал собой переход от традиционного для елизавет-

⁵ Knapp 2000; Moroney 1999.

тинской литературы языка «варварства» и «цивилизованности» в описании взаимоотношений ирландцев и англичан к «апокалиптическому» дискурсу, в котором ирландцам приписывалась изначально порочная натура, обрекавшая их на вечное проклятие⁶. Лишенные божественной благодати, они якобы не поддавались цивилизаторским усилиям и были неспособны воспринять английские законы, став частью единого с англичанами политического тела. Отсюда вытекало оправдание жестких мер по отношению к ирландским «мятежникам» (вплоть до несоблюдения договоров с ними, массовой резни, сожжения окруженных противников заживо, отрубания голов и водружения их на стены Дублинского замка для устрашения непокорных и т.п.)⁷. Генри Сидни представал в памфлете победоносным военачальником, который неуклонно теснит «изменников», христианским «рыцарем-чемпионом», защитником королевы, персонификацией всей мощи английской монархии, а также апокалиптическим «небесным косцом» — воплощением Божественного правосудия.

Памфлет имел очень сложную дробную структуру⁸, многослойную и в содержательном, и в стилистическом плане: в нем мифопоэтическая интерпретация ирландской истории соседствовала с достоверными и весьма ценными этнографическими сведениями, политически окрашенное изложение исторических событий уживалось с христианской

⁶ Derricke 1883: 41.

⁷ Этой практике в контексте политики английских властей посвящено немало исследований. См., в частности: Bradshaw 1978; Palmer 2007; Covington 2014; Kane 2014.

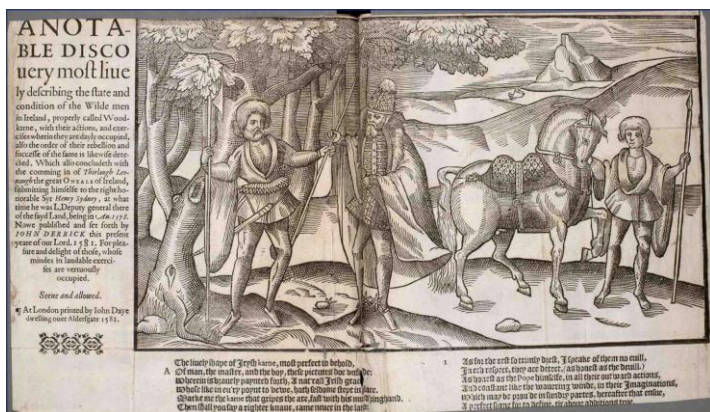
⁸ Она включала ряд «пара-текстов» — посвящение Ф. Сидни; обращение к лордам ирландского Пэйла, к «добрым и благородным читателям», в особенности — к англичанам; две основные части, из которых только вторая имела пролог. Сравнительно небольшие третья и четвертая части представляли собой монологи реальных персонажей, которые были действующими лицами ирландской истории (каждому из них был предпослан свой пролог). Наконец, завершающая и самая краткая пятая часть была, по сути, воображаемым монологом отрубленной головы поверженного ирландского мятежника. Основной текст памфлета был набран готическим минускулом, паратексты — курсивом.

дидактической аллегорией, проповедью и апокалиптическими пророчествами, топосы куртуазного романа использовались в целях апологии действий наместника Ирландии.

Интересна сама система организации текста и авторской аргументации. Деррик находит способ трижды повторить важные для него мысли и оценки ирландской действительности. В первый раз он дает их в основном поэтическом тексте. Однако, поскольку стихи изобиловали метафорами, аллегорическими образами и отсылками к классической мифологии, смысл мог ускользнуть от неискушенного читателя. Поэтический текст накладывал на автора определенные ограничения и в силу необходимости подбирать размер и рифму. Для того чтобы растолковать темные места, расшифровать аллегории для простаков, усилить впечатление, добавить яркие детали и закрепить основную мысль, Деррик активно использовал маргиналии: практически каждую поэтическую строфу сопровождали пространные прозаические комментарии на полях. В третий раз важные для автора тезисы повторялись в подписях к иллюстрациям. Такой прием позволял, и расширить смысловую «директорию», добавив новые тезисы, и закрепить сказанное в сознании читателя. Этой же задаче были подчинены иллюстрации.

Проблема взаимодействия текста и визуального материала в памфлете заслуживает отдельного внимания. Впервые гравюры появляются во второй части памфлета, где автор живописует варварские нравы ирландцев. В его интерпретации прекрасная ирландская земля, «небесная невеста», обручена с совершенно неподходящим женихом, грубым ирландским народом, «мужичьем», которое характеризуется термином *karne* или *woodkarne*. (Этот термин вмещает в себя целый спектр смыслов, от просто «мужика» или «воина» до «бандита» и «разбойника».) Описания ирландцев в памфлете — сугубо негативные, излюбленным определением для всего, что связано с ними, у Деррика является термин «чудовищный» (*monstrous*). Автор дает очень ценное с этнографической точки зрения описание их одежды, но все в их облике кажется ему «странным», «чужеродным», «примитивным». По его мнению, их шерстяные мантии, жакеты с не-

обычными длинными рукавами, «странные» рубахи, которые они собирают на пояс во множество складок, но подпоясываются так высоко, что в сочетании с узкими штанами это выглядит неприлично, все это — «чудовищное зрелище» (*monstrous to behold*). На гравюре I (Илл. 1), прилагающейся к тексту, были изображены ирландский лорд, отправляющийся в поход, юный босоногий оруженосец, ведущий под уздцы его коня, и бородатый воин средних лет, вооруженный

Илл. 1
Гравюра I

мечом и боевым топором, но не имеющий шлема, который вручает своему предводителю копье. Несмотря на то, что гравюра призвана дать читателю первое представление об облике ирландцев, стихотворная подпись к ней выходит за рамки простого комментария: автор сразу выносит крайне негативную оценку этим персонажам. Воин в его глазах настоящий негодяй, какого не сыскать (*knaue*), а его рука, держащая топор, это рука убийцы (*murd'ring hand*). Лорду и оруженосцу Деррик приписывает лживость и вероломство, они «честны, как сам дьявол» или «как Папа», что, разумеется, было уничижительной характеристикой в устах протестанта⁹.

⁹ Derricke 1883: 123. Plate I.

Образ жизни и нравы местного населения изображаются в памфлете в еще более мрачных тонах. Ирландцы у Деррика — «испорченное» по своей природе, «извращенное» племя, которое не боится Бога, не почитает короля и законы, они — враги общественного блага. По ночам ирландские «разбойники» нападают на верных подданных английской короны, убивают спящих, вешают их, грабят, угоняют скот и сжигают все, что не могут унести. Не щадят они и своих соплеменников, действуя как разбойники и обрекая ограбленных на голодную смерть. Интересно рассмотреть, как в этом случае работают маргиналии и иллюстрации, подчиненные единой цели. На полях автор добавляет ряд уничижительных эпитетов, не вошедших в основной текст: ирландцы для него «гусеницы на древе государства», «паписты», разбойники, которые не испытывают сострадания ни к женщинам, ни к детям¹⁰. Гравюра II (Илл. 2) дословно иллюстрирует эти

Илл. 2
Гравюра II

¹⁰ Ibid.: 51.

описания, изображая сцену набега бандитов на мирную деревню. В подписи особо подчеркивается, что ирландцы — народ, который жалеет своих соотечественников не более, чем англичан, что они тем больше гордятся собой, чем больше совершили зла, а их слава определяется размером награбленной добычи¹¹.

Обычаи ирландцев в еде представляются Деррику варварскими: они редко употребляют хлеб (по-видимому, потому что не хотят заниматься сельским хозяйством), но любят мясо, однако не умеют его готовить, как это принято у цивилизованных народов. Забивая угнанный скот, они пожирают внутренности прямо с кровью, едят подгоревшее мясо, поджаренное на углях, вместе с землей и золой. Столов у них нет, вместо скамеек используются тюфяки, набитые соломой. В комментарии на полях автор добавляет, что ирландцы едят по-свински, заслуживают того, чтобы кормиться рядом с собаками, и в целом их застолье похоже на «пир ведьм, сидящих на своих хвостах»¹². Гравюра III (Илл. 3), изображающая трапезу ирландского лорда, отсылает к этим пассажам из основного текста, но также вводит и новые темы, в частности, Деррик предлагает задуматься о роли католических монахов в ирландском обществе, в которых он видит подстрекателей к мятежу, источник зла и диких заблуждений ирландцев. За столом лорд сидит с женой или конкубиной (которых, по словам Деррика, он часто меняет)¹³, а вместе с ними на почетном месте восседает «негодяй-монах», которому «скорее подошло бы высокое место на виселице»¹⁴. Инвективы против католических монахов становятся сквозной темой и в маргинальных примечаниях, и в подписях под иллюстрациями, где такой монах именуется «лже-апостолом, святым, как Дьявол»¹⁵. Не меньше зла приносят своему народу барды, которые на пирах в сопровождении арфистов поют о славных деяниях и завоеваниях предков, то есть, по

¹¹ Ibid.: 126. Plate II.

¹² Ibid.: 54.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibid.: 128. Plate III.

Тему ложной католической веры и роковой роли, которую играют монахи-«иуды», благословляющие ирландцев на мятежи и обещающие им отпущение грехов, продолжает гравюра IV (Илл. 4). На ней ирландский вождь, получив благословение монаха, ведет своих людей в бой, однако английская армия обращает их в бегство. Бросается в глаза контраст между ирландцами, вооруженными копьями и мечами,

Илл. 4

Гравюра IV

и закованными в доспехи англичанами, поражающими врага из огнестрельного оружия. На первом плане монах оплакивает убитых ирландцев, «сынов Дьявола», обманутых его посулами¹⁶. Гравюра V (Илл. 5) изображает триумфальное возвращение англичан, ведущих за собой пленных ирландцев и обезглавливающих их по пути. Они несут на своих мечах отрубленные головы врагов, среди которых одна — женская. Предположительно она принадлежала жене предводителя

¹⁶ Ibid.: 130. Plate IV.

одного из мятежников, Рори Огга О'Мора, которому удалось избежать окружения и резни, устроенной англичанами в Муллагмасте (1576). Подпись к этой иллюстрации призывает зрителя восхититься смелыми английскими солдатами, которые обагрили свои мечи кровью «воров» и разбойников. Автор, не смущаясь, предлагает полюбоваться на отрезанные головы ирландцев, которым англичане отплатили в их же манере¹⁷.

Илл. 5
Гравюра V

Любопытно, что в самом тексте Деррик анонсирует гравюры с иллюстрациями, призывая взглянуть на них. Он обращается к своим читателям со словами: «Посмотрите, господа, как все это точно и истинно показано на этом рисунке». Или: «Взгляните, как искусный гравер изобразил это для вас»¹⁸. Это означает, что когда создавался основной текст

¹⁷ Ibid.: 132. Plate IV.

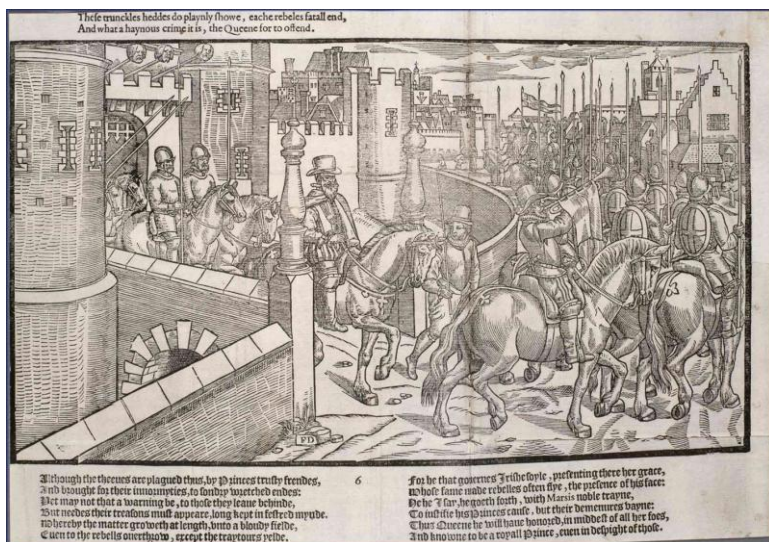
¹⁸ Ibid.: 50, 57, 61.

(напомним, что это было еще в Ирландии), гравюры (возможно, эскизы к ним) или какая-то их часть уже были в наличии. Это немаловажный момент, поскольку специалисты давно подметили, что гравюры, иллюстрирующие разные части издания, существенно отличаются по степени художественной проработки и качеству исполнения. Первые пять, демонстрирующие нравы «диких» местных жителей, а также гравюра XI, представляющая раскаявшегося разбойника Рори Огга О'Мора, выглядят наивными, почти карикатурными и значительно менее изысканными, чем те, что изображают мир англичан, самого Генри Сидни и его армию (гравюры VI–X, XII). Последние более совершенны и с точки зрения построения композиции, и умения автора передать трехмерность фигур. Едва ли так было изначально задумано автором. Более вероятным представляется, что важные с идейной точки зрения гравюры, связанные с репрезентацией наместника, были выполнены в Лондоне по заказу Джона Дэя более искусным резчиком. Это предположение подтверждается и тем, что ни одна из уже упомянутых иллюстраций, как и гравюра XI, не имеют монограммы автора. Инициалами ID или FD были помечены только те, что изображали триумфы Г. Сидни, и размещались во второй части памфлета. Это, по-видимому, заставляет нас отказаться от мысли, что именно Джон Деррик был гравером, создавшим часть этого изобразительного цикла. Скорее всего, инициалы принадлежали вовсе не ему и не его брату. Установление подлинных имен иллюстраторов памфлета требует дальнейших исследований и сличения «почерков» тех, кто работал на Джона Дэя в разные годы. Как бы то ни было, очевидно, что иллюстрации, имевшие прямое отношение к репрезентации Генри Сидни, требовали особого контроля с его стороны и со стороны заказчиков этого издания.

Объективно разница в исполнении иллюстраций усиливает визуальное противопоставление образа жизни ирландцев, обитающих в лесах, среди топких болот, населенных дикими животными, их убогих хижин и экзотических одежд — длинных мантий, которые служат для них и плащами и постелью, и урбанистической цивилизации англичан, обосно-

вавшихся за мощными стенами городских укреплений, прекрасно вооруженных и представляющих собой несокрушимую военную машину, которой невозможно противостоять. Гравюры наглядно иллюстрируют оппозицию хаоса и беззакония жизни ирландцев, занимающихся грабежом собственных соплеменников, и порядка, который приносят в Ирландию англичане.

Сэр Генри Сидни впервые предстает перед читателем на гравюре VI (Илл. 6), выезжающим из ворот Дублинского замка, цитадели, которую он укрепил и превратил в оплот своей

Илл. 6

Гравюра VI

власти в Ирландии. Стены замка украшены головами мятежников, которые, как утверждает в подписи к изображению, обращаются в бегство, лишь слышав о нем. Величественная поступь его боевого коня, мерное движение процессии транслируют уверенность наместника в неодолимой силе английской армии. Автор сравнивает сопровождение

Сидни со свитой самого Марса и подчеркивает, что губернатор выступает на поле боя, отстаивая дело своей государыни против ее врагов¹⁹. В политическом плане этот мотив был очень важен для Сидни, поскольку королева могла ознакомиться с текстом памфлета, и у нее не должно было сложиться впечатление, что наместника чрезмерно восхваляют. Заверения в его преданности и лояльности государыне лейтмотивом звучали на протяжении всего текста Деррика.

Эту тему продолжает гравюра VII, на которой Сидни в окружении своей армии, готовой к бою, тем не менее ведет переговоры с посланцем вождя клана О'Доннеллов, поскольку предпочитает благословенный мир войне. Но если ирландцы не оценят этой милости, он пойдет на них огнем и мечом, чтобы они почувствовали на себе всю силу королевы Англии и ее солдат, готовых отдать за нее жизни, поскольку «ее безопасность — залог безопасности всех»²⁰.

Пространство гравюр VII–IX заполнено фигурами английских солдат, лесом копий, аркебуз и знамен. Но если иллюстрация VII еще рисует их в покое, то далее движение неуклонно набирает ход: английское войско — оцетинившаяся сотнями копий и мечей железная машина — на марше (гравюра VIII), а в самой гуще копейщиков и аркебузирова следует Генри Сидни. Как утверждает в подписи, ни один из «разбойников» не сможет выдержать даже вида этого славного рыцаря, не говоря уже о противостоянии ему на поле брани²¹. Его солдаты теснят и преследуют бегущего противника, гибнущего под копытами английской конницы (гравюра IX). В стихотворной подписи к этой иллюстрации утверждается законность наказания «зверских бестий»

¹⁹ «He, he, I say, he goeth forth, with Marsis noble trayne,
To iustifie his Princes cause, but their demenures vayne.
Thus Queen he will haue honored, in midst of all her foes,
And knowne to be a royall Prince, euen in despite of those» (Derricke 1883: 134. Plate VI).

²⁰ «All which are in a readynes to venture lyfe and bloud,
For safegard of her happy state, whereon our safeties stooode» (Ibid.: 136. Plate VII).

²¹ Ibid.: 138. Plate VIII.

(*beastly beasts*), не признающих законы королевы. Аллегорическая Дама Справедливость / Правосудие выступает против мятежников, и скоро сам Марс поразит сердца мятежников своим мечом и закончит войну²².

На следующей гравюре (X) Генри Сидни вступает в Дублин после победы над врагом. Его приветствуют мэры и олдермены города, облаченные в парадные мантии, в торжественной процессии наместнику предшествуют трубачи, йомены-телохранители и герольд, а также инсигнии вице-короля Ирландии — увенчанный короной скипетр и меч. Данная гравюра, в отличие от других, имеет особый картуш в правом нижнем углу с четкой датировкой — 1581 г. и текстом, прославляющим победу Сидни над «предателями». Датировка подтверждает наше предположение о том, что серия ксилографий, посвященных деяниям Сидни, была выполнена не в Ирландии, а в Англии непосредственно перед тем, как памфлет был напечатан в типографии Дэя. Об этом же свидетельствует и стихотворная подпись под гравюрой, в которой говорится о том, что Слава доставила известия об успехах «трижды прославленного» наместника ко двору его суверенной правительницы²³.

Одиннадцатая иллюстрация в художественном отношении выпадает из последовательности высококачественных гравюр, по-видимому, выполненных лондонскими мастерами во второй заход. Следуя за сложной композицией текста Дж. Деррика, она иллюстрирует историю знаменитого «мятежника» Рори Огга О'Мора, загнанного английской армией в топкие болота²⁴. Несмотря на то, что Деррик уделил очень много места истории Рори Огга и его запоздалому раскаянию, пространная подпись под иллюстрацией еще раз суммирует все негативные определения в его адрес и пророчит неминуемое падение всем, кто выступает против английских законов.

²² Ibid.: 140. Plate IX.

²³ Ibid.: 142. Plate X.

²⁴ Подробнее о его истории и ее интерпретации в памфлете Деррика см.: Дмитриева 2023: 133–142.

Последняя гравюра (XII) представляет апогей политической карьеры Сидни в Ирландии, когда, как утверждается в подписи, известия о его военных успехах заставили всех признать законность действий англичан и «священное право Девственной Королевы заботиться о благополучии ее подданных»²⁵. Один из вождей мятежных кланов Турло О'Нил по собственной воле явился к нему, чтобы просить милости, клятвенно обещая стать верным подданным Елизаветы I. Их встреча с Сидни изображена дважды: на заднем плане губернатор милостиво поднимает ирландского вождя, преклонившего колено, на переднем — восседает в богато украшенном шатре в курульном кресле. По правую руку от него — государственный меч на церемониальной подушке, перед ним — преклонившие колени ирландцы, приносящие присягу, во главе с Турло О'Нилом. На этой гравюре сэр Генри представлен в истинно монаршем величии, однако это не должно было вызвать беспокойства у английских властей и обвинений в чрезмерных амбициях, поскольку красной нитью через все сопроводительные тексты к изображениям проходит утверждение о том, что он лишь представляет королеву, верным слугой которой является. Это подчеркивает и подпись к гравюре, утверждающая, что Генри Сидни — рыцарь, достойный представлять персону королевы (*Lo where he sits in honours seet, most comely to be seene / He worthy for to represent the person of a Queen*).

Любопытно, что завершая свой труд историей добровольного подчинения Т. О'Нила, Деррик нарушает истинную хронологию событий. О'Нил принес присягу в 1567 г., а противостояние губернатора с Рори Оггом О'Мором развернулось позднее. Однако автор (а быть может, и сам заказчик) счел, что мирное подчинение вождя многочисленного клана, который в прошлом доставлял немало хлопот елизаветинской администрации, с идейной точки зрения будет более эффектной кульминацией рассказа о деяниях Сидни. Деррик обосновывает свое решение тем, что неверно описывать лишь мятежи и войны, обойдя вниманием прецедент добро-

²⁵ Derricke 1883: 146. Plate XII.

вольного подчинения ирландцев (*a president of humble submission*) наместнику королевы²⁶. Кроме того, этот сюжет создавал возможность более оптимистического финала, в том числе, и в сотериологическом плане. В небольшом разделе памфлета, посвященном союзу Сидни и О'Нила, Деррик рассуждает о благодати, которую получает каждый верный подданный королевы. Далее в одной из маргиналий он утверждает, что если в ком-то из ее новых ирландских подданных есть хоть капля божественной благодати, он уже не сможет с легкостью снова стать мятежником²⁷. Отсюда следует неизбежный вывод о том, что закоренелые мятежники совершенно лишены благодати и поэтому пребывают в постоянном страхе. В противовес им блаженны те, кто не приемлет восстания против властей, этой «забавы глупцов» (*fooles games*), любит свою государыню и служит ей верой и правдой²⁸. В определенном смысле, противоречия первой части своего повествования о нравах «диких» ирландцев, Д. Деррик признает за некоторыми «лесными жителями» толику благодати и разума, благодаря которым для них сохраняется шанс стать частью английского общества.

Подводя итоги, можно констатировать, что памфлет Джона Деррика был ярким пропагандистским текстом, направленным, прежде всего, на прославление стратегии Г. Сидни в Ирландии. По отношению к жестоким мерам, которые англичане предпринимали против ирландцев, он носил апологетический характер. Автор «Описания Ирландии» использовал все возможности, которые предоставлял ему формат этого печатного издания, чтобы убедить как англичан, так и ирландцев в неизбежности покорения Ирландии и необходимости подавления любого сопротивления «законной» власти английской королевы. Этой цели были подчинены и основной поэтический текст памфлета, и маргиналии, и иллюстрации, и стихотворные подписи к ним.

²⁶ Ibid.: 82–84.

²⁷ Ibid.: 86.

²⁸ Ibid.: 88.

Тем не менее, существуют и некоторые расхождения между идеями, содержащимися в основном авторском тексте, и иллюстрациями. В наибольшей степени они проявляются в гравюрах второй группы, по-видимому, созданных в Лондоне. Если гравюры, изображающие Сидни во главе армии, транслирующие идею мощи и неизбежного подавления любого мятежа, абсолютно коррелируют с текстом Деррика, то представление Сидни как «вице-короля мира», милостиво принимающего ирландцев, не находит прямой параллели в нем. Тем важнее присутствие в книге этого визуального образа, который служит зримым воплощением торжества порядка, закона и «цивилизованности». Возможно, в этом проявились влияние и воля издателя или заказчика, поскольку программа этих гравюр в большей степени отражала политические идеи самого Г. Сидни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дмитриева 2023 — *Дмитриева О.В.* Генри Сидни и «Образ Ирландии» Джона Деррика: политика литературной фикции // Англия и Европа: от средних веков к Новому времени. Сборник статей к юбилею Сергея Егоровича Федорова / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб., 2023. С. 123–155.
- Bagwell 1885 — *Bagwell R.* Ireland under the Tudors. 3 vols. London, 1885.
- Bradshaw 1978 — *Bradshaw B.* Sword, Word and Strategy in the Reformation in Ireland // *The Historical Journal*. 1978. Vol. 21. No. 3. P. 475–502.
- Brady 1994 — *Brady C.* The Chief Governors: The Rise and Fall of Reform Government in Tudor Ireland, 1536–1588. Cambridge, 1994.
- Covington 2014 — *Covington S.* 'Realms so barbarous and cruell': Writing Violence in Early Modern Ireland and England // *History*. 2014. Vol. 99. No. 3 (366). P. 487–504.
- Derricke 1883 — *Derricke J.* The Image of Ireland, With a Discoverie of Woodkarne (Reprint of original edition, London, 1581) / Ed. by J. Small. Edinburgh, 1883.
- Gilbert 1865 — *Gilbert J.T.* History of the Viceroyes of Ireland. Dublin, 1865.

- Kane 2014 — *Kane B.* Ordinary Violence? Ireland as Emergency in the Tudor State // *History*. 2014. Vol. 99. No. 3 (336). P. 444–467.
- Knapp 2000 — *Knapp J.A.* «That moste barbarous Nacion»: John Derricke's «Image of Ireland» and the «delight of the well disposed reader» // *Criticism*. 2000. Vol. 42. No. 4. P. 415–450.
- Moroney 1999 — *Moroney M.* Apocalypse, Ethnography, and Empire in John Derricke's "Image of Ireland" (1581) and Spenser's "View of the Present State of Ireland" (1596) // *English Literary Renaissance*. 1999. Vol. 29. No. 3. P. 355–374.
- Palmer 2007 — *Palmer P.* "A headlesse Ladie" and "a horses loade of heads": writing the beheading // *Renaissance Quarterly*. 2007. Vol. 60. P. 25–57.
- Raymond 2003 — *Raymond J.* Pamphlets and Pamphleteering in Early Modern Britain. Cambridge, 2003.
- A Viceroy's Vindication? 2002 — *A Viceroy's Vindication? Sir Henry Sidney's Memoir of Service in Ireland. 1556-78* / Ed. C. Brady. Cork, 2002.

Е.В. ПЧЕЛОВ

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЭМБЛЕМАТИКА И ГЕРАЛЬДИКА XV–XVII ВЕКОВ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА СИМВОЛИКУ ДВОРЯНСКИХ ГЕРБОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: В статье анализируются пути формирования эмблематического репертуара русской дворянской геральдики в начальный период её формирования и кодификации. Выявлено несколько таких способов, представленных заимствованиями эмблем и гербовых фигур из западноевропейских эмблематических и геральдических сборников. Помимо вполне естественного использования петровского издания «Символы и эмблемата», опиравшегося на французскую эмблематическую традицию, это были также заимствования из «Иконологии» Ч. Рипы и геральдического наследия, в конечном итоге восходящего к фантазийным гербам из «Хроники» Ульриха фон Рихенталя. Последующие исследования, безусловно, обнаружат новые линии преемственности между западноевропейскими эмблематическими и геральдическими изданиями и отечественным корпусом родовых гербов.

Ключевые слова: герб, эмблема, символика, родовая геральдика

Хорошо известен тот факт, что дворянская геральдика дореволюционной России практически с самого начала своей истории формировалась по образу и подобию геральдики Западной Европы. Однако конкретные пути и формы этого влияния остаются до сих пор мало исследованными. Тривиальным выглядит утверждение о влиянии на русские дво-

рянские гербы эмблематического корпуса гербов шляхты Речи Посполитой¹. Но только лишь этим комплексом гербовых эмблем дело не ограничивается. Очевидно также использование русской геральдикой широко популярных символов западноевропейской эмблематики эпохи Ренессанса и раннего Нового времени (например, пеликана, кормящего собою птенцов, или журавля с камнем в лапе), но, какие именно издания послужили в этих случаях источниками для заимствования эмблем, также не всегда вполне ясно.

Между тем, процесс влияния западноевропейской геральдики и эмблематики, как показывает иконографический анализ русских дворянских гербов, был чрезвычайно многообразным. Всесторонняя его характеристика — дело будущего, однако, хотелось бы наметить возможные пути дальнейших исследований и выделить конкретные компоненты в этом процессе «рецепции символов».

В качестве примера обратимся к гербам нескольких первых частей «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи» (далее — ОГ), утверждённых в самом конце XVIII в. при Павле I, когда процесс кодификации дворянских гербов шёл особенно активно и их комплекс аккумулировал в себе формировавшийся на протяжении XVIII в. символический язык эпохи становления отечественной геральдики. Даже весьма беглый анализ таких гербов уже позволяет выделить несколько эмблематических и геральдических источников их символики.

1. В 1705 г. в Амстердаме, в типографии, основанной Яном Тессингом и принадлежавшей Генриху Ветстейну, вышло первое издание известного (и единственного в истории русской культуры) эмблематического справочника — «Символы и эмблемата»². Оно представляло собой сборник из 840 эмблем с их толкованиями (девизами) на нескольких европейских языках, в том числе и на церковнославянском. Затем эта книга с корректировками и дополнениями переиздавалась в России ещё несколько раз на протяжении XVIII –

¹ Об этом писал ещё А.Б. Лакиер (Лакиер 1855: 408–472).

² Символы и эмблемата 1705.

начала XIX века (последние издания вышли под редакцией выдающегося учёного Н.М. Амбодика-Максимовича).

«Символы и эмблемата» не носили оригинального характера, а опирались на предшествующую европейскую эмблематическую традицию. Непосредственными источниками для этого свода эмблем, как известно, послужили эмблематические сборники Даниэля де ла Фея, увидевшие свет в Амстердаме в 1690-х годах³. Они также не были оригинальными. Один из них, к примеру, назывался «Девизы и эмблемы, древние и новые, заимствованные у наиболее известных авторов...» («*Devises et Emblemes Anciennes et Modernes, tirées des plus celebres Auteurs...*») и впервые был опубликован на французском языке в Амстердаме в 1691 году. Прототипом для изданий де ла Фея, как уже было установлено, послужил сборник эмблем, медалей, «иероглифических» фигур и монограмм («*Recueil d'emblèmes, devises, medailles, et figures hieroglyphiques, Au nombre de plus de douze cent, avec leurs explications*») французского гравёра Никола Веррьена, впервые изданный в Париже в 1685 году. В нём насчитывается более 1200 эмблем с пояснениями.

Вне всякого сомнения, эмблематическую генеалогию для тех или иных эмблем Веррьена и де ла Фея можно продолжить и далее вглубь, вплоть до «эмблемата» XV-XVI веков. Однако важно влияние именно этого эмблематического комплекса на геральдику в России.

Для городской геральдики (начиная с конца 1720-х гг.) влияние «Символов и эмблемата» вполне очевидно и уже неоднократно становилось предметом научного рассмотрения (гербы Коломны, Тамбова и др.)⁴.

Для дворянской же геральдики это влияние значительно менее изучено. Между тем, целый ряд эмблем сборника находит прямые аналогии в фигурах российских дворянских гербов.

³ Маркушевич 1963: 279–290.

⁴ Соболева 1981: 178–182; Емелин 2009: 4–25; Емелин 2014а: 12–19; Емелин 2014б: 7–16; и др.

Так, оленя, пронзённого стрелою (№ 587 «Символов и эмблемата»), сопровождает девиз «От болезни и гоньба» (в поздних изданиях — «От боли и бег. Моя болезнь причиною моего бегства»). Эта эмблема имеет очень давние истоки и связана с символикой любви. Как отмечал выдающийся исследователь эмблематики А.Е. Махов, «влюблённый, безнадежно пытающийся излечиться от любви, уподобляется раненому оленю, который, стремясь избавиться от стрелы, ускоряет бег и тем самым лишь усугубляет боль». Сопоставление любовной раны с раной оленя упоминается ещё в «Энеиде» Вергилия, но бегущий олень, раненый стрелой и усугубляющий бегом свою боль, появился в эмблематике благодаря Петрарке. С тех пор парадокс «бегства от гибели, которое лишь приближает её» получил визуальное воплощение в различных сборниках эмблем XVI–XVII веков⁵.

Именно такой олень присутствует в гербах Мавриных (ОГ, 1, 41), а затем и Тимирязевых (ОГ, 8, 14).

Эмблемы, изображающие два сопряжённых пламенеющих сердца (№ 120, 218), имеют девизы «Да два воедино будет» («Да два едино будут. Пускай из двух будет единица») и «Из наших двух сердец сочини любовь токмо едину» («Из двух единое. Любовь из двух сердец соделала единое»). Подобную же эмблему можно увидеть и в издании «Ифика Иерополитика», впервые опубликованном в типографии Киево-Печерской лавры в 1712 году. Здесь два соединённых сердца, но не пламенеющих, а имеющих каждое по одному крылу, означают «Дружество»⁶. Два соединённых пламенеющих сердца находим в одной из частей герба графов Рос-топчиных (ОГ, 4, 12).

Эмблема «Корона на столбе» (№ 65) с девизом «Подперта честью» («Утвержденна славою») стала прообразом не только герба города Коломны, но и главной фигуры в гербе Ханыковых (ОГ, 1, 56).

Эмблема «Пресмыкающаяся «ехидна», мечом обезглавленная» (№ 16), изображающая разрубленную на две части

⁵ Махов 2024: 100–101.

⁶ Ифика иерополитика 1718: 105.

змею, с девизом «Уповаю дондеже жизнь имею» («Уповаю доколе живу и дышу»), стала гербовой фигурой Зыбиных (ОГ, 3, 76). Примечательно, что герб Зыбиных имеет девиз «Fuimus», то есть «Были», явно заимствованный по каким-то причинам из герба графов Брюсов.

Наконец, и такие известные и уже упоминавшиеся гербовые фигуры как журавль с камнем в лапе и пеликан, питающий кровью птенцов, явно в русской дворянской геральдике восходили всё к тем же «Символам и эмблематам». Журавль с камнем а лапе (№ 564), сопровождаемый девизом «Чтоб внезапну» («Дабы кто внезапно на меня не напал. Трудно меня найти спящего»), вошёл, в частности, в герб Бекетовых (ОГ, 4, 84). Он также известен и по изданию «Ифика иерополитика», где, впрочем, был символом не бдительно-сти, а «властелина»⁷.

Пеликан, питающий кровью птенцов (№№ 220, 763) с девизами «Живот в середине смерти» («Жизнь по смерти») и «Для пасства» («Для своих, За стадо»), стал, в частности, фигурой одной из частей герба Хоненевых (ОГ, 6, 20).

2. Помимо этого, вполне предсказуемого эмблематического источника русская дворянская геральдика пользовалась и иными эмблематическими изданиями, в частности, весьма популярной «Иконологией» Чезаре Рипы, впервые изданной в 1593 г. и с тех пор регулярно публиковавшейся на протяжении XVII–XVIII вв., в том числе и в полностью иллюстрированном виде.

Ярким примером этого влияния является герб Мячковых (ОГ, 4, 35). В нём изображён «Негр в Латах» с луком и тремя стрелами. Эта гербовая фигура со всей очевидностью находит аналог в аллегории Юга из «Иконологии» (№ 307 лондонского издания 1709 г.), где также представлен негр со стрелами и ветвью в руках под солнцем над его головою⁸.

Выбор этой эмблемы для дворянского герба объясняется происхождением рода Мячковых — их предок, сродник «Тевризского Царя», якобы, выехал к Дмитрию Донскому из

⁷ Ифика иерополитика 1718: 43.

⁸ Ripa 1709: 77.

«Тевризского Государства» (в Персии). Таким образом, мнимое южное «происхождение» рода обусловило использование в гербе иконографической аллегии Юга в образе негра.

3. Европейские гербовники также служили источником для русской дворянской геральдики. Интересным примером здесь может быть герб князей Черкасских (ОГ, 2, 9). В его четвёртой части помещены два перпендикулярно перевившиеся «Змия». Они изображены в виде двух змей, напоминающих часть кадуцея. Две первые части герба Черкасских восходят к двум российским титульным гербам, созданным ещё в конце XVII века — Черкасских и Горских князей и Кабардинскому⁹. Возможно, и эмблема четвёртой части каким-то образом обозначает происхождение рода.

По преданию, родоначальником князей Черкасских был князь Инал, который, якобы, занимал престол султана в Египте (о чём в гербе, в частности, свидетельствует шапка с пером в виде чалмы, увенчивающая княжескую мантию — «Сия Шапка с пером изъясняет знаменитость родоначальника Черкасских Князей Инала, которой был Султаном в Египте»).

Здесь приходит на память фантазийный герб Египта, хорошо известный в европейской геральдике, по крайней мере, начиная с «Хроники Констанцкого собора» Ульриха фон Рихенталя, украшенной гербами в конце первой трети XV века. Герб Египта в этой традиции представлял собой изображение в щите нескольких ползущих змей, впоследствии изображавшимися с характерными s-образными изгибами тел¹⁰. Возможно, этот факт вымышленной геральдики мог повлиять на выбор аналогичных гербовых фигур для князей Черкасских.

Исследование источников отечественного дворянского герботворчества, безусловно, должно быть продолжено, однако, оно уже сейчас показывает использование довольно широкого репертуара западноевропейской геральдики и эмблематики позднего Средневековья и раннего Нового времени, по крайней мере, на начальном этапе этого процесса.

⁹ Пчелов 2023: 57–61.

¹⁰ Richental 1483: CXVv; Henninges 1598: 421 и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Емелин 2009 — *Емелин И.Б.* Neutra timet // Sub clureo. № 1, декабрь 2009. С. 4–25.
- Емелин 2014а — *Емелин И.Б.* Герб, Ленин и масоны // Sub clureo. № 6, апрель 2014. С. 12–19.
- Емелин 2014б — *Емелин И.Б.* Кончай прикидываться святым! // Sub clureo. № 7, октябрь 2014. С. 7–16.
- Ифика иерополитика — Ифика иерополитика. СПб., 1718.
- Лакиер 1855 — *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. Кн. 2.
- Маркушевич 1963 — *Маркушевич А.И.* Об источниках амстердамского издания «Символы и эмблемата» (1705 г.) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Т. VIII. С. 279–290.
- Махов 2024 — *Махов А.Е.* Эмблематика. Микрокосм. Тула, 2024.
- Пчелов 2023 — *Пчелов Е.В.* Иконографические особенности кавказских гербов в «Титулярнике» 1672 года // Геральдика и генеалогия народов Кавказа. К 15-летию со дня смерти Анатолия Ахмедовича Максидова (1944–2008). Материалы Круглого стола (18 января 2023 г.). М., 2023. С. 57–61.
- Символы и эмблемата 1705 — Символы и эмблемата. Амстердам, 1705.
- Соболева 1981 — *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981.
- Henninges 1598 — *Henninges H.* Theatrum genealogicum. Magdeburg, 1598. Т. IV.
- Richental 1483 — *von Richental U.* Chronik des Konstanzer Konzils. Augsburg, 1483.
- Ripa 1709 — *Ripa C.* Iconologia. London, 1709.

Т.Н. ДЖАКСОН

К ДИСКУССИИ О НАДЕЖНОСТИ СКАЛЬДИЧЕСКИХ СТИХОВ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

ОТ СНОРРИ СТУРЛУСОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация: В прологах к своду королевских саг «Круг земной» и к «Отдельной саге об Олаве Святом» Снорри Стурлусон, исландский политик и писатель начала XIII века, высказывает свое суждение о стихах исландских скальдов как историческом источнике. Снорри выдвигает четыре критерия достоверности источников: авторитет мудрых людей прошлого, невозможность сказать в глаза заведомую ложь, свидетельство очевидцев и правильно сложенный скальдический стих. Кроме того, он четко формулирует различие между прозаической и поэтической формами передачи информации с точки зрения их потенциальной подверженности искажениям в процессе устной передачи. «Правильно сложенные» скальдические стихи Снорри признает «за вполне достоверные свидетельства». В статье «критика источников» средневекового историка сопоставляется с современным отношением саговедов к скальдическим стихам как к источнику.

Ключевые слова: Снорри Стурлусон, норвежская история, «Круг земной», «Отдельная сага об Олаве Святом», критика источников, скальдические стихи, исландские саги, прозиметр

Снорри Стурлусон (Snorri Sturluson, 1179–1241 гг.) — крупнейший исландский политический деятель из рода Стурлунгов, потомок великого скальда Эгиля Скаллагримс-

сона, историк, писатель, знаток скальдической поэзии. Много о нем известно из «Саги об исландцах», написанной его племянником Стурлой Тордарсоном в последней четверти XIII века¹. Хотя имя Снорри не значится ни в одной из рукописей (или копий утраченных рукописей) приписываемых ему трудов, он считается (и для этого имеются основания) автором большого числа весьма значимых сочинений древнеисландской литературы: «Младшей Эдды», своего рода учебника скальдического искусства, где к тому же изложены основы древнескандинавской мифологии; «Саги об Эгиле», одной из самых знаменитых «родовых саг»; «Отдельной саги об Олаве Святом», объединителе и христианизаторе Норвегии; «Круга Земного», свода так называемых «королевских саг», или «саг о норвежских конунгах». Вопрос об авторстве Снорри не перестает волновать исследователей, и обсуждение его продолжается², но здесь мы будем придерживаться традиционной и пока еще господствующей точки зрения, именуя Снорри автором рассматриваемых нами сочинений.

«Круг земной» представляет собой историю Норвегии с древнейших времен по 1177 г. — тот год, с которого начинается написанная раньше этого свода «Сага о Сверрире». Свод состоит из пролога и шестнадцати саг и распадается на три части. Первая (*HkrI*) включает в себя пролог, полумифическую «Сагу об Инглингах» и пять саг, посвященных норвежским конунгам от Хальвдана Черного до Олава Святого. Центральную часть (*HkrII*) занимает «Сага об Олаве Святом», охватывающая лишь 1014–1030 годы. Третья часть (*HkrIII*), включающая в себя еще девять саг, повествует о конунгах между Олавом Святым и Сверриром.

Поначалу господствовало мнение, что, написав «Круг земной», Снорри расширил его центральную сагу в «Отдельную сагу об Олаве Святом». Сигюрдюр Нордаль в начале прошлого века подверг эту теорию критике и продемонстрировал, что Снорри, напротив, сначала создал «Отдельную сагу», а лишь затем переработал и адаптировал ее для «Круга

¹ Стурла Тордарсон 2007.

² См.: Boulhosa 2005: 6–21.

земного». Исследователи практически единодушно приняли эту трактовку. Э. Вессен выявил такую последовательность: сначала Снорри написал «Отдельную сагу об Олаве Святом», затем он превратил ее в «Круг земной», к которому добавил пролог, и, наконец, он переписал пролог «Круга земного», с тем чтобы тот мог служить введением к «Отдельной саге». Й. Луис-Йенсен первой предположила, что «Отдельная сага об Олаве Святом» могла быть переработана для включения в «Круг земной» не самим Снорри, а кем-то еще в более позднее время. Вслед за ней Й.Г. Йоргенсен так представил историю сложения «Круга земного»: автор (предположительно, Снорри Стурлусон) написал «Отдельную сагу»; далее тот же автор мог написать *HkrI* и *HkrIII*, которые даже передавались независимо одна от другой. Несколько различных писцов затем переработали «Отдельную сагу», что нашло отражение в существовании ряда рукописей с одинаковой структурой (*HkrI* + сокращенная «Отдельная сага» + *HkrIII*), при том что нет двух рукописей, содержащих одну и ту же редакцию «Круга земного». При всех новых подходах к соотношению и истории сложения этих двух сочинений никаких уточнений относительно последовательности возникновения прологов сделано не было. Так что, согласно Э. Вессену, изначально пролог написан для «Круга земного», а далее переработан для «Отдельной саги»³.

Вот на этих двух прологах мы и остановимся. Пролог «Круга земного»⁴ цитируется по переводу М.И. Стеблин-Каменского⁵, пролог «Отдельной саги»⁶ — в моем переводе. Прологи в целом близки и схожи, в них затрагиваются одни и те же вопросы, но имеются как структурные расхождения, так и некоторые не совпадающие фрагменты. Для удобства дальнейшего чтения я обозначаю основные (общие для обоих прологов и изложенные почти одними словами) *темы* римскими цифрами от (I) до (VI), а различающиеся *вставки-дополнения* арабскими цифрами от (1) до (5).

³ Подробнее см.: Джаксон 2012: 51–56; там же литература.

⁴ Snorri Sturluson 1941: 3–7.

⁵ Снорри Стурлусон 1980: 9–10.

⁶ Snorri Sturluson 1945: 419–422.

Пролог «Круга земного» открывается (I) заявлением Снорри о том, что он велел записать древние рассказы о правителях Северных Стран, которые говорили на «датском» (т.е. древнесеверном) языке, на основании свидетельств «мудрых людей» и пересказанных ему генеалогий. Он также уточняет, что

(1) «кое-что взято из древних стихов и песней, которые исполнялись людям на забаву. И хотя сами мы не знаем, правда ли эти рассказы, но мы знаем точно, что мудрые люди древности считали их правдой».

Развивая тему «древних стихов и песней», Снорри рассказывает о двух скальдах, к чьим поэмам он обращался в процессе работы: о скальде IX в. Тьодольве из Хвинира (II) и скальде X в. Эйвинде Погубителе Скальдов (III). Далее Снорри, по формулировке А.Я. Гуревича, «выделяет две эпохи человеческой истории»⁷: «век сожжения, или кремаций» и «век курганов» (IV). Делает он это без какой-либо связи как с предшествующим перечислением своих источников, так и со следующим непосредственно далее упоминанием конунга Харальда Прекрасноволосого (V) и рассуждением о своем отношении к стихам скальдов как к источнику информации:

(2) «У конунга Харальда были скальды, и люди еще помнят их песни, а также песни обо всех конунгах, которые потом правили Норвегией. То, что говорится в этих песнях, исполнявшихся перед самими правителями или их сыновьями, мы признаем за вполне достоверные свидетельства. Мы признаем за правду все, что говорится в этих песнях об их походах или битвах. Ибо, хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небылицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой».

Наконец, Снорри уделяет много внимания (и места) первому исландскому историку, писавшему на родном языке, Ари Торгильссону Мудрому (1067/68–1148). Он перечис-

⁷ Гуревич 1970: 28.

ляет все сюжеты, которых коснулся в не дошедших до нас (но явно известных ему) текстах Ари, а главное — перечисляет поименно, с детальным уточнением, кто когда жил и умер, мудрых людей прошлого, у которых Ари почерпнул свои знания (VI). Завершается пролог «Круга земного» фразой, которая вновь нарушает логику изложения, но также вновь возвращает читателя к волнующей автора теме:

(3) «А песни скальдов, как мне кажется, всего меньше искажены, если они правильно сложены и разумно истолкованы».

Работая над «Кругом земным», Снорри — по формулировке А.Я. Гуревича — «постоянно, на протяжении всего своего труда, обращается к “критике источников”». «Родословным и песням скальдов Снорри отводит особую роль. Он выдвигает два критерия достоверности источников», — пишет Гуревич. «Во-первых, это авторитет мудрых людей прошлого. Средневековье с его пиететом перед стариной (доброе — это старое) не способствовало такому развитию критических способностей, чтобы кто-либо мог усомниться в правдивости сообщений людей, живших в древности. Во-вторых, существовало убеждение, что скальды, исполнявшие свои панегирические песни в присутствии восхваляемых ими героев или их наследников, могли говорить лишь чистую правду»⁸. Последнее утверждение выросло из понимания древними исландцами функций скальдической поэзии (поэзия как способ передачи информации) и их веры в магическую силу слова (лживое слово является посягательством на благополучие того, кому льстят). Я бы отметила и третий критерий, выдвинутый Снорри: а именно — правильно сложенный скальдический стих. Именно эти три критерия формулирует Снорри также и в прологе к «Отдельной саге». Но здесь он приводит к тому же важное сопоставление прозы и стиха, еще больше подчеркивая преимущество поэзии над прозой с точки зрения сохранения в ней достоверной информации.

Из следующей далее таблицы видно, как был перестроен пролог «Отдельной саги». Он начинается с пространного

⁸ Гуревич 1972: 128–129.

рассказа об Ари Мудром и его источниках, далее темы следуют в том же порядке, что и в прологе «Круга земного», а завершается он дополнительным абзацем (VII), подготавливающим читателя к следующему за ним рассказу об Олаве Харальдссоне вплоть до гибели конунга в битве при Стикластадире.

«Круг земной»	«Отдельная сага об Олаве Святом»
	(VI) Священник Ари Мудрый
(I) В этой книге я велел записать...	(I) В этой книге я велел записать...
(1)	
(II) Тьодольв Мудрый из Хвинира	(II) Тьодольв Мудрый из Хвинира
(III) Эйвинд Погубитель Скальдов	(III) Эйвинд Погубитель Скальдов
(IV) Два века человеческой истории	(IV) Два века человеческой истории
(V) Харальд Прекрасноволосый	(V) Харальд Прекрасноволосый
(2)	(4)
(VI) Священник Ари Мудрый	
(3)	
	(VII) Конунг Олав Святой
	(5)

Дважды в прологе к «Отдельной саге» сделаны вставки, посвященные критике источников, но они не совпадают с теми, которые мы выделили в прологе к «Кругу земному». Сообщив в первом прологе, что во время правления Харальда Прекрасноволосого была заселена Исландия (V), Снорри упоминает скальдов этого конунга и переходит к рассуждению о достоверности хвалебных песней, исполнявшихся в присутствии правителей (2). Во втором прологе, в том же месте, он добавляет еще один критерий достоверности, а именно — свидетельство очевидцев («тех людей, которые сами видели происшедшее и находились поблизости»), и формулирует еще одно очень важное наблюдение, указывая на различие между прозаическим и поэтическим текста-

ми с точки зрения возможности их искажения в процессе устной передачи, а соответственно, и их достоверности:

(4) «В его дни была заселена Исландия, и много тогда плавали из Норвегии в Исландию. Каждое лето люди обменивались новостями между этими странами, и всё это затем запоминалось и передавалось далее в виде рассказов. И все же мне кажется наиболее примечательным по правдивости то, что говорится простыми словами в тех песнях или другой поэзии, сочиненной о конунгах или других правителях, что они сами слышали, или в тех поминальных песнях, которые скальды произносили перед их сыновьями. Те слова, что стоят в песнях, — те же самые, что были с самого начала, если правильно сложены, хотя каждый человек с тех пор заучивал от другого; и их нельзя изменить. А относительно тех саг, которые рассказываются, есть такая опасность, что не все они будут поняты одинаково. И некоторые [люди] могут не вспомнить по прошествии времени, как им было рассказано, и часто у них в памяти всё меняется, и истории становятся ненадежными. Прошло более 240 зим от заселения Исландии, прежде чем люди здесь начали записывать саги, а это был большой период времени, и вряд ли саги не исказились бы при передаче, если бы не было песней, как новых, так и старых, из которых люди могли получить достоверные знания. Так раньше поступали мудрые люди, когда они хотели узнать истину, признавая за правду слова тех людей, которые сами видели происшедшее и находились поблизости. И когда скальды участвовали в битвах, тогда их свидетельства были надежны, равно как и когда скальд исполнял [свои песни] перед самими правителями, — тогда бы он не решился назвать такие его деяния, о которых и сам правитель, и все те, кто слушали, знали, что его нигде поблизости не было. Это было бы насмешкой, а не хвалой».

По мнению Снорри, скальдические стихи, хоть и передавались многократно из уст в уста, из поколения в поколение, были много надежнее любого прозаического рассказа, если были «правильно сложены». Смысл этого утверждения в том, что память может подвести и человек невольно внесет изменения в свой рассказ, а сложенный в соответствии с ка-

нонами жанра скальдический стих исказить совсем непросто. Соответственно, если скальд был очевидцем битвы или другого знаменательного события, его свидетельство было достойно внимания историка. Ту же мысль Снорри повторит в заключительном абзаце этого пролога (VII), сообщая, что речь в саге пойдет о жизни и деяниях конунга Олава Хальдссона:

(5) «исландцы, которые видели эти события или слышали о них, принесли сюда в страну эти рассказы, и люди затем об этом от них узнали. И все же я пишу большей частью на основании того, что я нахожу в стихах тех скальдов, которые были с конунгом Олавом».

Как подчеркнул норвежский исследователь конца XX в. Б. Фидьестёл, «эта критика источников, представленная в прологах к “Саге об Олаве Святом” и “Кругу земному”, является одним из выдающихся интеллектуальных достижений Северного Средневековья, которое, пожалуй, можно сравнить только с фонологическим анализом “Первого грамматического трактата”. В обоих случаях современная наука, можно думать, достигла подобной высоты только в нашем столетии»⁹.

Чтобы разобраться, в чем причина декларируемого Снорри абсолютного доверия к скальдическим стихам, необходимо понять, что стоит за его утверждением о тождестве исходного их текста и того, который стал известен ему («Те слова, что стоят в песнях, — те же самые, что были с самого начала, если правильно сложены, хотя каждый человек с тех пор заучивал от другого; и их нельзя изменить»). По определению М.И. Стеблин-Каменского, «скальдический стих — форма максимально строгая и тесная». Прежде всего, для него характерна аллитерация (повторение одинаковых начальных звуков), причем строго регламентированная. «Кроме того, в скальдическом стихе строго регламентированы внутренние рифмы, регламентировано количество слогов в строке, строго регламентировано количество строк в строфе». На примере самого распространенного из скальдиче-

⁹ Fidjestøl 1993: 78.

ских размеров — «дротткветта» — исследователь демонстрирует метрическую схему скальдического стиха. Виса (строфа) состоит из восьми строк, образующих четыре двустипия, которые должны совпадать по строю стиха. В нечетных строках должно быть два аллитерирующих слога, в четных — один (первый) слог. Во всех строках должны быть внутренние рифмы — «хендинги»: в нечетных строках — неполные, в четных — полные. В каждой строке должно быть шесть слогов, из которых три несут метрическое ударение (обязательно предпоследний слог каждой строки, а также первый слог четной строки). Не менее сложна и синтаксическая структура. «Отдельные предложения в дротткветте (и только в дротткветте, но не в других скальдических размерах) могут втискиваться друг в друга или переплетаться». Большие сложности имелись и в области фразеологии. Основными стилистическими элементами были «хейти» (поэтические синонимы) и «кеннинги», о которых надо сказать особо. «Кеннинг (буквально “обозначение”) — это замена существительного обычной речи двумя существительными, из которых второе определяет первое, то есть перифраз типа “конь моря” (то есть корабль)». Проблема заключалась в том, что определение в кеннинге могло быть вновь и вновь заменено кеннингом. Пример, приводимый М.И. Стеблин-Каменским, весьма выразителен: «“метатель огня выюги ведьмы луны коня корабельных сараев”, где “конь корабельных сараев” — корабль, “луна корабля” — щит, “ведьма щита” — секира, “выюга секиры” — битва, “огонь битвы” — меч, а “метатель меча” — мужчина, т.е. просто “он”!»¹⁰. Зная законы скальдического стихосложения, а Снорри был большим знатоком этой поэзии, он не мог относиться к дошедшим до него строфам иначе чем как к аутентичному материалу. Именно это отношение он и выразил в двух прологах и в отдельных разбросанных по текстам саг замечаниях. В его свод королевских саг «Круг земной» включена 601 скальдическая строфа.

¹⁰ Стеблин-Каменский 1979: 93–103.

Отношение Снорри Стурлусона к скальдам и их творчеству хорошо иллюстрирует фрагмент из его «Саги об Олаве Святом» по «Кругу земному», где говорится о подготовке конунга Олава к важной битве:

«Говорят, что когда Олав конунг построил свое войско, он поставил вокруг себя людей, которые должны были защищать его щитами. Для этого он отобрал самых сильных и ловких. Потом он позвал к себе своих скальдов и велел им быть рядом с ним. Вы должны, — говорит он, — стоять здесь и видеть все, что происходит, собственными глазами, тогда вам не придется полагаться на рассказы других, ведь потом вы должны будете рассказать об этой битве и сложить о ней песни. [...] Тогда скальды стали говорить между собой о том, что им подобает сочинить песни о тех событиях, которые скоро должны произойти»¹¹.

Скальдическая поэзия — поэзия устная. Свои стихи скальды сочиняли, как правило, по свежим следам события, будучи его очевидцами или современниками. Большей частью это были хвалебные песни, которые сообщали имя и род прославляемого, рассказывали о числе выигранных им битв, о его героизме и подвигах. Но эти скальдические поэмы в полном виде до нас не дошли. Они сохранились в виде отдельных строф в сагах записи XII–XIII веков.

Долгое время в исследовательской литературе господствовало мнение, что скальдические поэмы, написанные на несколько столетий раньше, чем саги, были источниками этих саг. Но в 1933 г. Сигюрдюр Нордаль в предисловии к изданию «Саги об Эгиле» подчеркнул, что скальдические строфы в ней не цитируются в качестве свидетельства (как в «Круге земном»), а являются частью повествования¹². Бьярни Эйнарссон развил эту идею и показал, что и в других сагах о скальдах строфы нечасто цитировались как исторические свидетельства¹³. Он также указал на существенную разницу в отношении к скальдическим стихам авторов саг

¹¹ Снорри Стурлусон 1980: 351.

¹² Egils saga 1933: xix–xxii.

¹³ Bjarni Einarsson 1961.

об исландцах и королевских саг: тогда как в родовых сагах (за редким исключением) строфы служили «только для развлечения», были частью рассказа и должны были рассматриваться как элемент повествования в целом, в королевских сагах строфы в основном были взяты из поэм, восхвалявших норвежских конунгов, сочиненных их придворными поэтами или современными им скальдами, и приводились в качестве подтверждения сказанного¹⁴. Сегодня ученые различают два основных типа цитирования скальдических стихов в сагах, а именно: как «историческое свидетельство» и как «часть рассказа».

Современные исследователи видят в скальдических стихах источник саг и относятся к фрагментам, содержащим поэтические вставки с большим доверием, нежели к сагам в целом, — естественно, если строфы приводятся в качестве подтверждения рассказанного. Эти строфы, по мнению саговедов, содержат специфическую информацию (личные имена, топонимы, числовую или хронологическую информацию, «содержательные ремарки» и т.д.), верифицирующую сходные сведения в прозаическом тексте. Такое отношение к скальдическим стихам, включенным в саги, исследователи объясняют целым рядом причин, и прежде всего тем, что трудный стихотворный размер, своеобразный порядок слов и сложный поэтический язык практически исключали возможность искажений и дополнений в процессе бытования скальдических стихов в устной традиции и в момент их письменной фиксации. Однако содержание скальдической поэзии было простым и прямолинейным. Если заменить хейти и кеннинги синонимами, исправить порядок слов и пересказать в прозе строфу за строфой, стихотворение сведется к перечислению некоторых фактов и событий, которые обычно считаются реальными. Как правило, это содержание настолько фрагментарно, случайно и конкретно, что без прозаического комментария вряд ли понятно. Иногда скальдические стихи содержат личное имя или топоним, но в большинстве случаев они не называют даже этого, так что

¹⁴ Bjarni Einarsson 1974.

привязать их к тому или иному персонажу, событию или месту удастся лишь на основании прозаического контекста, в котором они сохранились.

Многие саговеды полагают, что стихи скальдов передавались в устной традиции вместе с каким-то прозаическим текстом — «сопровождающей прозой» (*Begleitprosa* — термин З. Байшлага): они не существовали сами по себе, а выступали как ядро более полной традиции¹⁵. Как справедливо утверждал Б. Фидьестёл, «даже самый критически настроенный историк должен допустить некоторую минимальную прозу, сопровождающую строфы, по крайней мере, достаточную, чтобы указать имя поэта и определить тему его строф»¹⁶. Вполне вероятно, что прозаическое окружение скальдических строф в том виде, в котором оно дошло до нас (в сагах и сводах королевских саг), было создано авторами этих саг в соответствии с их собственным замыслом¹⁷. И все же среди саговой информации по ранней истории наиболее достоверной считается та, которая основана на стихах скальдов IX–XI веков.

Однако есть ученые, которые ставят под сомнение подлинность скальдических стихов как сочинений, созданных раньше саг. Гиперкритицизм начала XX в. в духе Л. Вейбулля порой возрождается в наши дни, а потому дискуссия относительно достоверности королевских саг, скальдических стихов как источника саг и принципов критики источников Снорри Стурлусона не прерывается. Так, Ш. Гош¹⁸ убежден, что ни для одной из дошедших до нас скальдических поэм не может быть доказано, что она передавалась устно на протяжении столетия или двух. Он отрицает сохранность стиха благодаря метрической форме, не принимает тезиса о невозможности сказать заведомую ложь перед лицом покровителя, не верит в существование сопровождающей прозы. Ссылаясь на исследования ряда специалистов по скальдиче-

¹⁵ Beyschlag 1953; см. также: von See 1977; von See 1982; Danielsson 2002: 379–383.

¹⁶ Fidjestøl 1971: 34.

¹⁷ См.: Stavnem 2014.

¹⁸ Ghosh 2011.

ской поэзии, Р. Пула, Кр. Абрама и Э. Марольд, указавших на отдельные редкие случаи вариативности текстов скальдических поэм, он утверждает, что «писцы XII–XIII вв. были способны понимать и переделывать стих, оставаясь в рамках ограничений архаичного размера и языка» и что «поэты/писцы/редакторы XII в. или более позднего времени умели профессионально вносить изменения в сочинения, которые считаются относящимися к более раннему периоду»¹⁹. По его мнению, отнесение стихов к «подтверждающим сказанное» или «ситуативным» «не может ни в малейшей степени помочь нам в отношении оценки подлинности стиха, сопровождающей его прозы или прозиметра в целом»²⁰.

В рецензии на эту книгу норвежский историк С. Багге²¹, изучающий древнюю норвежскую историю не в последнюю очередь на материале исландских саг, отметил, что каждый ученый, который когда-либо работал с критическим изданием скальдических стихов, знает о существовании вариаций в их передаче и о том, что стихи различаются в отдельных сагах и рукописях, которые до нас дошли. Но именно ту же вариативность предполагает и настойчивое утверждение Снорри Стурлусона о том, что стихи должны быть *rétt kveðin* («правильно сложены»). Тем не менее, полагает Багге, поэтическая форма очень важна, поскольку прозаический рассказ может быть искажен гораздо легче, чем скальдический стих. Более того, не все изменения в стихе в равной мере существенны с исторической точки зрения.

Тезис Снорри о достоверности стихов, читаемых перед королями или вождями, был предметом многочисленных дискуссий. Ссылаясь на К. Крага, Ш. Гош подчеркивает, что скальдические стихи, относящиеся к пребыванию норвежского конунга Харальда Сурового Правителя в Византии, не являются надежными историческими источниками²², но, как возражает ему С. Багге, — это особый случай, поскольку никто в Норвегии не мог проверить то, что Харальд решил рас-

¹⁹ Ghosh 2011: 47–49.

²⁰ Ghosh 2011: 95–96.

²¹ Bagge 2013.

²² Ghosh 2011: 72–75.

сказать о своих заморских плаваниях; зато этот тезис справедлив применительно к событиям в Скандинавии. И хотя Гош прав, по мнению Багге, в том, что не существует общего метода, позволяющего последовательно различать правду и вымысел, практикующий историк не будет стремиться найти такой метод, а будет пытаться искать решения в каждом конкретном случае. В зависимости от содержания стихов, от способа их передачи и их общего контекста могут быть найдены аргументы в пользу достоверности хотя бы части содержащейся в стихах и в окружающей их прозе информации²³.

По заявлению Гоша, такие маститые историки, как С. Багге, Э. Кристиансен, К. Краг и К. Хелле не отказываются от обращения к сагам, но «пока не будут найдены лучшие методы для определения степени и характера независимости стихов от прозы, мы не можем действительно утверждать, что повествования, которые мы пишем на основе стихов, имеют сколько-нибудь большие претензии на историческую точность, чем истории, составленные авторами сводов саг»²⁴. Если бы подобное гиперкритическое отношение получило признание, историки должны были бы отказаться от использования всех древнескандинавских источников вплоть до XII в., но, насколько мне известно, историки не торопятся разрабатывать какие-либо «лучшие методы». В то же время международная команда исследователей продолжает свою плодотворную и чрезвычайно полезную работу в рамках проекта «Скальдическая поэзия скандинавского средневековья»²⁵, публикуя том за томом, в которых даются обоснованные выводы относительно авторства и датировки каждой скальдической поэмы или отдельной строфы, уточняются написание и значение буквально каждого слова. А историки продолжают считать скальдические стихи источником, заслуживающим хотя бы некоторого доверия.

²³ Bagge 2013: 99.

²⁴ Ghosh 2011: 99–100.

²⁵ См.: <https://skaldic.org/m.php?p=skaldic>

БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

- Гуревич 1972 — *Гуревич А.Я.* История и сага. М., 1972.
- Джаксон 2012 — *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012.
- Снорри Стурлусон 1980 — *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Стеблин-Каменский 1979 — *Стеблин-Каменский М.И.* Скальдическая поэзия // Поэзия скальдов / Изд. подг. С.В. Петров, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1979. С. 77–130.
- Стурла Тордарсон 2007 — *Стурла Тордарсон.* Сага об исландцах / Пер. А.В. Циммерлинга. СПб., 2007.
- Bagge 2013 — *Bagge S.* [Review of] *Kings' Sagas and Norwegian History. Problems and Perspectives.* By Shami Ghosh. Leiden: Brill, 2011 // *Journal of English and Germanic Philology.* 2013. P. 98–100.
- Beyschlag 1953 — *Beyschlag S.* Möglichkeiten mündlicher Überlieferung in der Königssaga // *Arkiv för nordisk filologi.* 1953. B. 68. S. 109–120.
- Bjarni Einarsson 1961 — *Bjarni Einarsson.* Skáldasögur. Reykjavík, 1961.
- Bjarni Einarsson 1974 — *Bjarni Einarsson.* On the rôle of verse in saga-literature // *Mediaeval Scandinavia.* 1974. Vol. 7. P. 118–125.
- Boulhosa 2005 — *Boulhosa P.P.* Icelanders and the Kings of Norway. *Mediaeval Sagas and Legal Texts.* Leiden; Boston, 2005.
- Danielsson 2002 — *Danielsson T.* Sagorna om Norges kungar: från Magnús góði till Magnús Erlingsson. Hedemora, 2002.
- Egils saga Skalla-Grímssonar 1933 — *Egils saga Skalla-Grímssonar / Sigurdur Nordal* (Íslenzk fornrit; 2). Reykjavík, 1933.
- Fidjestøl 1971 — *Fidjestøl B.* Tåtten om Harald Hardråde og fiskaren Þorgils // *Maal og Minne.* 1971. S. 34–49.
- Fidjestøl 1993 — *Fidjestøl B.* Skaldenstrophen in der Sagaprosa. Bemerkungen zum Verhältnis zwischen Prosa und Poesie in der Heimskringla // *Snorri Sturluson. Kolloquium anlässlich der 750. Wiederkehr seines Todestages / A. Wolf* (Scripta Oralía; 51). Tübingen, 1993. S. 77–98.
- Ghosh 2011 — *Ghosh Sh.* *Kings' Sagas and Norwegian History: Problems and Perspectives* (The Northern World; 54). Leiden, 2011.

- Snorri Sturluson 1941, 1945, 1951 — *Snorri Sturluson*. Heimskringla 1–3 / Bjarni Aðalbjarnarson (Íslenzk fornrit; 26–28). Reykjavík, 1941, 1945, 1951.
- Stavnef 2014 — *Stavnef R.* Creating Tradition: The Use of Skaldic Verse in Old Norse Historiography // Eddic, Skaldic, and Beyond. Poetic Variety in Medieval Norway and Iceland / Ed. by M. Chase. New York, 2014. P. 87–101.
- von See 1977 — *von See K.* Skaldenstrophe und Sagaprosa: Ein Beitrag zum Problem der mündlichen Überlieferung in der altnordischen Literatur // *Medieval Scandinavia*. 1977.
- von See 1982 — *von See K.* Mündliche Prosa und Skaldendichtung: Mit einem Exkurs über Skaldensagas und Trobadorbographien // *Medieval Scandinavia*. 1978–1979 (publ. 1982). Vol. 11. P. 496–505.

И.Г. Коновалова

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАРТОГРАФИИ

Аннотация: В статье ставится вопрос о роли некартографических источников по истории средневековой картографии. Эта проблема раскрывается на материале средневековой исламской географии, в которой карты, дошедшие до наших дней, были почти исключительно связаны — против ожидания — не с трудами по астрономической географии, а с описательными географическими сочинениями разных жанров. Благодаря этому у нас есть возможность сравнить между собой разные способы презентации, интерпретации и концептуализации географической информации, которыми пользовались составитель текста, с одной стороны, и картограф — с другой. Учет специфики описательной и картографической формы пространственной информации важен не только для рассмотрения общей проблемы соотношения карты и словесного описания в средневековых источниках географического толка, но и для корректного прочтения самих карт, понимания того, что собственно на них изображено и почему именно так локализовано.

Ключевые слова: карта, описание, средневековая исламская география, средневековая исламская картография, «классическая школа» арабских географов X в.

В последние десятилетия история картографии переживает заметный подъем, связанный с выработкой новых методологических подходов к дисциплине и постановкой новых исследовательских проблем. При этом слабым местом современных историко-картографических штудий остается разработка источниковедческих проблем. Это во многом вы-

звано тем, что история картографии как научная дисциплина не отличается внутренней когерентностью, поскольку интерес к истории карт традиционно проявляют не только академические ученые различных специальностей (историки, географы, искусствоведы и др.), но и хранители карт в библиотеках, музеях и архивах, а также коллекционеры и любители карт. Поэтому история картографии, никогда не развивавшаяся на универсальной научной основе, продолжает оставаться полем деятельности отдельных исследовательских сообществ, более или менее связанных между собой и практикующих разнообразные подходы к изучению карт и их истории.

Характерная для современной историко-географической литературы проблематизация универсальной природы научного знания как такового привела к новому взгляду на сами карты. С 90-х годов прошлого века, во многом под влиянием работ Дж.Б. Харли о картографии раннего Нового времени¹, стал подвергаться кардинальному пересмотру статус карты как «объективного» научного продукта, целью которого является максимально точное отображение поверхности земли. Тем самым была поставлена под сомнение привычная трактовка истории картографии как прогрессивного, поступательного движения ко все большей и большей точности карт².

Как показывают новейшие исследования по истории картографии, карты следует оценивать не с точки зрения их «точности», а через призму из культурно-исторической и художественной специфики. Изучение социокультурного и политического контекста, в рамках которого карты производились и использовались, привели к выводу о многофункциональности карт и — соответственно — к признанию сложного характера картографического изображения как такового. В настоящее время карта рассматривается как более или менее ангажированная концептуализация географического пространства, как культурный текст, на-

¹ Harley 1989; Harley 1990.

² Edney 1993.

полненный смыслами, выходящими за рамки собственно пространственных отношений, как форма политического дискурса и способ манифестации власти³.

Задачи, которые возлагались на карты, и определяли их форму и содержание. Решающее значение функциональной роли карт для понимания смысла картографического изображения в образной форме выразил Д. Вуд, сравнивший карты с машинами, «которые преобразуют социальную энергию в социальное пространство, социальный порядок и знание»⁴.

Большие успехи последних лет в разработке такой дисциплины как география знания, рассматривающей вопросы, связанные с региональными особенностями производства и циркуляции знания⁵, также оказали влияние на исследования по истории картографии. Понимание того, что производство и потребление знаний всегда было обусловлено не только временем, но и местом, привело к заключению о том, что концепты и подходы, вырабатываемые в различных «пространствах знания» (*spaces of knowledge*), в содержательном плане совпадают между собой только частично и потому значимы лишь в пределах определенного пространства. В результате сейчас признано, что следует говорить не о «картографии вообще», а о различных способах картографирования, каждый из которых является частью более широкого этнокультурного контекста, в рамках которого формируется определенный способ ментального и технологического освоения пространства.

Соответственно, на первый план вместо привычного сравнения карт между собой (или их прямого сопоставления с современной картой, чем грешат многие историко-географические исследования⁶) вышла необходимость изучения происхождения и социальных функций карт⁷, что

³ Из последних обобщающих работ см.: Delano-Smith, Kain 2009; Edney 2019 (с обширной библиографией).

⁴ Wood 2010: 6.

⁵ Беляев, Мойсбургер 2011.

⁶ Подробнее см.: Коновалова 2024.

⁷ Barber 2020; Dym, Lois 2021.

с неизбежностью повысило роль некартографических источников в исследованиях по истории картографии и географии. Представители географического сообщества уделяют все больше внимания работе с такими источниками, причем в профильной периодике обращение к ним расценивается как разработка новых методов историко-географических исследований⁸. Однако с точки зрения историка очевидно, что в данном случае географы «открывают» для себя уже хорошо известные историкам методы работы, позволяющие реконструировать прошлое по оставленным им следам.

Основная источниковедческая проблема в исследованиях по истории картографии связана с тем, что карты не существуют как автономные, самостоятельные произведения — точно так же, как и картографирование само по себе не является полностью автономным процессом, будучи органической частью пространственного мышления индивида. Карта неразрывно связана с ментальным картографированием и с картографическим воображением как таковым. Изучение же последнего — масштабная междисциплинарная задача, пока еще слабо разработанная (см. материалы недавней междисциплинарной конференции «Воображаемые картографии: Карта и географическое воображение в истории и культуре», на которой обсуждались проблемы взаимосвязи и взаимодействия карт и географического воображения, генезиса и функций воображаемых картографий⁹).

Понимание неразрывной связи карт с другими формами пространственных представлений ярко проявилось в средневековой исламской культуре. Исламские карты, дошедшие до наших дней, были почти исключительно связаны — против ожидания — не с трудами по астрономической географии, а с описательными географическими сочинениями разных жанров — всемирными географиями, историко-географическими описаниями, географическими разделами в космографиях и энциклопедиях, «книгами чудес». В арабском языке вообще длительное время отсутствовал точный

⁸ Moore 2010: 262–264; Dym, Lois 2021.

⁹ Воображаемые картографии 2022.

термин для обозначения географической карты как таковой (термин *ḥarīṭa* является поздним заимствованием из французского). Арабские слова, использовавшиеся для указания на картографическое изображение, подходили для обозначения любых визуальных объектов: *ṣūra* («вид, образ, картина, изображение, копия»), *raṣm* («чертеж, план, рисунок, изображение»), *naḳṣ* («рисунок, украшение»). Весьма распространенными названиями книг географического толка — в том числе и в жанре астрономической географии — были «Книга картины земли» (*Kitāb ṣūrat al-arḍ*), «Картина климатов» (*Ṣūrat al-aḳālim*), «Картины климатов» (*Ṣuvar al-aḳālim*), «Рисунок обитаемой земли» (*Raṣm al-ma'mūr min al-arḍ*).

Все наиболее крупные исламские картографические произведения — так называемый «Атлас ислама» X века, карты анонимной «Книги чудес» первой половины XI века, прямоугольные карты ал-Идриси, составляющие в совокупности карту мира (середина XII в.), — являлись частью общественно-политических проектов, реализация которых требовала одновременного использования как картографических изображений различного масштаба, так и описательных средств. Благодаря этому у нас есть возможность сравнить между собой разные способы презентации, интерпретации и концептуализации географической информации в средневековом исламском мире. Необходимость дифференцированного отношения к описанию какого-либо географического объекта, с одной стороны, и к его же картографическому изображению — с другой, связана с тем, что составитель текста и картограф пользуются разными способами презентации информации и производства нового знания. Учет специфики той и другой формы пространственной информации важен не только для рассмотрения общей проблемы соотношения карты и словесного описания в средневековых источниках географического толка, но и для корректного прочтения самих карт, понимания того, что собственно на них изображено и почему именно так локализовано.

Невозможность верно интерпретировать средневековую карту без обращения к сопровождающему ее тексту бы-

ла наглядно продемонстрирована К. Миллером, который попытался перенести картографические данные ал-Идриси на современную карту, не привлекая текст сочинения. Уже в его время подобная методика противоречила накопленному материалу (см., например, замечания М. Амари и Ч. Скиапарелли о сравнительной точности текста и карт ал-Идриси, относящихся к Италии и Сицилии¹⁰, и дальнейшие исследования показали, что признание за картой приоритета в изучении сочинения себя не оправдывает¹¹.

Первые дошедшие до нас исламские карты были созданы учеными так называемой «классической школы» арабских географов, или школы ал-Балхи. Ее основателем считается среднеазиатский ученый ал-Балхи (ум. 934), который около 920 г. написал сочинение, известное под разными названиями: «Картины климатов» (*Сувар ал-акалим*), «Виды стран» (*Ашкал ал-билад*) или «Упорядочение стран» (*Таквим ал-булдан*). Оно состояло из собрания географических карт, сопровождавшихся кратким пояснительным текстом. Труд ал-Балхи в подлиннике не дошел до наших дней, однако, послужил основой для произведений других исламских ученых¹².

В начале 30-х гг. X в. сочинение ал-Балхи обработал выходец из Южного Ирана ал-Истахри — первый по времени представитель «классической» школы географов, сочинение которого сохранилось. Вторую редакцию своей «Книги путей и государств» (*Китаб ал-масалик ва ал-мамалик*)¹³ ал-Истахри составил около 950 года. Она получила большое распространение в исламской историографии, в особенности в восточной части халифата, где она бытовала и в переводах на персидский и турецкий языки.

Продолжателем ал-Истахри стал уроженец города Нисибина в Верхней Месопотамии Ибн Хаукал. В середине X в. он объехал почти весь исламский мир от Испании до Индии, причем сделал это, по некоторым свидетельствам, в качестве

¹⁰ Amari, Schiaparelli 1883: XII–XIII.

¹¹ Подробнее см.: Коновалова 2006: 52–71.

¹² Tibbets 1992: 108–111.

¹³ BGA 1870.

политического агента сначала египетских Фатимидов, а затем багдадских Аббасидов и испанских Омейядов. Свое сочинение «Книга картины земли» (*Китаб сураат ал-ард*)¹⁴ Ибн Хаукал начал писать под впечатлением от встречи с ал-Истахри и задумал его как исправленную переработку труда последнего. Однако работа над книгой, продолжавшаяся в течение 50–70-х годов X в., привела его к созданию вполне самостоятельного географического сочинения, пусть и включавшего многие материалы ал-Истахри.

Хотя представители «классической школы» писали на арабском языке, ее основоположники, ал-Балхи и ал-Истахри, были этническими персами, выходцами — о чем говорят их *нисбы*, — из иранских городов Балха и Истахра. Укорененность в персидской культуре повлияла на композицию их сочинений, в которых центральное место в структуре Халифата занимает Иран, а географическое деление Земли, несмотря на формальное использование ими принятого большинством мусульманских географов греческого термина «климат» (араб. *иклим*), фактически основано на системе иранских областей-*кишваров*.

Сочинения географов «классической школы» сопровождались набором карт, а текстовая часть сочинений была построена как развернутый комментарий к ним. Количество и тематика карт, а также их порядок были строго регламентированы. Полный комплект включал в себя одну общую карту мира, карты трех морей — Средиземного, Персидского (Индийский океан) и Хазарского (Каспийского), а также 17 карт с изображением различных областей халифата: Аравии; Магриба; Египта; Сирии; ал-Джазиры (Верхней Месопотамии); Ирака; Хузистана; Фарса; Кирмана; Синда; Армении, Аррана и Азербайджана; Джибала; Дайлама и Табаристана; Персидской пустыни; Сиджистана; Хорасана; Мавараннахра¹⁵. Карты предельно схематичны: градусная сетка и масштаб на них отсутствуют, моря и острова представлены в виде геометрически правильных кругов или эллипсов, бе-

¹⁴ BGA 1873; Ibn Ḥaukāl 1938–1939.

¹⁵ Tibbets 1992: 114.

реговые линии условны, а реки нанесены прямыми линиями. Как и подавляющее большинство арабских карт, карты географов «классической школы» ориентированы на юг¹⁶.

Карты отдельных областей, по всей вероятности, мыслились как самостоятельные изображения, не состыкованные друг с другом. Их схематизм, отсутствие единого масштаба, а также ярко выраженный «иранский акцент» не позволяли составить из них в совокупности карту мира, в связи с чем последняя вычерчивалась специально.

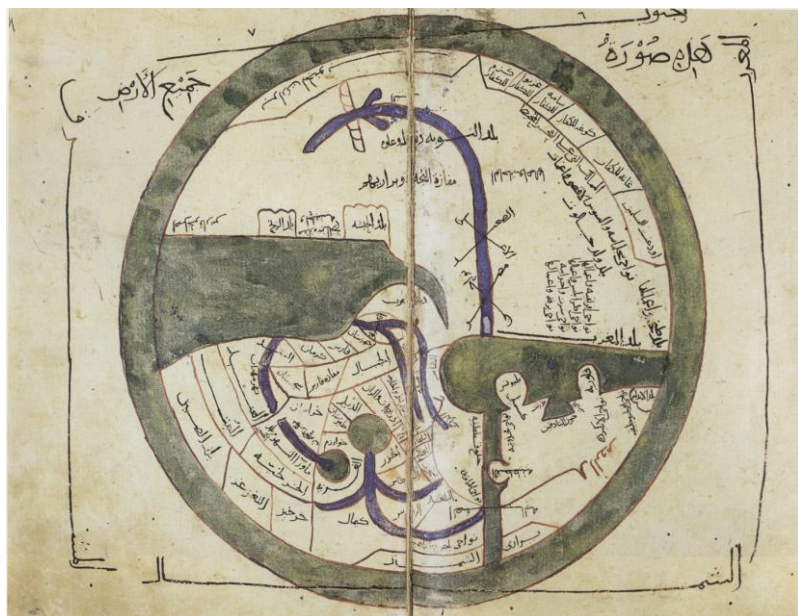
Хотя для «классической школы» арабских географов было характерно преимущественное внимание к описанию исламских стран, в сочинениях ал-Истахри и особенно Ибн Хаукала имеется немало сведений также о странах и народах Европы, а также немусульманских районах Азии и Африки. При этом, если в основном тексте их сочинений данные о немусульманских народах и государствах сообщаются лишь попутно, в связи с характеристикой тех или иных областей Халифата, то во введении к своим трудам они дают общее описание всей ойкумены — стран, народов и морей, — и излагают свои представления об устройстве мирового порядка.

Таким образом, то или иное государство в сочинениях географов «классической школы» предстает в разных масштабах: мировом, то есть как составная часть одной из империй; региональном — как область какого-либо историко-культурного региона; и наконец, само по себе. Текстовая характеристика страны дополняется ее картографическим изображением на карте мира и — для исламских стран — на региональной карте.

Именно на картах географов «классической школы» содержится первое из дошедших до нас исламских картографических изображений Руси, на примере которого мы и рассмотрим неразрывную связь картографического изображения объекта и некартографической информации о нем. Изображение Руси помещено на карте мира из сочинения Ибн

¹⁶ Tibbets 1992: 112–129.

Хаукала в рукописи 1086 г. из Музея Топкапы в Стамбуле (Istanbul, Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, A. 3346) (Илл. 1).

Илл. 1.

Карта мира Ибн Хаукала по рукописи 1086 г.
из Музея Топкапы в Стамбуле (Istanbul,
Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, A. 3346, fols.
3b–4a). Ориентация южная.

Воспроизведено по:

<http://www.myoldmaps.com/early-medieval-monographs/213-ibn-hawqals-world-map/213-ibn-hawqal.pdf>

Вот как сам Ибн Хаукал описывал фрагмент карты, на котором изображена Русь: «В этой части [карты] позади слова “север” расположена страна Йаджуджа и Маджуджа, затем, выше — славяне (*ас-сакалиба*)... Потом за ними к востоку — болгары и русь (*ар-рус*). Затем на побережье [Константино-

польского] пролива — области Трапезунда, а над протекающей рядом рекой — болгары, русь, башкиры, буртасы, хазары, печенеги, еще одни болгары, затем земля Сарир, а над ними — Внутренняя и Внешняя Армения. А слева — Азербайджан и Арран, а справа от Армении — река Тигр»¹⁷.

Что касается характера изображения Руси на карте Ибн Хаукала, то Русь обозначена на ней, как и другие страны и народы, в виде этнотопонима, а географическими маркерами ее местоположения являются, прежде всего, наименования соседних с нею народов, а также изображение реки *Атил*, «над» которой, по словам Ибн Хаукала, и помещаются русы. На первый взгляд, карта не слишком информативна, однако не следует забывать о специфике работы картографа. Если автор географического описания, говоря о русах, мог ограничиться фразой о том, что они везут свои товары «из самых отдаленных окраин страны славян»¹⁸, предоставляя читателям возможность самим вообразить, где именно живут русы, то картограф, желавший нанести на карту сведения о Руси, должен был найти для нее точно определенное место. И чтобы понять, почему Русь изображена на карте Ибн Хаукала так, а не иначе, надо обратиться к тому курсу о славянах, русах и других восточноевропейских народах, который развивали предшественники школы ал-Балхи — ученые IX – начала X века Ибн Хордадбех и Ибн Русте, а также путешественник в Волжскую Булгарию в 922 г. Ибн Фадлан.

Сведения этих авторов о местонахождении русов весьма неопределенны. Ибн Хордадбех, которому принадлежит первое в исламской литературе упоминание о русах, говорил лишь о маршрутах, которыми они пользовались для транспортировки своих товаров в пределы Византии и Халифата. При этом он ничего не сообщил не только о стране русов, но и хотя бы о каком-либо месте их проживания. Ему было известно лишь то, что русы везли свои товары из «самых отдаленных [окраин страны] славян», причем в Хазарию они

¹⁷ Ibn Ḥaukāl 1938–1939: 9.

¹⁸ Как это сделал, к примеру, Ибн Хордадбех: BGA 1889: 154.

попадали по «Реке славян», а о том, каким путем они добирались до Черного («Румийского») моря, Ибн Хордадбех не знал¹⁹. То есть на международном рынке русы появились, можно сказать, из ниоткуда, и единственной частью пространства, маркируемой Ибн Хордадбеком как «русская», оказывался торговый маршрут, по которому они шли. При этом по мере удаления от Багдада этот путь русов становился все менее и менее отчетливым для их исламских контрагентов, теряясь где-то у «самых отдаленных [окраин страны] славян».

Первые сведения о месте обитания русов появились в исламском мире в конце IX в., когда создавалась так называемая «Анонимная записка» о северных народах, дошедшая до нас в изложении Ибн Русте. На основе этих сведений в арабо-персидской литературе X–XVI вв. сформировался устойчивый географический образ «острова русов»²⁰. В отличие от сообщения Ибн Хордадбека, в рассказе об «острове русов» информация об их торговых путях занимала подчиненное место, а основное внимание уделялось показу русов, так сказать, у себя дома, в тех «самых отдаленных [окраинах страны] славян», откуда русы везли свои товары на исламский Восток и в Византию.

Образы, задающие внутренние параметры «острова русов», все до одного безымянные: Ибн Русте неизвестно ни наименование хотя бы одного их города, реки или горы; неизвестен язык русов; не указано даже название того моря (или озера), в пределах которого находился «остров русов». Внешними географическими маркерами активности русов являются города Хазаран и Булгар, куда, согласно Ибн Русте, русы везли свои товары на продажу. Все конкретные данные, сообщаемые «Анонимной запиской» о русах, касаются организации их общества и верховной власти или являются сведениями этнографического толка (нравы, обычаи, одежда), которые мусульманские информаторы узнавали либо от са-

¹⁹ BGA 1889: 154.

²⁰ Об «Анонимной записке» и «острове русов» подробнее см.: Коновалова 2001.

мих русов, доходивших с купеческими караванами до ближневосточных городов, либо от своих хазарских и болгарских контрагентов, поддерживавших торговые отношения с областями русов²¹. Даже единственный арабский путешественник по Восточной Европе X в. Ибн Фадлан, видевший русов собственными глазами, встретился с ними в Булгаре, то есть за пределами собственно русской территории²². В отличие от сообщений о всех других народах региона, в рассказе о русах в «Анонимной записке» нет указаний на расстояния между землей русов и другими народами. Можно говорить даже о своего рода экстерриториальности «острова русов»: на политической карте региона страна русов присутствует, но в географическом смысле ее как бы и нет, так как совершенно не ясно, где она находится.

Из состава сообщений о русах в сочинении Ибн Хордадбега и в «Анонимной записке», а также из свидетельства Ибн Фадлана очевидно, что основными центрами получения информации о русах в исламском мире во второй половине IX – начале X в. были не сами русские земли, а городские центры (прежде всего, Булгар и Итиль), лежавшие на Волго-Каспийском пути, по которому осуществлялись торговые, а также некоммерческие контакты Восточной Европы с исламскими странами. Наряду с Булгаром и Итилем, где регулярно появлялись купцы-русы, еще одним известным в исламском мире географическим объектом, тесно связанным с присутствием русов, была «Река славян», позволявшая, согласно Ибн Хордадбегу, добраться из русских земель до Хазарии и далее по Каспийскому морю до городов на территории халифата.

Если обратиться к сообщениям о Руси, имеющимся у ал-Истахри и Ибн Хаукала, то содержательно они продолжают сложившийся в IX – начале X в. дискурс о Руси, источниками которого были сведения, циркулировавшие в районе Средней и Нижней Волги и на Каспии. Ярким свидетельством этого служит то место, которое отведено информации о Ру-

²¹ BGA 1892: 145–147.

²² Ковалевский 1956. С. 141–146.

си в композиции сочинений ал-Истахри и Ибн Хаукала, — практически все сведения о русах приведены в главе, посвященной описанию Каспийского моря²³. Роль Волго-Каспийского пути в аккумуляции данных о Руси очевидна и из того, что почти все упоминания о русах у рассматриваемых авторов так или иначе связаны с известиями о Хазарии, Булгаре или реке *Атил*, которую Ибн Хаукал называет «Рекой русов»²⁴.

В то же время по сравнению с текстами Ибн Хордадбеха и Ибн Русте, которые говорили о русах как о народе, ученые школы ал-Балхи проблематизировали термин *ар-рус* как этноним. И ал-Истахри, и Ибн Хаукал утверждали, что термин *ар-рус* — это наименование государства, а не название народа, племени или города²⁵. Это заявление базировалось на новых сведениях о руси, получивших распространение в исламском мире к середине X века. В частности, стало известно, что государство русов не было унитарным, но имело сложный состав, включавший в себя три группы (*джинс*, *синф*) русов. Каждая группа была территориально отделена от других и имела свой городской центр — *Куйабу*, *Славу* и *Арсу*. Иерархия этих центров — с точки зрения внешних контрагентов русов — очевидна: *Куйаба* описана как самый бойкий и известный вне Руси центр, сопоставимый по размерам с Булгаром, *Слава* — как второй по известности, но менее доступный город, а *Арса* — как малодоступная территория, связанная с внешним миром лишь через *Куйабу*²⁶. Если сравнивать данные о трех группах русов с рассказом об «острове» русов, то окажется, что ал-Истахри и Ибн Хаукал так же, как и Ибн Русте, не приводили никаких сведений ни о географическом положении русов относительно других народов, ни о границах Руси — ни внешних, ни внутренних между группами русов. Они знали лишь *центры* власти русов, но ничего не сообщал о территориальных *границах* их власти. Однако тут важно, что три группы русов не были изолированы одна от

²³ BGA 1870: 217–227; Ibn Ḥaukāl 1938–1939: 387–397.

²⁴ Ibn Ḥaukāl 1938–1939: 13, 15, 388, 389.

²⁵ BGA 1870: 223; Ibn Ḥaukāl 1938–1939: 394.

²⁶ BGA 1870: 225–226; Ibn Ḥaukāl 1938–1939: 397–398.

другой и, в силу того, что находились в иерархических отношениях между собой, могли быть описаны как целое, как территориально-политическая общность русов. О том, что арабские географы понимали русов именно как общность, говорят первые же фразы их описания и у ал-Истахри, и у Ибн Хаукала: «Русы. Их три группы»²⁷.

Ал-Истахри и Ибн Хаукал первыми в исламской литературе показали место Руси в системе мировых империй (*мамлака*), являвшихся, по их мнению, столпами миропорядка: это Халифат, которым управляет из Багдада повелитель правоверных (*амир ал-му'минин*); Византия (*ар-Рум*), во главе которой стоит царь (*малик*), живущий в Константинополе; Китай (*ас-Син*), правитель (*сахиб*) которого проживает в городе Кайфэн; Индия (*ал-Хинд*) во главе с царем (*малик*), резиденцией которого является город Канаудж²⁸. Арабские географы сформулировали и принципы, которые позволяли отнести ту или иную страну к категории «империй», в отличие от простых «стран» и «земель»: имперскую государственность, по их мнению, создает органическое сочетание религии (*дин*), культуры (*адаб*) и власти (*хукм*)²⁹. И действительно, выделенные ими четыре империи в целом соответствовали цивилизационным ареалам, сложившимся на основе ислама, христианства, конфуцианства и индуизма. Так, пестрота европейской политической карты представлялась арабским географам несущественной по сравнению с причастностью народов Европы к христианству: «Что касается того, что мы присоединили к странам ар-Рума [земли] франков, галисийцев и других [народов], то язык их различен, однако религия и государство едины, подобно тому как в государстве ислама языки различаются, а владыка (*малик*) один»³⁰. Точно так же, располагая данными о лингвистических различиях между жителями Китая и окружавшими его племенами тюрок, ал-Истахри и Ибн Хаукал считали их всех поданными одного государя — правителя Китая.

²⁷ BGA 1870: 225; Ibn Ḥaukal 1938–1939: 397.

²⁸ BGA 1870: 4; Ibn Ḥaukal 1938–1939: 9.

²⁹ BGA 1870: 4; Ibn Ḥaukal 1938–1939: 10.

³⁰ BGA 1870: 9; Ibn Ḥaukal 1938–1939: 14.

В этой идеальной модели миропорядка, существовавшей в представлениях арабских географов, Русь включалась в сферу влияния Византии. До какой-то степени это было сделано чисто механически: «Что касается государства ар-Рум, то к востоку от него страны ислама, к западу и югу — Окружающее море, а к северу — границы области ас-Син, так как то, что находится между тюрками и страной ар-Рум из славян и других народов, мы присоединили к стране ар-Рум»³¹. То есть русы попадали в сферу влияния Византии на основании того, что их земли лежали между Византией и тюрками, которых ал-Истахри и Ибн Хаукал относили к сфере влияния Китая. Вместе с тем арабские авторы имели данные о том, что, по крайней мере, часть русов исповедовала христианство — достаточно вспомнить утверждение Ибн Хордадбеха о том, что приходившие в Багдад купцы-руссы платили джизью, поскольку, по их утверждению, были христианами³². Поэтому в другом месте ал-Истахри и Ибн Хаукал уточняют, что в орбите влияния Византии находились именно христианские народы: «В государство ар-Рум входят пределы славян и соседних с ними русов, ас-Сарира, алан, армян и [других народов], исповедующих христианство»³³.

Таким образом, первое картографическое изображение Руси в исламской географии опирается на существовавшую с IX в. традицию описания русов как народа. Реальная информация, лежавшая в основе этой традиции, по своему происхождению была самым тесным образом связана с функционированием Волго-Каспийского торгового пути, участок которого от Булгара и ниже до впадения в Каспийское море был хорошо знаком исламским купцам. Поэтому локализация Руси на карте Ибн Хаукала «привязана» к изображению реки *Атил*. Новизна информации о Руси в сочинениях ал-Истахри и Ибн Хаукала была связана с трактовкой термина *ар-рус* не только как этнонима, но и как поли-

³¹ BGA 1870: 5; Ibn Ḥaukāl 1938–1939: 11.

³² BGA 1889: 154.

³³ BGA 1870: 4; Ibn Ḥaukāl 1938–1939. P. 9.

тонима, с показом тройственной структуры Древнерусского государства, но и с концептуализацией места Руси на карте мира. Эта концептуализация выражалась, во-первых, в четкой географической локализации русов, которая была неведома более ранним исламским авторам, и во-вторых, в позиционировании Руси на политической карте мира как государства, относящегося к византийскому культурному пространству, куда географы школы ал-Балхи включали все европейские страны и тюркские народы, а также христианские народы Закавказья.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляев, Мойсбургер 2011 — *Беляев Д.О., Мойсбургер П.* География знания как одно из передовых направлений современной географической науки // Известия РАН. Сер. географическая. 2011. № 2. С. 7–16.
- Воображаемые картографии 2020 — Воображаемые картографии: Карта и географическое воображение в истории и культуре. Материалы междисциплинарной научной конференции (Москва, 8–9 декабря 2022 г.) / Под ред. Д.Н. Замятина и И.Г. Коноваловой. М., 2022.
- Ковалевский 1956 — *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии / Отв. ред. Б.А. Шрамко. Харьков, 1956.
- Коновалова 2001 — *Коновалова И.Г.* Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. Г.В. Глазырина. М., 2001. С. 169–189.
- Коновалова 2006 — *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Коновалова 2024 — *Коновалова И.Г.* Средневековый топоним и современная географическая карта: В поисках соответствия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 8 (142) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/>

- [s207987840031721-2-1/](https://doi.org/10.18254/S207987840031721-2) (дата обращения — 07.10.2024) DOI <https://doi.org/10.18254/S207987840031721-2>
- Amari M., Schiaparelli C. L'Italia descritta nel «Libro del re Ruggero» compilato da Edrisi / Testo arabo pubblicato con versione e note da M. Amari e C. Schiaparelli. Roma, 1883.
- Barber 2020 — Barber P. «Context is everything...»: Ruminations on Development in the History of Cartography since the 1970s and Their Consequences // *Imago mundi*. 2020. Vol. 72. No. 2. P. 131–147.
- BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. T. 1; 1889. T. 6; 1892. T. 7; 1894. T. 8.
- Delano-Smith, Kain 2009 — Delano-Smith C., Kain R.J.P. Cartography, History of // *International Encyclopedia of Human Geography* / Ed. by R. Kitchin, N. Thrift. Amsterdam; Oxford: Elsevier, 2009. P. 428–440.
- Dym, Lois 2021 — Dym J., Lois C. Bound images: maps, books, and reading in material and digital contexts // *Word & Image: A journal of Verbal/Visual Enquiry*. 2021. Vol. 37. No. 2. P. 119–141.
- Edney 1993 — Edney M.H. Cartography without «progress»: Reinterpreting the nature and historical development of mapmaking // *Cartographica*. 1993. Vol. 30. No. 2–3. P. 54–68.
- Edney 2019 — Edney M.H. Cartography: The Ideal and Its History. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2019.
- Harley 1989 — Harley J.B. Deconstructing the map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26. No. 2. P. 1–20.
- Harley 1990 — Harley J.B. Cartography, Ethics and Social Theory // *Cartographica*. 1990. Vol. 27. No. 2. P. 1–23.
- Ibn Ḥauḳal 1938–1939 — Opus geographicum auctore Ibn Ḥauḳal (Abū'l-Ḳāsim Ibn Ḥauḳal al-Naṣībī): Secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in Bibliotheca Antiqui Palatii N 3346 cui titulus est “Liber imaginis terrae” / Ed. collato textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939. Fasc. 1–2.
- Moore 2010 — Moore F.P.L. Tales from the archive: methodological and ethical issues in historical geography research // *Area*. 2010. Vol. 42. No. 3. P. 262–270.
- Tibbets 1992 — Tibbets J.R. The Balkhī School of Geographers // *History of Cartography* / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. Vol. II. Book 1: Car-

tography in the traditional Islamic and South Asian societies.
P. 108–136.

Wood 2010 — *Wood D.* Rethinking the Power of Maps. London; New York, 2010.

Е.Н. Кириллова

КОЛЛЕКЦИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

НА ПРИМЕРЕ «РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ ЛАМУАНЬОНА»

Аннотация: Автор рассматривает описание коллекции как особый тип исторических источников, который позволяет ставить и решать ряд исследовательских задач, одиноким документам или небольшим собраниям не релевантных. На примере уникальной коллекции документов середины XVI столетия — «Рукописного собрания Ламуаньона» (РГАДА. Ф. 81) рассмотрены возможности подобных исследований, прежде всего, через создание выборок. Также представлен ход подготовки издания, в котором будет дано полное описание этой коллекции.

Ключевые слова: «Рукописное собрание Ламуаньона», РГАДА, описание коллекции, выборки

Коллекции, составляющие единое целое систематизированные собрания, являются большой культурно-исторической ценностью и могут выступать самостоятельной единицей научного анализа, как и каждый предмет такой коллекции — сам по себе, в совокупности с другими ее составляющими и много шире — в контексте всей культурно-исторической традиции. Представить состав и характер коллекций позволяют их описания (каталоги, описи), которые являются особым типом исторического источника, вторичным или мета-источником, интегрирующем сведения

исходных документов. Описания и каталоги также могут быть самостоятельной единицей научного анализа.

В данной работе будет рассмотрено описание конкретной коллекции и те исследовательские задачи, которые оно позволяет ставить и решать.

Общая характеристика коллекции Ламуаньона

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) находится коллекция уникальных документов XVI века — «Рукописное собрание Ламуаньона» (Ф. 81). Это часть ведомственного архива Жана Дютье, сеньора де Борегара (1510–1560), в 1547–1560 гг. — одного из четырех государственных секретарей Французского королевства (Илл. 1),

Илл. 1

Жан Дютье (1510–1560)

который, в соответствии с географическим принципом, вел юго-восточным направлением: юго-востоком Франции и зарубежными государствами, находившимися на юго-востоке (Италия, Левант). В собрание входит 66 томов, насчитывающих свыше 8200 документов середины XVI в.: это официальная переписка французского правительства с послами и агентами в этих регионах¹, договоры, инструкции и записки, известия из разных городов и регионов, перехваченные письма, переводы и черновики писем и других документов. Несколько документов датируются более ранним (всего 95) и более поздним (17) временем — 1500–1623 гг.²

Илл. 2

Гийом де Ламуаньон (1617–1677): R. Nanteuil. *Gvillelmvs de Lamoignon SENATVS GALLIARVM PRINCEPS*. 1663

¹ Люблинская 1963: 6–7, 13–14; Малов 1997: 7; Малов 2019: 10, 35.

² Малов 2019: 14–16, 37–38.

Архив Ж. Дютье сохранился не полностью: некоторая его часть, не имевшая, вероятно, итальянской специализации, пропала³, а фрагменты архива оказались у разных коллекционеров. Московское собрание ранее принадлежало первому президенту Парижского парламента в 1658–1677 гг. Гийому де Ламуаньону (1617–1677), известному коллекционеру книг и рукописей (Илл. 2). Они хранились в семье до 1789 г., до смерти его правнука Кретьена-Франсуа де Ламуаньона (1735–1789), а в 1791 г. были проданы с аукциона⁴, где их, хотя не полностью, без ранних томов, приобрел известный коллекционер и библиофил — секретарь русского посольства Петр Петрович Дубровский (Илл. 3) (а не Павел Александрович Строганов, как некогда предполагалось)⁵.

Эти документы были известны отечественным ученым (в середине XX в. с ними работала, например, М.М. Себенцова), но для специалистов это собрание открыла Александра Дмитриевна Люблинская (1902–1980). Затем с ним работали как ее ученики, так и другие отечественные и зарубежные историки, изучали документы и публиковали их⁶, формируя для себя тематические картотеки (по архивным пометам известно, что этим занимались Ю.Л. Бессмертный, Е.Г. Гурари и другие). В 1956 г. в архиве была составлена краткая опись с указанием заголовков томов и количества листов в них⁷, но полное подокументное описание всей коллекции до настоящего времени отсутствует. Ленинградская исследовательница Инна Сергеевна Шаркова (1936–2010), которая работала в Ленинградском отделении Института истории АН СССР в группе (затем секторе, отделе) всеобщей истории под руководством В.И. Рутенбурга, в 1960-е гг. подготовила опи-

³ Малов 2019: 30, 48.

⁴ См. каталог парижского книготорговца Мериго-младшего: *Catalogue particulier 1791*: 26–27.

⁵ См.: Люблинская 1963: 6; Малов, Шаркова 1997: 11; Малов 2019: 11–12).

⁶ *Lettres et mémoires 1666*; Документы 1963; *Correspondance*; Документы 1985; *Lettres inédites 1987*; *Banque et pouvoir 1991*; *Завоевание Корсики 1996*; Документ 2018; Малов 2019.

⁷ Люблинская 1963: 7.

сание документов первых 36 томов, но его судьбу и состояние, к сожалению, пока не удалось прояснить.

Илл. 3

Петр Петрович Дубровский (1754–1816)

В 1997 г. усилиями известного франковеда и палеографа Владимира Николаевича Малова (1938–2019) был опубликован первый выпуск описания коллекции, где были представлены первые 16 из 66 ее томов⁸. В силу разных причин это издание не имело продолжения⁹, но работа была доведена ученым до конца, и в его архиве сохранилось представляющее большую ценность рукописное описание коллекции, уточнением данных для которого он занимался в течение многих десятилетий.

⁸ Малов, Шаркова 1997.

⁹ Малов 2019: 14.

В настоящее время планируется подготовить издание с полным подокументным описанием «Рукописного собрания Ламуаньона» на основе этих материалов, в соответствии с заложенными прежде традициями, и последующих архивных изысканий, позволивших уточнить и дополнить сведения о документах коллекции. Предполагается включить в описание документов ряд характеристик, существенных для понимания особенностей отдельных документов и французской государственной корреспонденции в целом. Для удобства представлю весь комплекс характеристик несколькими блоками.

1 блок — основные сведения: имя отправителя и имя получателя, дата и место составления документа, его оригинальность, язык (при необходимости), номера листов в томе; при необходимости — уточнение датировки и источника сведений о дате, наличие шифра и дешифровки.

2 блок — дополнительная информация о пометах (при их наличии), содержании (в виде исключения), почерке (при необходимости).

3 блок — сведения о публикациях и копиях.

О содержании документов

Практически все сведения в описании документов относятся к внешним их характеристикам — задача представить их содержание здесь не ставилась. В краткой форме оно, как предполагается, будет раскрыто лишь в отдельных случаях. Однако следует остановиться на двух принципиальных вопросах, относящихся к содержанию документов.

Первый относится к письмам, отправленным одним и тем же составителем одному и тому же адресату в один и тот же день. В подавляющем большинстве случаев такие послания имеют разное содержание, что в издании 1997 г. было специально указано применительно к документам первых 16 томов: например, для писем принца Мельфийского Джованни Караччоло коннетаблю Анну де Монморанси от 29 мая

или от 17 июля 1549 г.¹⁰ и др. Второе послание, отправленное в тот же самый день тому же адресату, могло быть письмом частного характера, как, например, два послания маршала Шарля де Бриссака коннетаблю от 14 ноября 1552 г., одно из которых было по частному вопросу¹¹. Также письма епископа Лодевского Доменика дю Габра коннетаблю от 16 января 1553 г., одно из которых было написано секретарем, а второе — им самим¹²; или направленные коннетаблю послания французского посла в Венеции Оде де Сельва от 18 декабря 1551 г.: первое — частично зашифрованное, с его собственноручной припиской¹³, второе — без шифра и без приписки¹⁴ и мн. др.

Второй важный момент относится к дубликатам писем, которых в коллекции Ламуаньона около 100 экземпляров. Отправители соответствующим образом помечали такие документы, обычно кратко (*double, duplicata*), реже пространно, как, например, в приписке, сделанной в конце частично зашифрованного письма Эдма Блено де Куртене коннетаблю от 18 сентября 1551 г. из Пармы — «Duppl[ica]ta d'une l[ett]re de peschee de mesme jour par aultre voye»¹⁵. Отправление корреспонденции, в том числе, одного и того же послания, с разными курьерами было традиционной практикой, позволявшей гарантировать благополучную доставку писем адресату. В нескольких случаях мы располагаем и первым (оригиналом), и вторым экземпляром (дубликатом). Так, 22 апреля 1552 г. О. де Сельв направил королю шифрованное письмо и его шифрованный дубликат, и они оба есть в коллекции¹⁶. Генрих II получил оригинал 6 мая в Шалоне, о чем была сделана соответствующая помета¹⁷ (на дубликате пометы о по-

¹⁰ РГАДА. Ф. 81. Т. 12. Л. 45 и 46. Л. 126 и 127–128; Малов, Шаркова 1997: 138, 141.

¹¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 26. Л. 237–238 и 239–240.

¹² РГАДА. Ф. 81. Т. 17. Л. 50, 52 и 51.

¹³ РГАДА. Ф. 81. Т. 21. Л. 273–274.

¹⁴ Там же. Л. 275–276.

¹⁵ РГАДА. Ф. 81. Т. 20. Л. 265–266.

¹⁶ РГАДА. Ф. 81. Т. 2. Л. 43–46 (дубликат) и 47–50 (оригинал).

¹⁷ Там же. Л. 50 об.

лучении нет). Частично зашифрованный оригинал письма О. де Сельва Генриху II от 26 апреля 1552 г. из Венеции находится в томе 2¹⁸, оно было получено королем 13 мая, а дубликат этого письма, также частично зашифрованный, находится в томе 8¹⁹, причем он был доставлен раньше, 8 мая (в помете указано, что послание было получено в Шалоне). В.Н. Малов отмечал пересечения и дублирования документов в своих записях, они были указаны и в издании 1997 г., однако этот случай не был ранее известен²⁰. Его удалось выявить благодаря годовым таблицам, о которых будет сказано далее. Также в состав коллекции входят дубликаты, оригиналы которых неизвестны — они не сохранились или, возможно, находятся в других собраниях, как, например, послание Оде де Сельва коннетаблю из Венеции от 2 мая 1552 г.²¹ Некоторые из этих писем опубликованы, как на основе оригиналов²², так и по дубликатам. Так, французский текст и перевод на русский язык сентябрьских 1547 г. инструкций принца Мельфийского для съера де Пешере, отправлявшегося в сентябре 1547 г. к королю, с резолюциями Королевского совета именно по дубликату представлен в подготовленном под редакцией А.Д. Люблинской первом издании документов из коллекции Ламуаньона²³.

К вопросу о практике составления писем

Особого внимания заслуживает такая особенность корреспонденции XVI столетия, как цельность писем: были ли они составлены одномоментно или в несколько этапов, когда письмо дописывали. Обычно при необходимости уточнений и дополнений, при получении новой информации, которую следовало сообщить незамедлительно, ее вносили в ви-

¹⁸ РГАДА. Ф. 81. Т. 2. Л. 41–42.

¹⁹ РГАДА. Ф. 81. Т. 8. Л. 128–129.

²⁰ Малов, Шаркова 1997: 27, 91.

²¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 8. Л. 130–131; Малов, Шаркова 1997: 91.

²² Например, письмо О. де Сельва Генриху II от 8 февраля 1555 г. из Рима (РГАДА. Ф. 81. Т. 34, л. 128–131) было опубликовано Г. Рибье (Lettres et mémoires 1666: 596–599).

²³ РГАДА. Ф. 81. Т. 1. Л. 24–28; Документы 1953: 138–146.

де приписки в еще не отправленное письмо. Отправитель мог поручить это своему секретарю или дописать новые сведения самостоятельно. В приписке обычно указывали дату — ту же самую или другую, иногда — место отправления (обязательно — в тех случаях, если оно отличалось от места составления исходного документа); отправитель ставил свою подпись. Если приписка была сделана отправителем собственноручно, это было указано в описании первых томов, вышедшем в 1997 г., и обязательно будет указано в готовящемся издании, как это принято по отношению к автографам. Если составленное и подписанное послание было дополнено секретарем, то в описании, по традиции, наличие такого дополнения не будет отмечено — но лишь только новые дата или место, если они изменились по отношению к первоначальному тексту.

Собственноручные приписки отправителей не всегда говорят о разновременном составлении письма: отправитель мог дополнить его сведениями, в содержание которых он не хотел посвящать секретаря, сразу же после того, как основной текст был написан и подписан (тогда подписи две, как, например, в письме кардинала дю Белле коннетаблю от 1 февраля 1557 г. из Рима: подпись есть в конце письма²⁴ и после собственноручной приписки²⁵) или до момента подписания (тогда подпись одна). Очевидно, что письмо составлялось долго, если у него две даты — и обе они будут приведены в его описании.

Исправление даты или места — менее масштабное дополнение / изменение письма. В «Рукописном собрании Ламуаньона» выявлено несколько десятков исправлений в датах (как днях, так и месяцах, обычно в пределах одного-двух дней) и месте оправления, которые могли быть зачеркнуты и затем записаны заново или переправлены. Например, в письме маршала де Бриссака коннетаблю от 4 марта 1553 г. (1552 г.?) из Кьери изначально месяц был указан как «февраль», затем он был зачеркнут и исправлен на «март»²⁶. Поч-

²⁴ РГАДА. Ф. 81. Т. 45. Л. 164 об.

²⁵ Там же. Л. 165; Correspondance 2017: 231–233.

²⁶ РГАДА. Ф. 81. Т. 2. Л. 68–69.

ти на 5 дней задержалась отправка письма Франческо Бернардино Вимеркато Генриху II из Къери: первоначальная дата «13» февраля была исправлена на «18»²⁷. В письме О. де Сельва Генриху II из Рима первоначальная дата 19 мая 1557 г. была исправлена на «20»²⁸.

Во многих документах дату (число, иногда — и месяц) вписывали позднее, точнее будет сказать — отдельно от текста письма: для нее оставляли место, которого могло не хватить, и тогда цифры и буквы наползают на соседний текст; ее могли записать другими чернилами и другим почерком, что мог сделать тот же самый секретарь, который записывал текст письма, или другой секретарь, или сам отправитель. Дату могли вписать сразу после создания письма, при его прочтении и подписании отправителем, но можно предполагать и такое развитие событий, когда интервал составлял несколько часов или даже дней. Приведу несколько примеров. Другими чернилами записано число в послании кардинала Феррарского Ипполито д'Эсте коннетаблю Монморанси от 12 мая 1554 г. из Сиены²⁹. Кардинал Жан дю Белле собственноручно вписал число «18» в частично зашифрованное письмо Генриху II от 18 февраля 1548 г. из Рима³⁰.

В коллекции Ламуаньона есть документы и с более сложной историей создания. В письме О. де Сельва кардиналу Карлу Лотарингскому из Рима в начале мая 1558 г. число «7» было приписано отдельно, далее де Сельв собственноручно внес дополнение, где указал новую дату — 8 мая³¹. Французский наместник на Корсике Джордано Орсини составил письмо Генриху II 9 сентября 1558 г. в Аяччо, и число «9» было записано в этой части послания отдельно, далее

²⁷ РГАДА. Ф. 81. Т. 22. Л. 129–130.

²⁸ РГАДА. Ф. 81. Т. 53. Л. 79–80.

²⁹ РГАДА. Ф. 81. Т. 36. Л. 122, 124.

³⁰ РГАДА. Ф. 81. Т. 9. Л. 398–399; *Correspondance* 2011: 121–122; с русским переводом: *Документы* 1953: 308–310. В обеих публикациях сведения о характере написания даты не указаны.

³¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 58. Л. 124–125.

оно было дополнено, и даже не на следующий день, а только 12 сентября³².

На настоящий момент выявлено более 160 случаев последующего указания даты, из них более десятка — собственноручные записи, которые принадлежат разным отправителям: кардиналу Жану дю Белле, кардиналу Феррарскому Ипполито д'Эсте, французскому послу в Венеции и Риме Оде де Сельву, французскому наместнику на Корсике Джордано Орсини, епископу Лодевскому Доменико дю Габру и французскому послу в Константинополе Мишелю де Кодиньяку. Прежде отдельное (позднейшее) и собственноручное внесение даты в описании документов коллекции не указывали, однако дальнейшее изучение этого собрания может расширить и уточнить и этот список, и особенности эпистолярных практик раннего Нового времени в целом.

Ценность приписок, содержавших, по мнению отправителей, крайне срочную, неотложную и ценную информацию, как и понимание обстоятельств, которые приводили к необходимости дополнений, в полной мере можно понять только на основе содержательного анализа корреспонденции. На сегодняшний день задача включения в описание коллекции всей информации о наличии приписок не ставится — за исключением тех, что были сделаны авторами писем собственноручно. Однако уже даже первое впечатление о наличии приписок и первичная статистика позволяют сделать некоторые выводы.

Во-первых, среди участников переписки, дипломатов, военачальников, государственных деятелей, есть те, кто особым образом писал письма и практически всегда что-то важное дописывал. Самый яркий пример — Оде де Сельв (1504–1563), французский посол в Венеции, затем в Риме: многие свои послания, причем направленные разным адресатам (королю, королеве, коннетаблю, кардиналу Лотарингскому, герцогу де Гизу и другим), он дописывал собственноручно. По предварительным подсчетам, таких 140 из примерно 530 находящихся в «Рукописном собрании Ламуаньона» его пи-

³² РГАДА. Ф. 81. Т. 56. Л. 9–10.

сем и посланий, составленных им единолично или совместно с другими дипломатами.

Во-вторых, государственная корреспонденция — это всегда срочно и важно, порой в ущерб приличиям. Извиняясь за это и объясняя обстоятельства, авторы нередко указывали, что письмо написано «в спешке», в позднее время, называли час. Именно так сказано, например, в письме маршала Франции Пьетро Строцци и Луи де Сен-Желэ, сьера де Ланссака, коннетаблю, составленном 24 августа 1556 г. во Вьене: «в полночь в спешке»³³. 5 мая 1551 г. в спешке и не прибегая к помощи секретаря, писал в Венеции свое письмо Ж. Дютье О. де Сельв³⁴. В конце собственноручного послания маршала де Бриссака кардиналу Лотарингскому из Пойрино одна строка написана секретарем, указавшим, что «это письмо и послание было составлено в 24 часа 28-го августа» 1557 г.³⁵

Не менее важно было выяснить все обстоятельства, о которых следовало сообщить адресату — и потому отправитель ждал информации, независимо от того, что уже в самое ближайшее время, возможно, уже на следующий день, он будет писать новое послание. Необходимо было доставить письмо с надежным курьером — и потому лучше было дожидаться именно такого человека, чем привлекать нового и непроверенного. Сведений о доставивших письма курьерах в коллекции Ламуаньона немного (об этом далее), и потому их трудно соотнести с подобным характером писем.

О том, как отправители заботились о предоставлении полной информации и благополучной доставке корреспонденции, свидетельствуют также пометы, указывавшие на последовательность составления документов: отправители нумеровали свои послания как «первое письмо» (*premier l[ett]re; i l[ett]re; prima lettera*), «второе письмо» (*seconde l[ett]re; ij^e l[ett]re; seconda lettera*), «третье письмо» (*iiie l[ett]re*) или «последнее письмо» (*dernier l[ett]re*). Всего документов с такими пометами в настоящий момент насчиты-

³³ «a minuit à la haste»: РГАДА. Ф. 81. Т. 44. Л. 135–136.

³⁴ «...de Venise en telle haste q[ue] je vo[us] pryе me p[ar]donner et excuser le ve may 1551»: РГАДА. Ф. 81. Т. 18. Л. 206.

³⁵ РГАДА. Ф. 81. Т. 54. Л. 58–59.

вается 40, больше всего — «первых» и «вторых» (18 и 16 соответственно). Например, О. де Сельв собственноручно написал коннетаблю 7 июля 1557 г. из Рима, затем небольшая приписка была сделала секретарем, а на обороте послания было указано, что это «второе письмо»³⁶. В составе коллекции нет писем О. де Сельва от 6 или 5 июля, а его письмо от 4 июля не помечено как «первое» (уточню, что в нем к первоначальному тексту отправитель добавил в два раза более пространную приписку, сделанную собственноручно³⁷). Неизвестно, велся ли счет далее, так как писем от 8 или 9 июля в коллекции нет, а письмо от 10 июля пометы «третье письмо» не имеет³⁸. Два письма были последовательно направлены королю маршалом де Бриссаком 4 июня 1551 г. из Турина³⁹. Полагаю, что уточнение «первое» и «второе» письмо понадобились именно из-за того, что послания были составлены в один день. Подобным образом помечали не только письма королю и коннетаблю (хотя таких случаев больше всего), но также и другим адресатам. Например, как «второе письмо» (*seconda lettera*) обозначено послание П. Строцци Джан Джакомо Медичи, маркизу ди Мариньяно, от 7 февраля 1554 г. из Сиены⁴⁰. Оно представлено копией XVI в., где помета отправителя была сохранена, что подтверждает ее ценность.

В «Рукописном собрании Ламуаньона» есть «комплект» из четырех последовательно составленных посланий: как «первое», «второе», «третье» и «последнее» обозначены письма кардинала Ж. дю Белле Генриху II из Рима от 23, 24 и 25 мая 1549 г., именно в такой последовательности находящиеся в томе 14⁴¹. «Первое», от 23 мая, частично зашифровано, как и «второе», от 24 мая, к которому кардинал приложил собственноручно скопированную статью о правах римской

³⁶ РГАДА. Ф. 81. Т. 53. Л. 173–174.

³⁷ Там же. Л. 166–167.

³⁸ Там же. Л. 178–179.

³⁹ РГАДА. Ф. 81. Т. 19. Л. 43–44; 45–46.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 81. Т. 34. Л. 126–127.

⁴¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 14. Л. 29–31; 37–40; 42–44; 45–47.

курии в Савойе на латинском языке⁴², на которой проставлена помета о необходимости поместить эту записку в пакет для короля — “Memoire pour mettre au rasquet du roy”. «Третье» письмо, от 25 мая, также было частично зашифровано, в отличие от «последнего», составленного дю Белле совместно с французским послом в Риме Клодом д'Юрфе в этот же день, но раньше, чем «третье» — в три часа ночи, причем в спешке (*en haste ce xxv^e de may a III heures de nuyst*).

Все эти письма кардинала дю Белле опубликованы в пятом томе многотомного издания его корреспонденции⁴³ на основе экземпляров, которые находятся в РГАДА, но без указания здесь помет о нумерации писем или «пакете для короля» и без внимания к ним. Также эти пометы не были приведены и в издании 1997 г.⁴⁴ Полагаю, что издатели корреспонденции кардинала воспользовались копиями трех последних писем из фондов Национальной библиотеки Франции⁴⁵ («первое» здесь отсутствует) и потому два послания, датированных 25 мая, опубликовали в другом порядке: сначала «последнее» письмо, а только затем «третье», поскольку именно в такой последовательности они были там записаны — но также, что гораздо важнее, и составлены. Если обратиться к содержанию писем, то «последнее» почти полностью составлено от имени одного автора, кардинала дю Белле (завершается фразой о спешке), и лишь заключительная, весьма небольшая по объему, часть — совместно двумя отправителями, дю Белле и д'Юрфе. В нем сообщается информация о событиях предыдущего дня, 24 мая. «Третье» же письмо излагает события, имевшие место 25 мая. Необходимо сделать два уточнения. «Первое» письмо также было опубликовано Г. Рибье в XVII в.⁴⁶; «второе» в виде изложения с выдержкой — в XIX в.⁴⁷, что указано в издании 1997 г.⁴⁸.

⁴² РГАДА. Ф. 81. Т. 14. Л. 41.

⁴³ Correspondance 2012: 211–214; 214–218; 222–225; 220–222.

⁴⁴ Малов, Шаркова 1997: 157.

⁴⁵ Bibliothèque nationale de France. Ms. fr. 20446. P. 239–254.

⁴⁶ Lettres et mémoires 1666, t. II: 210–213.

⁴⁷ Druffel 1873: 223–224, № 298.

⁴⁸ Малов, Шаркова 1997: 157.

Также отмечу, что в издании корреспонденции кардинала дю Белле в ряде случаев пометы с порядковыми номерами писем были указаны, как, например, в послании кардинала королю от 14 апреля 1549 г.⁴⁹, как и в случае с находящимися в Национальной библиотеке копиями трех последовательно отправленных посланий дю Белле коннетаблю от 11 сентября 1554 г.: «второе письмо» (2^e lettre), «третье письмо» (3^e lettre) и «четвертое письмо» (4^e lettre)⁵⁰. Оригиналы «второго» и «третьего» писем находятся в РГАДА⁵¹.

Выборки

Возможность эффективно обрабатывать большие массивы данных — одна из ключевых составляющих «цифрового поворота» в исторической науке, и историки имеют основательный опыт работы с такого рода источниками и созданными на их основе пространными перечнями, таблицами, базами данных. Изучая массовые источники, историк неизбежно или специально создает выборку, концентрируя необходимые ему данные в наиболее удобном и соответствующем цели его исследования виде. Ее объем, характер, способы ее организации будут зависеть от поставленной проблемы и от задач работы. Такие выборки становятся новыми историческими источниками и служат основой исследований — при обращении, разумеется, к исходным материалам, выступающим в роли генеральной совокупности. Описания архивных собраний по своей сути тоже являются выборками, поскольку представляют лишь часть информации, содержащейся в этих собраниях в целом и в каждом из источников, их составляющих. Специфический характер такой информации не должен вводить нас в заблуждение: для разного рода исследований могут быть необходимы и будут функциональны не менее специфические и по-своему ограниченные данные, как количественные (числа, даты, суммы и др.), так и качественные.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 81. Т. 10. Л. 37–40; Correspondance 2012: 154. Not. 5.

⁵⁰ Correspondance 2015: 336–337.

⁵¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 33. Л. 15 и 16.

Информационный потенциал «Рукописного собрания Ламуаньона», являющегося выборкой из гораздо более представительной генеральной совокупности — собрания Дютье и шире — всей государственной корреспонденции Французского королевства, велик и чрезвычайно многомерен. Каждый ее документ представляет большую ценность и заслуживает отдельного исследования, точнее — многих изысканий. Коллекция Ламуаньона служила историкам в различных поисках, и документы этого собрания отбирались тематически, в соответствии с целями и задачами конкретных исследований, а также ключевыми персоналиями — как кардинал Ж. дю Белле⁵², Ф. Роберте, Ф. де Турнон⁵³, С. Корсо⁵⁴ или событийными рядами — история Итальянских войн⁵⁵, отношения Франции с Османской империей⁵⁶ и мн. др.

Описание коллекции, уже являясь мета-источником, позволяет создавать следующий ряд новых источников — выборки, составленные по типам документов (инструкции, договоры, перехваченные письма) или отдельным их особенностям (например, шифрованные послания), по персоналиям (*от* конкретных отправителей или *для* конкретных получателей), хронологии или географическим критериям и так далее. Выше были приведены примеры некоторых выборок и результаты подсчетов, сделанных на их основе: пронумерованные письма, послания конкретного отправителя (О. де Сельва), дубликаты. В ходе работы с коллекцией в развитие предложенных идей было составлено еще несколько тематических выборок.

Первая включила самую массовую часть государственной корреспонденции: письма, адресованные королю Франции — Генриху II (1547–1559) и коннетаблю Анну де Монморанси, что составляет около 80% всего объема фонда 81. В выборку вошли письма, написанные разными авторами собственноручно (автографы) или их секретарями (ориги-

⁵² Correspondance.

⁵³ Малов 2019: 58–81, 82–139; Lettres inédites 1987.

⁵⁴ Герасимова 2008, Герасимова 2022.

⁵⁵ Документы 1963; Документы 1985.

⁵⁶ Малов 2019: 140–189.

налы); дешифровки и копии писем. Например, письмо маршала де Бриссака коннетаблю из Сантии от 13 февраля 1555 г. в коллекции есть только в виде дешифровки⁵⁷, а письмо маршала королю от того же числа представлено оригиналом⁵⁸. Также учитывались копии писем этим же адресатам, оригиналов которых нет в коллекции, как выполненные в XVI в., так и значительно более поздние, как, к примеру, письма французского посла в Риме Клода д'Юрфе коннетаблю от 14 и 16 сентября 1550 г. из Рима, которые имеются только в виде копий XVII в.⁵⁹ Дубликаты писем учитывались как при наличии оригинала (письмо французского посла в Венеции О. де Сельва Генриху II от 22 апреля 1552 г. представлено как оригиналом, так и дубликатом⁶⁰), так и в случае его отсутствия (письмо О. де Сельва коннетаблю от 2 мая 1552 г. из Венеции есть только в виде дубликата⁶¹). Дубликаты и копии были включены в выборку и особо отмечались в ней, выступая в качестве формы представления документа, но не отдельной счетной «единицей», каковой являлось именно «письмо», независимо от того, чем именно оно было представлено (автографом, оригиналом, дубликатом, копией). Черновики писем в выборку не вошли, как и послания короля и коннетабля, которые они направляли друг другу: в собрание входит один дубликат письма Генриха II Монморанси (т. 8), один черновик письма ему (т. 4) и 25 писем коннетабля королю (в томах 21, 24, 30–32 и др.).

Наиболее эффективным способом систематизации такого объема информации стали годовые таблицы. В каждой из них для каждого дня года, в настоящее время — с 1550 по 1559 г. (пока не учтены представленные в коллекции 1547–1549 гг.), были указаны все написанные в этот день письма для короля или коннетабля. Всего в десять таблиц вошло более 5 тыс. писем. Если взять для сравнения письма, адресованные королеве Екатерине Медичи, то их количество

⁵⁷ РГАДА. Ф. 81. Т. 34. Л. 140–143.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 81. Т. 38. Л. 310–312.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 81. Т. 15. Л. 148–149, 152–153.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 81. Т. 2. Л. 43–50.

⁶¹ РГАДА. Ф. 81. Т. 8. Л. 130–131.

в собрании Ламуаньона принципиально меньше (их немногим более 80-ти), и большинство из них датируется 1552 г. В период между 10 августа 1557 г., когда коннетабль Анн де Монморанси попал в плен в битве при Сен-Кантене, и декабрем 1558 г. соответствующая государственная корреспонденция направлялись возглавившим правительство братьям де Гизам⁶² — герцогу Франсуа де Гизу, которому адресовано более 270 писем коллекции Ламуаньона, датированных преимущественно, но не только этим периодом, и кардиналу Карлу Лотарингскому — их более 650, и они также датируются не только 1557–1558 гг. Эти послания, как и письма, адресованные королеве, распределены по годам неравномерно, и потому сопоставление их с корреспонденцией короля и коннетабля будет некорректно.

В коллекции Ламуаньона представлено около 220 посланий, адресованных самому государственному секретарю Ж. Дютье. Это количество существенно меньше, чем писем, направленных королю и коннетаблю, но именно они были включены в таблицы для сравнения, поскольку характер этой переписки наиболее соответствует характеру корреспонденции короля и коннетабля (можно предположить, что значительная часть адресованных Ж. Дютье писем была утрачена).

Годовые таблицы позволили скорректировать данные в описании коллекции — уточнить ряд сведений о составляющих ее документах. Во-первых, это относится к датам написания или месту отправления, если эти сведения отсутствуют в самих документах, то есть если их не проставили отправители, или эти части писем / листов были утеряны или испорчены. Во-вторых, удалось соотнести содержание томов и выявить неизвестные ранее случаи, когда составленные в один и тот же день письма одного отправителя оказались в разных томах этого собрания. Такая информация позволяет дополнить и уточнить известные на момент отправления посланий сведения и, что особенно важно, характер их подачи разным адресатам. Еще одним важным результатом этой работы стало выявление неизвестных ранее

⁶² Малов 2019: 17, 35–36.

дубликатов. К упомянутым выше письмам О. де Сельва королю от 26 апреля 1552 г. можно добавить и ряд других примеров. Так, в томе 33 находится дубликат письма кардинала Феррарского коннетаблю от 15–18 марта 1555 г., оригинал которого вошел в том 34⁶³.

Корреспонденция короля и коннетабля, как ее представляли годовые таблицы, позволяет говорить об объеме государственной корреспонденции Французского королевства в целом и, с учетом ряда обстоятельств (см. далее), о такой значимой для истории государственного управления категории как административная нагрузка, а также оценить материалы коллекции Ламуаньона как естественную выборку, со всеми присущими таким выборкам ограничениями⁶⁴. Дальнейшее дополнение и уточнение составленных по данной коллекции таблиц сведениями о документах, вошедших в другие архивные собрания, даст, я полагаю, существенное приращение знаний — не только об истории государственной корреспонденции, но и о дипломатии и истории XVI столетия, Итальянских войнах, судьбах их участников и многом другом.

Необходимо уточнить, однако, что в плане изучения истории государственного управления более корректное представление о работе центрального административного аппарата, о масштабе этой работы дает дата их получения. На основе данных о доставке корреспонденции была подготовлена другая, меньшая по объему, но не менее от этого значимая выборка, включившая сведения о дате и месте получения писем, а также именах курьеров. Описание коллекции дает такую возможность и позволяет проводить дальнейшую систематизацию, исходя из полноты такой информации. Пометы о получении проставлены более чем в 150 письмах, что составляет около 1,8 % объема коллекции. Дата получения письма при этом указана только в 85 случаях. От даты написания письма она отстоит на срок от одного-двух дней (всего лишь за день было доставлено, например, послание сенато-

⁶³ РГАДА. Ф. 81. Т. 33. Л. 282–283 и 260–261

⁶⁴ Кириллова 2024.

ров Монферрато маршалу де Бриссаку, написанное в Касале 11 октября 1558 г.⁶⁵) до нескольких недель и даже больше месяца — так долго шло письмо французского посла в Константинополе М. де Кодиньяка коннетаблю де Монморанси, составленное 20 мая 1555 г., но полученное адресатом только лишь 27 июня⁶⁶. Одновременно место и время получения указаны в 30 письмах, из них лишь в четырех случаях пометы содержат самую полную информацию о получении — когда, куда и кем письмо было доставлено. Например, собственноручно написанное кардиналом Карлом Карафой послание французскому послу в Риме Жану д'Авансону, отправленное из Рима 4 ноября 1556 г., было доставлено в Аккуаланью Ле Боссю 6 ноября в полночь⁶⁷. Еще четыре пометы содержат информацию о дате получения и имени курьера, но место получения в них отсутствует.

Более регулярным источником информации о доставке является отсылка к полученному письму, которую давали обычно в самой первой строке ответа — и это могла быть дата его написания отправителем и дата его получения адресатом, составляющим ответное послание. Например, Луи д'Адемар де Монтей, граф де Гриньян, генеральный наместник в Лионне, совместно с епископом Орлеанским Жаном де Морвилье написали 2 ноября 1557 г. в Лионе записку для Генриха II⁶⁸ в ответ на письмо короля де Гриньяну от 28 октября, полученное в Лионе 1 ноября в 9 часов вечера. Хронология этой переписки, следовательно, выглядит следующим образом:

28 октября датировано письмо Генриха II де Гриньяну,
1 ноября вечером оно было получено,
2 ноября, на следующий день, был составлен ответ.

Статус адресата задавал предельную срочность действиям отправителя. Однако, только самые срочные дела и самые горячие новости требовали немедленного — мгновенного ответа, и даже в такой ситуации он мог быть составлен

⁶⁵ РГАДА. Ф. 81. Т. 57. Л. 20–21.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 81. Т. 41. Л. 106–107.

⁶⁷ «a minuit»: РГАДА. Ф. 81. Т. 49. Л. 22–23.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 81. Т. 3. Л. 184–185.

на следующий день или позднее, поскольку точность и тщательность не менее, а возможно, и более обязательны для государственной корреспонденции, которая не терпит неподобающей поспешности. Таким образом, имея в ответном письме информацию о дате написания того послания, на который готовится ответ, не всегда можно точно сказать, какое время проходило между его получением и написанием ответа. Дальнейшее изучение содержания писем в сочетании с пометами об их получении позволит обогатить рядом увлекательных и несомненно ценных деталей историю переписки и дипломатии, государственной политики, государственных деятелей XVI века.

Изучению музейных, архивных и библиотечных собраний, феномену коллекционирования посвящена огромная и разноплановая литература, поскольку история накопления и систематизации знаний разного рода — и феномен коллекционирования, история собраний, как часть этой масштабной темы, находятся в центре внимания разных специалистов. Описание архивного собрания представляет собой формализованный и достаточно сухой перечень строго определенных сведений — повторяющейся информации, не предполагающей красочных деталей, основное предназначение которого — выступать эффективным инструментом для исследований, чему служат, в том числе, и предлагаемые в новом издании уточнения в описании документов. Однако в этих на первый взгляд сухих и монотонных перечислениях можно найти самые разнообразные и увлекательные материалы и сюжеты, когда описание коллекции позволяет ставить новые исследовательские задачи, одиночным документам или небольшим собраниям не релевантные.

БИБЛИОГРАФИЯ

РГАДА. Ф. 81 — Рукописное собрание Ламуаньона // РГАДА. Ф. 81. Т. 1–66.

Герасимова 2022 — *Герасимова Е.С.* Сампьеро Корсо — вождь национального движения корсиканцев середины XVI в. По мате-

- риалам коллекции Ламуаньона // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 1 (111): Публичность как фактор в развитии западноевропейской государственности: от Средних веков к раннему Новому времени. [Эл. ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840018681-8-1/>. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840018681-8> (дата обращения: 30.04.2024).
- Герасимова 2008 — *Герасимова Е.С.* Самперо Корсо на службе у Генриха II (по материалам коллекции Ламуаньона) // Средние века. 2008. № 69 (2). С. 77–102.
- Документ 2018 — Документ периода Шмалькальденской войны (1546–1547) из коллекции Ламуаньона (РГАДА) / Публ. Е.С. Герасимовой // Proslogion: проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2018. Т. 4. № 1. С. 210–222.
- Документы 1963 — Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской. М.; Л., 1963.
- Документы 1985 — Документы по истории внешней политики Франции 1552–1553 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской и В.Н. Малова. М., 1985. (Деп. в ИНИОН РАН 22.04.1985 г. № 20448).
- Завоевание Корсики 1996 — Завоевание Корсики. Письма короля Франции Генриха II. 1553–1558 гг. / Пер. Е.С. Герасимовой // Исторический архив. 1996. № 1. С. 215–223.
- Кириллова 2024 — *Кириллова Е.Н.* Французская государственная корреспонденция 1550–1559 гг. в коллекции Ламуаньона (РГАДА) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 8 (142): Открытие в исторической науке: эффект неожиданности / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. [Эл. ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840031714-4-1/>. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840031714-4> (дата обращения: 03.10.2024).
- Люблинская 1963 — *Люблинская А.Д.* Предисловие // Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской. М.; Л., 1963. С. 3–17.
- Малов 2019 — *Малов В.Н.* Франция в России: судьбы старых документов XV–XVIII веков. М., 2019.

- Малов, Шаркова 1997 — *Малов В.Н., Шаркова И.С.* Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.): Описание документов / Под ред. В.Н. Малова. М., 1997. Вып. 1.
- Banque et pouvoir 1991 — *Banque et pouvoir au XVIe siècle: la surintendance des finances d'Albisse del Bene* / Publ. par M.-N. Baudouin-Matuszek et P. Ouvarov // *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*. 1991. T. 149. Juillet–décembre. P. 249–291.
- Catalogue particulier 1791 — *Catalogue particulier des manuscrits // Catalogue des livres de la bibliothèque de feu M. de Lamoignon, garde des sceaux de France*. 3 vol. P., 1791. T. 2. P. 1–40.
- Correspondance — *Correspondance du cardinal Jean du Bellay* / Publ. par R. Scheurer, L. Petris, D. Amherdt [et al.]. 7 vol. P., 1969–2017. Здесь: T. IV — 2011. T. V — 2012. T. VII — 2017.
- Druffel 1873 — *Druffel A. von. Briefe und Akten zur Geschichte des sechzehnten Jahrhundert mit besonderer Rücksicht auf Bayerns Fürstenhaus*. München, 1873. Bd. I. Beiträge zur Reichsgeschichte.
- Lettres et mémoires 1666 — *Lettres et mémoires d'Estat des roys, princes et ambassadeurs sous les règnes de François I et Henri II* / Par G. Ribier. 2 vol. P.; Blois, 1666.
- Lettres inédites 1987 — *Lettres inédites du cardinal François de Tournon (juin–décembre 1552)* / Publ. par V.N. Malov // *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes*. 1987. T. 145. Janvier–juin. P. 129–161.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Илл. 1. Parc & Château de Beauregard — Электронный ресурс [режим доступа: <https://beauregard-loire.com/histoire/>, дата обращения — 10.10.2024].

Илл. 2. Guillaume de Lamoignon Premier Président du Parlement de Paris. 1663. Musée Carnavalet, Histoire de Paris — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.parismuseescollections.paris.fr/en/node/89019#infos-principales>, дата обращения — 10.10.2024].

Илл. 3. Российская национальная библиотека — Электронный ресурс [режим доступа: https://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=48, дата обращения — 10.10.2024].

А.В. ЛАЗАРЕВА

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ЛИСТОВОК XVI–XVII ВЕКОВ

Аннотация: В статье рассматривается история изучения немецких иллюстрированных листовок XVI–XVII веков — уникального памятника, в котором изображение и текст предстают как единое целое. Иллюстрированные листовки являются специфическим источником, отражающим многообразие общественно-политических, социально-экономических и культурных практик Германии раннего Нового времени. В XVII в. они превратились в самый популярный вид массовой печатной продукции, заслуживший внимание необразованных слоев населения благодаря иллюстрации (гравюре) и доступной цене. Несмотря на то, что сюжетное многообразие иллюстрированных листовок неисчерпаемо, они, тем не менее, долгое время ждали своего исследователя. Сложность их понимания, адекватного объяснения и включения в комплекс исторических источников потребовала длительной дискуссии о терминах, методах и подходах к этому документу. Особый акцент на визуальной составляющей памятника привел к новому осмыслению самого термина. Историография постепенно отказалась от использования понятия «летучий листок» в пользу термина «иллюстрированная листовка», что полнее отражает их источниковедческую специфику. Ее подчеркивает и включение этих документов в категорию медиа-источников.

Ключевые слова: иллюстрированные листовки, гравюры, барокко, Германия, исторические источники, визуальная история, медиа-источники

Раннее Новое время — это эпоха становления средств печатной коммуникации. В разных странах этот процесс имел свою специфику и интенсивность, обусловленную степенью развитости печатного дела¹. Одну из первых ролей в производстве печатных изданий в Европе играли немецкие княжества, которые производили 32 % всей европейской печатной продукции². Средства печатной коммуникации раннего Нового времени в Германии достаточно многообразны. К широко известным и давно используемым в исследованиях источникам принадлежит «повседневная публицистика», представленная первой периодикой и памфлетами, получившими распространение еще с XVI в. Однако в XVII столетии они были вынуждены потесниться на рынке изданий и дать дорогу уникальному типу немецкой печатной продукции — иллюстрированным листовкам, односторонним листам *in-folio* (29 x 40 см), с гравюрой в верхней части, и текстом, описывающем ее, в нижней. Цель данной статьи — рассмотреть основные вехи истории изучения немецких иллюстрированных листовок и вовлечения их в процесс исторического познания. Уникальность и многозначность памятника потребовала от исследователей длительной эволюции методологических подходов к нему для адекватного включения в круг исторических источников.

История иллюстрированных листовок в германских землях начинает свой отсчет с конца 1480-х годов³. Первые экземпляры повествовали об аномальных природных явлениях. Прозаический рассказ сопровождался небольшой и довольно простой с художественной точки зрения гравюрой⁴. Усовершенствование техники создания гравюры на дереве (ксилографии) в XVI в. с помощью применения медных пластин позволило увеличить количество оттисков с одного

¹ См.: Würgler 2013: 6. Behringer 2003: 8.

² Лазарева 2020; Würgler 2013: 4.

³ Köhler Flugschriften als Massenmedium 1981: 9.

⁴ Первой иллюстрированной листовкой часто называют публикацию: Brant 1492.

изображения⁵. Распространению и росту количества гравюр в XVI в. способствовала Реформация. В отличие от радикального крыла реформаторов, Мартин Лютер считал, что изображения не несут в себе противоречия христианским основам⁶. «Запрещено поклоняться изображениям, но не создавать их», — утверждал Лютер⁷. Оценка Лютера, в которой он подчеркивал «позитивный» потенциал изображений для «объяснения проповедей»⁸, стала одним из важнейших факторов в развитии визуальной печатной продукции. Начавшаяся секуляризация сознания, превратившаяся в знаковый процесс конфессиональной эпохи в Германии, отразилась на тематике иллюстрированных листовок. В первую очередь, они рассказывали о конкретных событиях и постепенно превратились в популярное средство передачи информации. Гравюра служила иллюстрацией текста листовки. Среди текстов, как правило, выделялись две главные разновидности. Во-первых, существовали прозаические тексты, передающие новости. Во-вторых, авторы использовали стихи. Это были сатирические вирши на злобу дня, которые часто сочинялись в традициях «народной литературы», не претендуя на высокий художественный смысл. Однако, порой авторами текстов были и известные немецкие поэты⁹ (Илл. 1).

К XVII веку новая печатная продукция завоевала признание как у издателей, так и у покупателей по целому ряду причин. Для издателей речь шла в первую очередь об экономической выгоде. Одностраничная печать была рентабельнее, по сравнению с объемными памфлетами и «ярмарочными реляциями», предтечами периодической печати, которые достигали не менее 90–100 страниц. Затраты на гравюру окупались возможностью ее многократного тиражирования. По подсчетам специалистов, средний тираж одной листовки

⁵ Melot Die Graphik 1981: 24; ср. с: Звонцов, Шистко 2004; Журов, Третьякова 1977.

⁶ Luther 1862: 98.

⁷ Ibid: 100–1001.

⁸ Warncke 2015; Messerli 2002: 23–31.

⁹ Pfeffer 1993: 94; Tschopp 1991: 72; Schwitalla 1999: 76.

колебался от 1000–1500 экземпляров¹⁰. Часто сам издатель обладал необходимыми навыками резчика по дереву или гравера, благодаря чему удавалось сократить издательские расходы.

Илл. 1

Мünchen, Bayerische Staatsbibliothek. Res/4 Eur. 357,11 m.¹¹

¹⁰ Rosseaux 2001: 253.

¹¹ Подпись под иллюстрацией: «Правдивая и полная новость и собственно сообщение о том, что произошло между швейцарцами и Его Княжеским Сиятельством эрцгерцогом Леопольдом в период меж-

Покупатели иллюстрированных листовок не менее быстро оценили их привлекательность. Периодика и памфлетная публицистика были рассчитаны на весьма узкий круг читателей. В историографии существует мнение, что печатную продукцию подобного рода, как правило, покупали и читали те, кто в свою очередь сам был автором аналогичных публикаций — интеллектуалы, дипломаты, чиновники¹². Листовка благодаря гравюре вызывала широкий интерес, превращаясь в ходовой товар для необразованной публики. Цена листовки делала ее доступной не только для аристократии, но и для бюргерства. По различным подсчетам, учитывающим инфляцию XVII в., в 1620-е гг. иллюстрированная листовка стоила примерно три крейцера, что соответствовало цене четырехфунтовой буханки хлеба. В 1640-е гг. цена выросла на один крейцер¹³.

Увеличение спроса на производство листовок во многом оказалось связано с Тридцатилетней войной (1618–1648) — «немецкой национальной катастрофой», под знаком которой для Германии фактически прошел весь XVII век. В этот период иллюстрированные листовки в полной мере обрели те функции, которые отличали их от других средств коммуникации. Они стали не только передавать новости, но и использоваться как средство политической пропаганды¹⁴ (Илл. 2). Историки считают XVII в. «золотым веком иллюстрированной листовки»¹⁵. Однако в XVIII в. они уступили место периодической печати, которая превратилась в главного глашатая информации, общественных настроений и интере-

ду 21 июня и 28 октября 1621 г.» (Warhaffte und gründtliche neue Zeitung und eygentlicher Bericht, was sich zwischen den Schweitzern auch Ihrer Hochfürstl. Durchl. Ertzhertzog Leopolden von 21. Junii biß den 28. October 1621 begeben und zugetragen hat. Augspurg. Mannasser, 1621) — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb00102709?page=1>, дата обращения — 08.10.2024].

¹² Körber 2010: 197–199.

¹³ Schilling 1990: 39; Rosseaux 2001: 427.

¹⁴ Schumann 1998: 254.

¹⁵ Harms 2002: 11.

сов. Иллюстрированные листовки потеряли свою актуальность, спрос на них постепенно сошел на нет. Сохранившиеся экземпляры попали в княжеские архивы и семейные библиотеки, в которых они хранились, не привлекая к себе интереса вплоть до XIX века.

Илл. 2

Мünchen, Bayerische Staatsbibliothek. Einbl. V,8 a-38¹⁶

¹⁶ «Шведское спасение христианских церквей. В 1631 г.» [Schwedische Rettung der Christlichen Kirchen. Anno 1631. [S.l.]. 1631 — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.digitale-sammlungen.de/view/bsb00100267?page=1>, дата обращения — 08.10.2024].

В истории изучения иллюстрированных листовок пальма первенства принадлежит немецким ученым. Вовлечение немецкой печатной публицистики в круг исторических исследований началось с XIX в., когда увлечение германской стариной побудило двух романтиков — Клеменса Брентано (1778–1842) и Ахима фон Арнима (1781–1831) к изданию стихов, печатавшихся в XVI–XVII вв. на одностраничных оттисках, иногда украшенных гравюрой, иногда без нее¹⁷. «Летучими листками XVI–XVII столетий» назвал свою публикацию гравюр, сопровождавшихся художественным текстом, известный немецкий издатель, антиквар и краевед из Штутгарта Иоганн Шайбле (1809–1866)¹⁸. Издание 1850 г. стало значительным шагом для привлечения внимания к немецкой повседневной печатной продукции раннего Нового времени. Благодаря факсимиле гравюр и отдельной публикации текстов, Шайбле был первым, кто познакомил с этим памятником широкие круги читателей. Середина XIX в. ознаменовалась еще одним ярким обращением к иллюстрированным листовкам. В 1855 г. книгоиздатель и литературовед Эмиль Веллер (1823–1886) собрал так называемые «Песни Тридцатилетней войны»¹⁹. В этих первых публикациях иллюстрированные листовки не рассматривались как уникальный вид печатных памятников, требовавший видовой классификации и разграничения с другими видами публицистики. Издаваемые памятники старины считались «песнями» (*Lied*), или «листочками» (*Flugblatt*), или «летучими листками» (*fliegendes Blatt*). Все эти термины использовались как синонимы. Основную ценность издатели видели не в гравюре, а в художественном стихотворном тексте листовки, который они предлагали читателю без соотнесения с изображением. Стихи листовок воспринимались как «народные песни». Глубокого исторического анализа этих сочинений читателю не предлагалось, скорее они служили предметом национальной гордости, утверждая идею древности и силы немецкой куль-

¹⁷ Arnim, Brentano 1806–1808.

¹⁸ Scheible Die Fliegenden Blätter 1850.

¹⁹ Weller Die Lieder des Dreißigjährigen Kriege 1855.

туры прошлого. Они будили немецкую нацию и использовались как обоснование необходимости национального единства, стремлением к которому были охвачены немецкие интеллектуалы первой половины XIX века.

Одним из основоположников введения в научный оборот повседневной печатной продукции, в том числе памфлетной публицистики и иллюстрированных листовок, следует считать Густава Дройзена (1838–1908), сына знаменитого немецкого историка, опубликовавшего в 1870–1880-е гг. многочисленные труды по истории Германии XVI–XVII вв. Г. Дройзен включил повседневную публицистику, к которой он причислял и одностраничные печатные издания, в свои исследования в качестве полновесных свидетельств. Он пошел дальше «отца немецкого источниковедения» Леопольда фон Ранке (1795–1886), который лишь со многими оговорками готов был признать публицистику «достоверным» источником, постоянно ища подтверждения ей в официальных документах²⁰. В одной из своих книг, посвященных Тридцатилетней войне, Дройзен приводил факсимильные изображения одностраничных изданий, в верхней части которых была расположена гравюра, а в нижней — текст²¹. Однако историка, как и его предшественников, еще не интересовала ни терминологическое осмысление, ни источниковедческая классификация этих памятников. Иногда он называл публикации «односторонними листами» (*Einblattdruck*), иногда листовками (*Flugblatt*), а порой, чтобы подчеркнуть полемическое содержание — обличениями (*Streitblatt*).

С первых десятилетий XX в. наметился серьезный поворот в изучении иллюстрированных листовок, сохранивший свою актуальность в XXI веке. Благодаря работам доктора истории и библиотекаря Баварской библиотеки в Мюнхене Карла Шоттенлоэра (1878–1954) был поставлен вопрос

²⁰ В многотомном сочинении Л. фон Ранке об эпохе Реформации термин «листовка» не встречается вовсе. В редких случаях историк сравнивал официальные документы с памфлетами (*Flugschrift*). Ranke 1839: 309; Ranke 1852: Bd. 2: 8, 119; Bd. 3: 451. Ср. с: Vierhaus 1957: 543–567.

²¹ Droysen 1888: 37, 146, 150.

о месте иллюстрированных листовок среди многообразной публицистики раннего Нового времени²². Историк провел первую классификацию листовок, выделив публикации с гравюрами и без них. В основе систематизации Шоттенлоэра лежали два критерия. Он рассматривал листовки в хронологической последовательности, деля их при этом на отдельные тематические группы. Шоттенлоэр первым атрибутировал некоторые листовки, назвав имена авторов текстов Иоганна Фишарта и Иоганна Наса, известных публицистов XVI века. Определяя листовки в особую категорию «повседневной публицистики» раннего Нового времени, он основывался на ее формате, указывая, что одностраничные публикации с гравюрами и разнообразием сюжетов быстрее могли найти своего адресата, по сравнению с объемными «ярмарочными реляциями»²³.

Исследования Шоттенлоэра и его выделение листовок в отдельную группу повседневной публицистики стали поводом для продолжительной дискуссии о видах и характерных признаках, позволяющих упорядочить источниковедческую классификацию публицистических документов раннего Нового времени. Спустя почти три десятилетия ученые пришли к заключению, что следует проводить деление на три типа публицистических публикаций XVI–XVII веков. Во-первых, это периодические издания, такие как газеты, календари, «ярмарочные реляции»; во-вторых, памфлеты, а в-третьих, одностраничные печатные листы²⁴. Подобная классификация потребовала терминологического осмысления выделенных видов печатной продукции. Если с определением первой группы, в основе которого лежит понятный критерий повременного выпуска, не было особых проблем, и скорее в объяснениях нуждались сами жанры²⁵, то по поводу двух других видов печатной продукции и их отличий друг от друга у исследователей долгое время были многочислен-

²² Schottenloher 1908; Idem. 1922.

²³ Schottenloher 1922: 157.

²⁴ Общий итог этой дискуссии представлен в: Arndt, Körber Das Mediensystem im Alten Reich 2010: 75–172.

²⁵ Rosseaux 2004.

ные сомнения. Важным шагом для классификации листовок в отдельный вид источников было отделение их от памфлетов. Относительно дефиниции памфлета до сих пор так и не выработано единого мнения. Достаточно часто можно встретить определение его как «обличительного сочинения на актуальную социально-политическую тему»²⁶. Несмотря на то, что историография по праву причисляет памфлеты к специфическим источникам раннего Нового времени, чрезмерное подчеркивание их «обличительного» характера и распространение этого суждения на всю памфлетную публицистику не вполне справедливо. Их содержательное наполнение не было однородным, зависело от конкретных условий и вызовов времени. Важнейшую роль при выборе тематики играла коммерческая выгода и уровень образования авторов²⁷. Для XVII в. памфлетами могут считаться многостраничные произведения (от 2 до 100 страниц), издававшиеся в формате *in-octavo* или *in-quarto*, в которых поднимались в той или иной форме общественно-значимые темы²⁸. Существуют памфлеты, посвященные политическим, теологическим, морально-нравственным сюжетам. Кроме того, к памфлетной публицистике можно отнести и сочинения информационного характера, в которых авторы не стремились давать оценку описываемым событиям, а лишь пересказывали полученную информацию.

Благодаря выявлению характеристик для определения памфлетной публицистики, историки смогли провести более четкую понятийную грань между памфлетами и листовками, основанную не только на критерии объема (как это делалось раньше). Листовку, собственно односторонний оттиск, отличают техника ее производства, стиль изложения, использование графики и, на что обращается особое внимание, функ-

²⁶ Научно-образовательный портал «Большая Российская энциклопедия». [Эл. ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/pamflet7331a7?ysclid=lrq89d7ic6795672532> (дата обращения: 02.05.2024). Ср. с Mörke 1995: 16; Schwitalla 1999: 70.

²⁷ Schwitalla 1999: 76.

²⁸ Ср. с: Schilling 1990; Rosseaux 2001; Schwitalla 1999.

ции²⁹. В историографии закрепилось суждение, что «формирование мнения, политическая и религиозная пропаганда, комментарии к происходящему с точки зрения партийной принадлежности становятся главной функцией листовок»³⁰. Потеря интереса к публикации листовок в конце XVII в. связывается с утратой функции обмена мнениями, которая перешла к газетной периодике³¹ (Илл. 3).

Илл. 3

Мünchen, Bayerische Staatsbibliothek. Einbl V,8 b-37³²

²⁹ Pfeffer 1993: 12–14.

³⁰ Schumann 1998: 254; ср. с: Harms 1991: 141.

³¹ Schumann 1998: 255.

³² «Возражение и ответ, то есть: разговор между пишущим газеты и его собеседником» (Einred und Antwort Das ist: Ein Gespräch deß Zei-

Источниковедческая классификация и уточнение терминов, способствовали появлению еще одного принципиального направления в изучении иллюстрированных листовок — исследованиям по их визуальной составляющей. Сам термин «иллюстрированная листовка» далеко не сразу стал популярен в научной практике. В широкий оборот он начал проникать лишь с середины 1950-х гг. Одним из первых на особое значение визуальной части листовок указал немецкий архитектор и историк искусства Герман Вэшер (1881–1961). Он долгие годы заведовал кабинетом графики музея Морицбург в Галле. В 1955 г. Вэшер выпустил небольшой каталог, озаглавленный «Немецкая иллюстрированная листовка», в котором представлены изобразительные источники из коллекции Морицбурга³³. В предисловии автор указал, что в основе его выборки из собрания Морицбурга лежат два критерия. Во-первых, это эстетическая ценность предлагаемых иллюстрированных листовок («отобраны самые красивые листы»), во-вторых, их репрезентативность по отношению к событиям общественно-политической жизни XVI–XVII вв.³⁴ Художественное значение гравюры Вэшер ставил во главу угла: его комментарии к изображениям, в первую очередь, посвящены именно технике гравюры. Эта публикация была наглядным свидетельством начавшегося роста интереса к изображениям ушедших эпох и дискуссии, которая по-прежнему не теряет своей остроты.

Этот вопрос сегодня решен положительно, хотя и с небольшой оговоркой, так как «изобразительные источники зачастую предлагают такую информацию, которую могут предоставить только они (например, ни один письменный источник не способен охватить интерьер комнаты во всех его деталях), однако, в отличие от текста, эта информация всегда ограничена как во времени, так и в пространстве»³⁵.

tungschreibers mit seinem Widersacher. [S.l.]. 1621 — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb00100148?page=1>, дата обращения — 08.10.2024].

³³ Wäschner 1955.

³⁴ Wäschner 1955: 5, 8.

³⁵ Медяков 2018: 134; ср. с: Henning 2012: 158.

Гравюры иллюстрированных листовок долгое время ждали своего исследователя. Вэшер писал, что ему так и не удалось заинтересовать своей работой историков искусства³⁶. Так как большая часть гравюр на протяжении всего раннего Нового времени была анонимной, а мастерство гравера находилась на стыке ремесла и искусства, их художественные свойства долгое время игнорировались искусствоведами. Специалисты утверждали, что у гравюр нет неповторимой «ауры»³⁷, передающейся от великого мастера его творению. Такая оценка усугублялась частыми перекличками с прошлыми сюжетами, а иногда и прямым копированием. Гравюры листовок превратились в «массовые изображения», которые искусствоведы обвиняли в отсутствии «индивидуальной художественной самобытности»³⁸. Однако именно эта возможность к многократному воспроизведению позволила иллюстрированной листовке стать наиболее востребованным печатным средством коммуникации в германских землях в раннее Новое время. «Теперь картины перестали быть принадлежностью исключительно храмов и замков, а оказались в домах простых людей», — заметил известный британский историк искусства Питер Берк³⁹. В 1960-х гг. для обозначения иллюстрированных листовок был предложен специальный термин «популярная печатная графика»⁴⁰.

В ходе дискуссии об использовании визуальных источников в исторических исследованиях в Германии⁴¹ специалисты по раннему Новому времени оказались относительно

³⁶ Wäscher 1955: 5.

³⁷ Benjamin 2003: 13.

³⁸ Roeck 2003: 299.

³⁹ Burke 2002: 37. Мнение Берка неоднократно ставилось под сомнения, в частности, Альфред Мессерли утверждает, что относиться к иллюстрированным листовкам как к печатной продукции для «простого человека» было бы не вполне корректно ввиду и низкой степени грамотности, и относительно невысоких тиражей (подробнее см.: Messerli 2002: 28–29).

⁴⁰ Brückner 1969.

⁴¹ О немецкой историографии по визуальным источникам см.: Медяков 2018.

едины во мнении, что изучение изображений иллюстрированных листовок должно быть неразрывно связано с культурными и социальными практиками времени их создания⁴². Это стало импульсом для нового вектора в изучении немецких иллюстрированных листовок. Специалисты стали рассматривать гравюру и текст как неразрывное целое, что потребовало междисциплинарных подходов, находящихся на стыке филологии, истории искусства, социологии и истории. Ученые подчеркивали полисемичность любого изображения, которая заставляла обращаться к тексту для понимания его смысла, благодаря чему иллюстрированная листовка превращалась в артефакт конкретной культуры (Илл. 4). Такой подход сближал методы изучения иллюстрированных листовок с распространенной «триадой Э. Панофского», известного историка искусств, предложившего трехчастную схему изучения изобразительных источников в историческом контексте⁴³. Наряду с формальной и иконографической ступенями, большую роль в концепции Панофского играл иконологический анализ, подразумевавший выявление общего смысла произведения. Именно эта составляющая его методики стала основой для изучения изображения иллюстрированных листовок в совокупности с текстом из нижней части печатного листа. Стремление проникнуть в смысл изображений XVI–XVII вв. способствовало трансформации «триады Панофского» в теории изучения визуального в трудах историка раннего Нового времени Р. Вольфайля⁴⁴. Он заострил внимание на историческом контексте появления изображения, ставя акцент на социальной среде, в которой создавалось и циркулировало произведение. Эта идея в дальнейшем превратилась в один из лейтмотивов изучения иллюстрированных листовок. Исследователи стали уделять особое вни-

⁴² На эту тему было проведено не одно исследование. Подробнее см.: Mitchell 1980; Burke 2001 (ср. с: Бёрк 2023); Henning 2012; Wohlfeil 1986; Jäger, Knauer 2009. Эту тематику продолжают и исследования последних лет, например: Роль изобразительных источников 2019; Визуальная антропология 2007.

⁴³ Панофский 2009.

⁴⁴ Wohlfeil 1986; Wohlfeil 1991.

Илл. 4

Мünchen, Bayerische Staatsbibliothek. Einbl. V,8 b-4⁴⁵

⁴⁵ «Битва Орла со Львом» (Des Adlers und Löwen Kampff. [S.l.]. Ca. 1621 — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb00101899?page=1>, дата обращения — 08.10.2024].

мание феномену заказчика и потребителя этой печатной продукции⁴⁶. Вольфайль расширил понятие «смысла» для анализа изображений, включая в него изучение функций и воздействия визуальных памятников⁴⁷. Если историки, использующие изображения для изучения более поздних периодов, как констатировала профессор университета Дармштадта М. Гесслер, не уделяли должного внимания «их форме, эстетике, условиям производства, инструментам их создания, их инсценирующему характеру и специфически избразительным средствам производства смыслов»⁴⁸, то исследователи немецкой истории XVI–XVII вв., наоборот, поставили эти вопросы на первое место. Изучение социокультурных особенностей иллюстрированных листовок позволило говорить о раннем Новом времени как о «совершенно особой эпохе визуального»⁴⁹.

У истоков современных подходов к интерпретациям и трактовкам немецких иллюстрированных листовок стоят два германиста-филолога — Вольфганг Хармс (1936–2021) и Михаэль Шиллинг и американский историк Роджер Паас. С начала 1980-х гг. они объединили вокруг себя группу ученых, занимающихся различными аспектами изучения иллюстрированных листовок. Исследователи обращали внимание, что изучение иллюстрированных листовок представляет собой сложный и многогранный процесс. Являясь характерным памятником эпохи барокко, иллюстрированные листовки сочетают в себе многочисленные аллегории, эмблемы и символы, ключи к пониманию которых находятся на стыке разных отраслей гуманитарного знания. В этот период тематически преобладали исследования отдельных сюжетов, отраженных в листовках⁵⁰. Хармс, Шиллинг и Паас стали основоположниками научного издания европейских коллекций иллюстрированных листовок. С 1980 г. под руко-

⁴⁶ Körber 2010: 195–197.

⁴⁷ Wohlfeil 1991: 24–35.

⁴⁸ Цит. по: Медяков 2018: 137; подробнее см.: Heßler 2005: 272.

⁴⁹ Emich 2008: 50.

⁵⁰ Tschopp 1991; Harms, Messerli Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs 2002.

водством Хармса началась фундаментальная публикация «Немецкие иллюстрированные листовки XVI–XVII вв.», в основе которой лежит собрание библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле⁵¹. Факсимильные изображения сопровождается подробный комментарий, который представляет иллюстрированную листовку в контексте культуры Германии XVI–XVII веков. Не менее впечатляющим оказалось и похожее издание 14 томов «Немецких политических листовок 1600–1700» Пааса⁵². Междисциплинарность стала отличительной чертой этих публикаций. Ученые не только изучали исторический контекст и бытование иллюстрированных листовок, но уделяли значительное внимание технике производства, сравнениям с сохранившимися похожими публикациями из разных уголков Европы. Издания Хармса, Шиллинга и Пааса наиболее полно представляют этот уникальный памятник раннего Нового времени.

В России, несмотря на наличие отдельных коллекций в крупнейших библиотеках (например, в Отделе эстампов и фотографий Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге), иллюстрированные листовки еще ждут своего исследователя, хотя история интереса к ним имеет глубокие корни. Одна из источниковедческих проблем в отечественной историографии связана с употреблением самого термина «иллюстрированная листовка». В исследованиях на русском языке немецкие иллюстрированные листовки иногда называют «летучими листками»⁵³. Это калька с латинского словосочетания *folium volans* (летающие листы), употреблявшегося современниками в XVI–XVII вв. для обозначения публицистических изданий. Немецкий «летучий листок» (*fliegendes Blatt*) отличался от книги, страницы которой были переплетены, поэтому в раннее Новое время название подчеркивало самобытность такой печатной продукции⁵⁴. От этого термина сегодня происходит немецкое слово *Flugblatt* — «листовка», имеющее в свою очередь два корня

⁵¹ Harms, Schilling Deutsche illustrierte Flugblätter 1980–2018.

⁵² Paas 1985–2017.

⁵³ Володарский 2001; Эсоно 2021.

⁵⁴ См.: Лазарева 2018; ср. с: Münkner 2015: 215–230.

от существительных *Flug* — полет, и *Blatt* — лист. Несмотря на то, что термин «летучий листок» порой ярче подчеркивает связь данного памятника с ранним Новым временем, в противовес общепонятной «листовке», его использование в современном источниковедении выглядит некоторым анахронизмом.

Он появился в дореволюционных исторических сочинениях. Известный российский историк Н.И. Кареев (1850–1831) в своей многотомной «Истории Западной Европы» перевел термин *Flugblatt*, с которым он столкнулся в немецкой историографии конца XIX века, дословно — «летучий листок». В России Кареева можно считать пионером включения листовок в круг исторических источников по истории Германии XVI–XVII веков. Если до него в России и обращались к немецкой публицистике раннего Нового времени, то в основном ссылались на памфлеты (*Flugschrift*), как это делал, например, Т.Н. Грановский (1813–1855) в своем курсе лекций по новой истории⁵⁵. Кареев, с опорой на немецкую историографию описывая события Реформации и Крестьянской войны (1524–1525), цитировал «“летучие листки”, распространявшиеся в народе еще около 1500 г.»⁵⁶.

Новый виток обращения к этому виду печатной продукции отечественная историография пережила в 1930–50-е годы. В одной из первых советских хрестоматий по всеобщей истории, появившейся в 1929 г. под редакцией В.П. Волгина, был дан перевод сочинения «Вирши о Бедном Конраде» (1514). «Анонимные вирши о Бедном Конраде являются **листовкой** (выделено в тексте. — А.Л.) того времени», — писали издатели⁵⁷. Источниковедческое осмысление термин «летучий листок», или его синоним «листовка» начали приобретать в работах крупнейшего советского специалиста по немецкой литературе раннего Нового времени Б.И. Пуришева (1903–1989). Для Пуришева «летучие листки» стояли в одном ряду с «брошюрами», или «памфлетами», то есть

⁵⁵ Грановский 1971: 231.

⁵⁶ Кареев 1893: 97.

⁵⁷ Волгин 1929: 127.

публицистическими изданиями. Он оценивал в первую очередь их литературный потенциал, часто подчеркивая это специальными характеристиками термина. Так у Пуришева кроме обобщения «летучие листки»⁵⁸ появились «песни-листочки»⁵⁹, «стихотворные листочки» и «прозаические листочки»⁶⁰. Однако дальше подобных эпитетов ученый не пошел, не стремясь конкретизировать определение. Признание за «летучими листками» права считаться свидетельствами для реконструкции немецкой истории XVI–XVII вв. в советской историографии шло крайне медленно. Так, ссылок на них практически нет в фундаментальных работах историка-германиста М.М. Смирин⁶¹. Упоминание о них не вошло и в учебник по источниковедению истории Средних веков А.Д. Люблинской⁶². Лишь бегло упоминал «летучие листки» выдающийся историк Б.Ф. Поршнев в своей известной работе «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства». Поршнев подчеркивал их родство с хрониками, аргументируя это тем, что среди авторов встречались городские хронисты⁶³.

Высокий источниковедческий потенциал «летучих листков» одним из первых в отечественной историографии отметил в своих работах ведущий исследователь истории Германии раннего Нового времени 1980–2000-х гг. Всеволод Матвеевич Володарский (1935–2022). Володарский, опираясь на категории и понятия XVI–XVII вв., был склонен понимать под «летучими листками» «памфлеты, диалоги, социально-политические программы, рифмованные обличения и пророчества, другие типы сочинений»⁶⁴. «Широкое» понимание термина «летучий листок» В.М. Володарским⁶⁵, так же, как и «узкое» у Б.И. Пуришева, анализировавшего исключи-

⁵⁸ Пуришев 1955: 145.

⁵⁹ Пуришев 1955: 152–165.

⁶⁰ Пуришев 1955: 156 и далее.

⁶¹ Смирин 1962.

⁶² Люблинская 1955.

⁶³ Поршнев 1976: 354.

⁶⁴ Володарский 2001: 135–136.

⁶⁵ Ср. с: Droysen 1888: 150.

тельно художественные тексты листовок, не учитывает важнейшую уникальную черту этого вида документов. Речь идет о картинке-гравюре. Пуришев, описывая содержание некоторых листовок, ни разу не упоминал, что верхняя часть листа, с которым он работал, представляла собой гравюру, служащую иллюстрацией к тексту⁶⁶. Володарский первым в отечественной историографии выделил роль изображения в «летучем листке» XVI–XVII вв. Он писал: «Масса изданий иллюстрировалась гравюрами, чтобы наглядностью изображения облегчить читателям понимание злободневных вопросов общественной жизни. Гравюры также помогали грамотным доходчивее объяснять неграмотным суть споров, ведь тексты живой и бойкой публицистики часто читались тогда вслух и обсуждались на рыночных площадях, в харчевнях, у мельниц, в других местах, где обычно собирался народ. Широко использовались иллюстрированные дешевые издания и народными проповедниками»⁶⁷. Однако оба ученых так и не предложили иного терминологического осмысления «летучего листка» с учетом его визуальных особенностей.

Игнорирование визуальной составляющей в определении является главным недостатком использования понятия «летучий листок» в источниковедческой классификации и должно быть пересмотрено в пользу выделения этой особенности памятника в самой дефиниции. Поэтому более предпочтительным для исследований в русском языке представляется понятие «иллюстрированная листовка» (нем. *illustriertes Flugblatt*, англ. *Illustrated broadsheet*), в котором ставится намеренный акцент на роли изображения как ее основополагающей составляющей. При употреблении термина «иллюстрированная листовка» широкий потенциал совокупности ее гравюры и текста для исторических исследований очевидно выходит на первый план. Под определение «летучий листок» (*Einblattdruck*) в источниковедческой

⁶⁶ Пуришев 1955: 222, 233.

⁶⁷ Володарский 2001: 136.

классификации подходят скорее лишь односторонние печатные публикации, не содержащие изображения.

Широкое комплексное вовлечение иллюстрированных листовок в исторические исследования благодаря их публикациям и анализу, позволило поставить новый источниковедческий вопрос, на который как отечественная, так и зарубежная историография сегодня обращает особое внимание. В современном источниковедении немецкие иллюстрированные листовки все чаще причисляют к группе «медиа-документов». Как вид исторических источников понятие «медиа» уже не одно десятилетие привлекает к себе внимание исследователей. Собственно термин понимается историками в значении «открытого или общедоступного посредника (в буквальном смысле от лат. *medium*) в сфере общественной или публичной жизни»⁶⁸. В гуманитарных науках существует разветвленная система классификации медиа-документов, в основе которой находится, как правило, специфика коммуникативных связей, обеспечиваемых с их помощью⁶⁹. Наиболее широкое распространение имеет бинарная классификация на интерперсональные и масс-медиа⁷⁰. Однако она продолжает уточняться и дополняется новыми вариантами медиа-источников, сочетающими в себе как индивидуальные коммуникативные связи, подразумевающие диалог, так и публичное послание. К таким новым медиа-источникам принято относить иллюстрированные листовки.

Несмотря на то, что в этапах становления медиа некоторые исследователи выделяют так называемые «прамедиа» (примитивные средства передачи информации, включая сюда даже наскальную живопись) и «рукописные медиа» (от папирусов и глиняных табличек до писем и профессиональных документов)⁷¹, их полноценное рождение как особого вида исторических источников связано с появлением

⁶⁸ Würgler 2013: 4.

⁶⁹ См.: Wilke 2000; Luhmann 1996; Faulstich 2002; Duchkowich Mediengeschichte 1985; North Kommunikationsrevolutionen 1995; Arndt, Körber Das Mediensystem im Alten Reich 2010.

⁷⁰ См.: Behringer 2003.

⁷¹ Жилавская 2016: 172.

печатной продукции⁷². Использование печатного станка превратилось в маркер, который отделил эпоху Средних веков от раннего Нового времени, ознаменовав начало «медиа-революции». Переход от рукописной традиции к печатной культуре, проходивший с конца XV в., был важнейшей вехой для совершенно иных масштабов передачи новостей и других свидетельств, в которую постепенно в XVI–XVII вв. оказалась вовлечена вся Европа. Иллюстрированные листовки, согласно широкому историографическому мнению, были оптимальным посредником в этом процессе. Сегодня их можно причислить к массовым источникам раннего Нового времени. Для источниковедов термин «массовый источник» до сих пор остается весьма дискуссионным. Тем не менее, его расширенное понятие, принятое с 90-х гг. XX в., обосновывает правомерность отнесения иллюстрированных листовок к этой категории, так как под «массовыми источниками» понимаются «все памятники прошлого, содержащие сведения о массовых (или статистических) явлениях и процессах»⁷³. К массовым же явлениям принято относить те, «которые в случае множественности наблюдений, обнаруживают закономерности, незаметные при единичных наблюдениях»⁷⁴.

Подводя итоги истории изучения немецких иллюстрированных листовок, можно констатировать, что этот уникальный памятник XVI–XVII вв. постепенно превратился в неотъемлемую часть исследований по истории раннего Нового времени в Германии. Важнейшим достижением изучения иллюстрированных листовок стало включение их в общую источниковедческую классификацию немецких публицистических документов XVI–XVII веков. Междисциплинарность и разнообразие подходов не нарушают постепенно сформировавшегося единства в оценке иллюстрированной листовки как совокупности визуального и текстуального нарративов. Изучение лишь одной из двух частей памятника осталось в прошлом. Понимание единства гравю-

⁷² Eisenstein 1983: 10.

⁷³ Бокарев 1994: 301.

⁷⁴ Бокарев 1994: 301.

ры и художественного текста позволило уточнить и сам термин. От «летучих листов», в терминологии XIX столетия, ученые перешли к понятию «иллюстрированная листовка», который ставит акцент на визуальной, литературной и на функциональной составляющей этих документов. Углубление источниковедческого анализа позволило рассматривать иллюстрированную листовку в ряду массовых медиа-источников XVI–XVII веков. История изучения немецких иллюстрированных листовок способствовала выявлению их источниковедческой специфики, позволившей ученым сделать новый шаг в реконструкции политических, социальных, культурных и экономических практик в Германии в XVI–XVII веках.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бёрк 2023 — *Бёрк П.* Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю / Пер. с англ. А. Воскобойниковой. М., 2023.
- Бокарев 1994 — *Бокарев Ю.П.* Массовые источники // Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1994. С. 288–320.
- Визуальная антропология 2007 — *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность* / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007.
- Волгин 1929 — *Вирши о Бедном Конраде* // Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время / Под ред. В.П. Волгина. М.; Л., 1929. С. 127–130.
- Володарский 2001 — *Володарский В.М.* Культура Германии в конце XV–XVI вв. // История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 2001.
- Грановский 1971 — *Грановский Т.Н.* Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего средневековья. М., 1971.
- Жилавская 2016 — *Жилавская И.В.* Классификация медиа. Проблемы, понятия, критерии // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2016. №4. Т. 2. С. 169–175.

- Журов, Третьякова 1977 — *Журов А.П., Третьякова К.М.* Гравюра на дереве. М., 1977.
- Звонцов, Шистко 2004 — *Звонцов В.М., Шистко В.И.* Офорт. Техника. История. СПб., 2004.
- Кареев 1893 — *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. СПб., 1893. Т. 2.
- Лазарева 2020 — *Лазарева А.В.* «Новые вести» раннего Нового времени: социокультурные особенности немецких иллюстрированных листовок XVI–XVII вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 11 (97). [Эл. ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840012817-7-1/>. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840012817-7>.
- Лазарева 2018 — *Лазарева А.В.* Идеи Реформации в немецкой публицистике эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 9 (73). [Эл. ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002479-5-1/>. DOI: <https://dpi.org/10.18254/S0002479-5-1>.
- Люблинская 1955 — *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Медяков 2018 — *Медяков А.С.* Изучение визуальной истории в Германии: основные подходы в историографии и методике исследований // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2018. № 6. С. 121–145.
- Пановский 2009 — *Пановский Э.* Этюды по иконологии / Пер. с англ. Н.Г. Лебедевой, Н.А. Осминской. СПб., 2009.
- Поршнев 1976 — *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- Пуришев 1955 — *Пуришев Б.И.* Очерки немецкой литературы XV–XVII веков. М., 1955.
- Роль изобразительных источников 2019 — Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки / Под ред. А.Г. Голикова. М., 2019.
- Смирин 1962 — *Смирин М.М.* Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962.
- Эсоно 2021 — *Эсоно А.Ф.* Летучие листки по рисункам Георга Штрауха // Университетский научный журнал. 2021. № 60. С. 31–38.

- Arnim, Brentano 1806–1808 — *Arnim L.A., Brentano C.* Des Knaben Wunderhorn: Alte deutsche Lieder. Heidelberg, 1806–1808. Bd. 1–3.
- Behringer 2003 — *Behringer W.* Im Zeichen des Merkur. Reichspost und Kommunikationsrevolution in der Frühen Neuzeit. Göttingen, 2003.
- Benjamin 2009 — *Benjamin W.* Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Frankfurt am Main, 2003 // Bilder als historische Quellen? Dimension der Debatten um historische Bildforschung / Hrsg. von J. Jäger, M. Knauer. München, 2009.
- Brant 1492 — *Brant S.* Donnerstein von Ensisheim. [S. l.], 1492.
- Brückner 1969 — *Brückner W.* Populäre Druckgraphik Europas: vom 15. bis zum 20. Jahrhundert. München, 1969.
- Burke 2001 — *Burke P.* Eyewitnessing. The Uses of Images as Historical Evidence. Ithaca, N.Y., 2001.
- Burke 2002 — *Burke P.* Media // A Social History of the Media: from Gutenberg to the Internet / Eds. A. Briggs, P. Burke. Cambridge, 2002. P. 1–105.
- Harms, Schilling Deutsche illustrierte Flugblätter 1980–2018 — Deutsche illustrierte Flugblätter des 16. und 17. Jahrhunderts / Hrsg. von W. Harms, M. Schilling. Tübingen, 1980–2018. Bd. 1–9.
- Droysen 1888 — *Droysen G.* Das Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Geschichte und Vorgeschichte. Berlin, 1888.
- Eisenstein 1983 — *Eisenstein E.* The Printing Revolution in Early Modern Europe. Cambridge, London, 1983.
- Emich 2008 — *Emich B.* Bildlichkeit und Intermedialität in der Frühen Neuzeit. Eine interdisziplinäre Spurensuche // Zeitschrift für historische Forschung. 2008. 35. S. 31–56.
- Faulstich 2002 — *Faulstich W.* Die bürgerliche Mediengesellschaft (1700–1830). Göttingen, 2002.
- Scheible Die Fliegenden Blätter 1850 — Die Fliegenden Blätter des XVI. und XVII. Jahrhunderts: in sogenannten Einblatt-Drucken mit Kupferstichen und Holzschnitten, zunächst aus dem Gebiete der politischen und religiösen Caricatur / Hrsg. von Jh. Scheible. Stuttgart, 1850.
- Flugschriften als Massenmedium 1981 — Flugschriften als Massenmedium der Reformationszeit / Hrsg. von H.-J. Köhler. Stuttgart, 1981.
- Harms 2002 — *Harms W.* Das illustrierte Flugblatt in Verständigungsprozessen innerhalb der frühneuzeitlichen Kultur // Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der

- Frühen Neuzeit (1450–1700) / Hrsg. von W. Harms und A. Messerli. Basel, 2002. S. 11–21.
- Harms 1991 — *Harms W.* Feindbilder im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit // Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Frühen Neuzeit / Hrsg. von F. Bosbach. Bayreuth, 1991. S. 141–177.
- Henning 2012 — *Henning E.* Bilder // Die archivalischen Quellen. Mit einer Einführung in die Historische Hilfswissenschaften / Hrsg. von F. Beck, E. Henning. Köln; Weimar; Wien, 2012. S. 157–181.
- Heßler 2005 — *Heßler M.* Bilder zwischen Kunst und Wissenschaft. Neue Herausforderungen für die Forschung // Geschichte und Gesellschaft. 2005. № 2. S. 266–291.
- Kommunikationsrevolutionen 1995 — Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts / Hrsg. von M. North. Köln, 1995.
- Körber 2010 — *Körber E.-B.* Schreiber und Leser politischer Flugschriften des frühen 17. Jahrhunderts // Das Mediensystem im Alten Reich der Frühen Neuzeit (1600–1750) / Hrsg. von Jh. Arndt, E.-B. Körber. Göttingen, 2010. S. 195–206.
- Die Lieder des Dreißigjährigen Krieges 1855 — Die Lieder des Dreißigjährigen Krieges: nach den Originalen abgedruckt / Hrsg. von E. Weller. Basel, 1855.
- Luhmann 1996 — *Luhmann N.* Die Realität der Massenmedien. Opladen, 1996.
- Luther 1862 — *Luther M.* Wittenberger Predigten. 3. Predigt (Wittenberg 1522) // Die vier Reformatoren Luther, Melanchthon, Zwingli und Calvin. Leben und Auswahl ihrer Schriften / Hrsg. von Ch.G. Eberle, Ch. Sigwart. Stuttgart, 1862. S. 97–101
- Melot Die Graphik 1981 — Die Graphik. Entwicklungen, Stilformen, Funktion / Hrsg. von M. Melot. Genf; Stuttgart, 1981.
- Mediengeschichte 1985 — Mediengeschichte. Forschung und Praxis / Hrsg. von W. Duchkowich. Wien, 1985.
- Das Mediensystem im Alten Reich 2010 — Das Mediensystem im Alten Reich der Frühen Neuzeit (1600–1750) / Hrsg. von Jh. Arndt, E.-B. Körber. Göttingen, 2010.
- Messerli 2002 — *Messerli A.* War das illustrierte Flugblatt ein Massenlesestoff? Überlegungen zu einem Paradigmawechsel in der Erforschung seiner Rezeption // Wahrnehmungsgeschichte und Wissensdiskurs im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit (1450–1700) / Hrsg. von W. Harms, A. Messerli. Basel, 2002. S. 23–32.

- Mitchell 1980 — *Mitchell W.J.T.* The Language of Images. Chicago, 1980.
- Mörke 1995 — *Mörke O.* Pamphlet und Propaganda. Politische Kommunikation und technische Innovation in Westeuropa in der Frühen Neuzeit // Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts / Hrsg. von M. North. Köln, 1995. S. 15–32.
- Münkner 2015 — *Münkner J.* Bild, Text und Handspiel: zur Mehrfachkodierung von Flugblättern // Die Intermedialität des Flugblatts in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von A. Messerli, M. Schilling. Stuttgart, 2015. S. 215–230.
- Paas 1985–2017 — *Paas R.J.* The German Political Broadsheet 1600–1700. Wiesbaden, 1985–2017. Vol. 1–14.
- Pfeffer 1993 — *Pfeffer M.* Flugschriften zum Dreißigjährigen Krieg: aus der Häberlin-Sammlung der Thurn- und Taxisschen Hofbibliothek. Frankfurt am Main, 1993.
- Ranke 1852 — *Ranke L.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Berlin, 1839–1852. Bd. 1–3.
- Roeck 2003 — *Roeck B.* Visual turn? Kulturgeschichte und die Bilder // Geschichte und Gesellschaft. 2003. 29. S. 294–315.
- Rosseaux 2004 — *Rosseaux U.* Die Entstehung der Meßrelationen. Zur Entwicklung eines frühneuzeitlichen Nachrichtenmediums aus der Zeitgeschichtsschreibung des 16. Jahrhunderts // Historisches Jahrbuch. 2004. 124. S. 97–123.
- Rosseaux 2001 — *Rosseaux U.* Die Kipper und Wipper als publizistisches Ereignis (1620–1626): eine Studie zu den Strukturen öffentlicher Kommunikation im Zeitalter des Dreißigjährigen Krieges. Berlin, 2001.
- Schilling 1990 — *Schilling M.* Bildpublizistik der frühen Neuzeit: Aufgaben und Leistungen des illustrierten Flugblatts in Deutschland bis um 1700. Tübingen, 1990.
- Schilling 1991 — *Schilling M.* Illustrierte Flugblätter der frühen Neuzeit als historische Bildquellen. Beispiele, Chancen und Probleme // Historische Bildkunde. Probleme — Wege — Beispiele / Hrsg. von R. Wohlfeil, B. Tolkemitt. Berlin, 1991. S. 107–119.
- Schottenloher 1922 — *Schottenloher K.* Flugblatt und Zeitung. Ein Wegweiser durch das gedruckte Tagesschrifttum. Berlin, 1922.
- Schottenloher 1908 — *Schottenloher K.* Jakob Ziegler und Adam Reissner; eine quellenkritische Untersuchung über eine Streitschrift der Reformationszeit gegen das Papsttum. München, 1908.

- Schumann 1998 — *Schumann J.* Das politisch-militärische Flugblatt in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts als Nachrichtenmedium und Propagandamittel // Das illustrierte Flugblatt in der Kultur der Frühen Neuzeit / Hrsg. von W Harms, M. Schilling. Frankfurt am Main, 1998. S. 227–258.
- Schwitalla 1999 — *Schwitalla Jh.* Flugschrift. Tübingen, 1999.
- Tschopp 1991 — *Tschopp S.S.* Heilsgeschichtliche Deutungsmuster in der Publizistik des Dreißigjährigen Krieges: pro- und antischwedische Propaganda in Deutschland 1628 bis 1635. Frankfurt am Main, 1991.
- Vierhaus 1957 — *Vierhaus R.* Rankes Verhältnis zur Presse // Historische Zeitschrift. 1957. 183. S. 543–567.
- Warncke 2015 — *Warncke C.P.* Der visuelle Mehrwert. Über die Funktion des Bildes im illustrierten Flugblatt // Die Intermedialität des Flugblatts in der Frühen Neuzeit / Hrsg. von A. Messerli, M. Schilling. Stuttgart, 2015.
- Wäscher 1955 — *Wäscher H.* Das deutsche illustrierte Flugblatt. Dresden, 1955. Bd. 1. Von den Anfängen bis zu den Befreiungskriegen.
- Wilke 2000 — *Wilke J.* Grundzüge der Medien- und Kommunikationsgeschichte. Von den Anfängen bis ins 20. Jahrhundert. Köln, 2000.
- Wohlfeil 1986 — *Wohlfeil R.* Das Bild als Geschichtsquelle // Historische Zeitschrift. 1986. Bd. 243. S. 91–100.
- Wohlfeil 1991 — *Wohlfeil R.* Methodische Reflexionen zur Historischen Bildkunde // Historische Bildkunde. Probleme — Wege — Beispiele / Hrsg. von R. Wohlfeil, B. Tolkemitt. Berlin, 1991. S. 17–35.
- Würgler 2013 — *Würgler A.* Medien in der frühen Neuzeit. München, 2013.

И.Ю. НОВИЧЕНКО

МАЗАРИНАДЫ

ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОЧНИКИ СЕРЕДИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ

Аннотация: Статья посвящена мазаринадам как историческим источникам по истории Фронды во Франции в середине XVII века. Рассматриваются особенности возникновения памфлетов, приводятся количественные данные, география распространения, обсуждается проблема авторства и самые известные авторы, особенности библиографического описания мазаринад, использования этих источников в отечественной историографии. Отдельное внимание уделено коллекции мазаринад в Центре социально-политической истории — филиале Государственной публичной исторической библиотеки России, обстоятельствам возникновения коллекции и перспективам продолжения исследований в этой области.

Ключевые слова: мазаринады, история Фронды, коллекции мазаринад, мазаринады в России, история Франции середины XVII века, история коллекций

Специалисты по истории Франции нового времени знают или обязательно слышали о таких источниках периода Фронды как мазаринады. Это опубликованные тексты, точнее, памфлеты, направленные против кардинала Мазарини в период оппозиционных выступлений и восстаний, по сути, гражданской войны во Франции с 1648 по 1653 гг. В марте 1651 г. Поль Скаррон написал сатирические стихи против кардинала Мазарини под названием *La mazarinade* и это шутовское придуманное слово стало нарицательным для обозначения нескольких тысяч брошюр против или в поддержку Мазарини, королевского двора, принцев крови, дру-

гих участников противостояния Парижского парламента и знати с первым министром кардиналом Мазарини.

Никогда прежде в истории политические события не сопровождались выпуском столь огромного количества печатных материалов. В середине XVII в. в «войну слов» во Франции были вовлечены все сословия¹. Брошюры, как правило, включали от одной до восьми страниц текста. Их писали, печатали, распространяли — раздавали, дарили, продавали, читали, а также собирали, группировали в тома, переплетали, сберегали в библиотеках. Поэтому мазаринады достаточно хорошо сохранились и находятся ныне во многих библиотеках мира, отлично представлены в главных библиотеках нашей страны. В общей сложности, по подсчетам ученых, за пять лет Фронды на территории Франции было напечатано примерно 5500–6000 уникальных мазаринад, распространявшихся как в печатном, так и в рукописном виде, а также в форме иллюстрированных плакатов, картинок и листовок². Подавляющее большинство мазаринад были напечатаны в Париже, но брошюры появлялись и в других городах — Бордо, Эксе, Сен-Жермене, Руане, Пуатье, Понтуазе и даже не во Франции — в Антверпене, Роттердаме, Гааге, Брюсселе, в испанских городах. На сотнях мазаринад отсутствуют выходные данные или же приведены целенаправленно искаженные сведения о месте издания.

Мазаринады — это произведения чрезвычайно разнообразные. В состав мазаринад включают авторские и анонимные прозаические и поэтические произведения, публикации Парижского парламента и парламентов других городов, переводы отчетов английского парламента о казни короля Карла I, указы короля и принцев, письма знатных персон, плакаты, рукописные мазаринады, выпуски газет брошюрного типа, словом, весь комплекс разнообразных публикаций, имеющих отношение к общественному противостоянию с 1648 по 1653 год. В настоящий период выделяют несколько десятков жанров: официальные публикации, оды,

¹ Подробнее об этом см.: Jouhaud 2009.

² Carrier 1989: 84; Jouhaud 2009: 29.

размышления, проповеди, стихотворения, баллады, трактаты, письма, открытые письма, декларации, бюллетени, молитвы, жалобы и др. Повествовательные тексты соседствуют с поэтическими. Помимо «серьезных» политических памфлетов, встречаются песни, пьесы, сказки, анекдоты, комедии, шуточные диалоги, рассказы, балеты и др.; оригинальные тексты и плагиат, перепечатки из более ранних изданий; якобы переводы на французский с латинского языка и т.д.

Слово, жест, эмоции к середине XVII столетия во Франции заменяются буквами и строчками, которые оказывают почти магическое воздействие на слушателей, не только передают мысли и чувства, но и вызывают их. Тогда еще никто не говорил, что печатное слово может стать мощным оружием пропаганды, но многие уже ощущали на себе его воздействие. Власть быстро распознала опасность и преследовала авторов, печатников, распространителей крамолы. Поэтому памфлеты редко подписывались, а если подписывались, то, как правило, вымышленными именами или псевдонимами, просто инициалами. Однако бывали случаи, когда известные люди открыто указывали свое авторство.

Одним из известнейших авторов мазаринад был Сирано де Бержерак, чье литературное наследие невелико, но крайне разнообразно. Он отдал дань почти всем распространенным в то время стилям — от героического и жеманно-изысканного (прециозного) до грубо-комического (бурлескного) — и испытал свои силы во всех основных литературных жанрах, в том числе, писал политические памфлеты в 1648–1649 гг. — «Прогоревший государственный министр»³, «Бескорыстный газетчик», «Современная Сивилла», «Верный советник»⁴ и др.

³ Перевод этого памфлета на русский язык выполнил М.Д. Яснов, см.: Ростан 1997: 239–249.

⁴ *Cyrano de Bergerac S. de. Le Ministre d'Etat flambé*. P.: Jouxte la coppie imprimée à Paris, 1649; *Idem. Le gazetier des-interressé*. P., 1649; *Idem. Lettre de consolation envoyee à Madame la duchesse de Rohan. Sur la mort de feu Monsieur le duc de Rohan son fils, surnommé Tancrede*. P.,

Жан-Луи Гез де Бальзак, член Французской академии, историограф Франции, которого современники называли «королем писателей», также являлся автором мазаринад⁵.

Поль Скаррон — выдающаяся личность в истории мазаринад. Его роли в политических дискуссиях периода Фронды посвящена гл. XXIII в романе А. Дюма «Двадцать лет спустя». С 1648 г. Скаррон сочинил несколько поэтических памфлетов против кардинала Мазарини, в марте 1651 г. выпустил в свет текст под названием «Мазаринада» (*La Mazarinade*)⁶, что дало название всем политическим памфлетам времен Фронды. Поль Скаррон отличался удивительным остроумием, как поэт, прославился созданием жанра бурлеска. С помощью бурлескной поэзии Скаррону удавалось смешивать и выворачивать наизнанку четко разграниченные тогда литературные стили, говорить о возвышенном и героическом тривиально, простонародным языком⁷. Пародия, шутки и смех широко использовались в качестве орудий в политической борьбе.

Следует учитывать, что ни одна из мазаринад не появлялась случайно, без причины. Как правило, она касалась целого блока событий и порождала вереницу взаимосвязанных текстов. В окружении главных участников Фронды были группы наемных авторов, которые пером защищали своих патронов, публикуя как авторские, так и анонимные тексты. Более того, они часто переходили из лагеря в лагерь, продолжая писать, только теперь уже в защиту нового патрона и порицая бывшего благодетеля. Сочинительство хорошо оплачивалось, постепенно превращаясь в профессию. Памфлеты писали против и в поддержку как Мазарини, так и королев, принца Конде, Гастона Орлеанского, кардинала де Реца (Гонди) и др. Велась ожесточенная полемика вокруг по-

1649; *Idem*. La Sybille moderne, ou L'oracle du temps. P., 1649; *Idem*. Le conseiller fidele. P., 1649.

⁵ См., например: *Balzac J.-L. G. de*. Lettre de monsieur de Balzac à monseigneur le duc de Beaufort du 31. Janvier 1649. P., 1649.

⁶ Текст опубликован С. Морю в: *Moreau C.* Choix de mazarinades. P., 1853. Т. 2. Р. 241–253.

⁷ См., например: *Scarron P.* Triolets de Saint-Germain. S.l., 1649.

литического могущества Парижского парламента. В период Фронды непрестанно складывались и распадались различные «партии» и все они воевали, в том числе, перьями⁸. Собственные печатни и группы авторов были у Парижского парламента, у герцога д'Эпернона, у Гонди, у принца Конде, у Гастона Орлеанского, у кардинала Мазарини.

Приведу несколько примеров. Жак Карпентье де Мариньи — поэт и писатель — вначале писал для Гастона Орлеанского, затем трудился в 1648 г. под руководством Гонди, а позже, с 1649 г. — принца де Конде⁹, был замешан во всех интригах периода Фронды, сочинял замечательные стихи против как Мазарини, так и представителей знати.

Господин дю Портай, адвокат Парижского парламента, писал мазаринады в поддержку принца де Конде¹⁰. Жан-Франсуа Сарразен — поэт, автор ряда мазаринад в жанре бурлеска, вначале служил Гонди, даже сидел в Бастилии за оскорбление короля, но с 1649 г. поступил на службу принца де Конде в качестве секретаря в его поместьях в Шампани и оттуда силой пера поддерживал своего покровителя¹¹. Кюре Жан Русс — священник церкви Сен-Рох в Париже — был активным участником Фронды, фактически возглавлял группу священников, боровшихся с Мазарини, автором пяти мазаринад, но не поддерживал ни Гонди, ни

⁸ Подробнее о «партиях» и опубликованных ими брошюрах: Carrier 1989: 82–86.

⁹ См. тексты Мариньи в поддержку принца Конде: [Marigny J.]. *L'Oygnon, ou L'union, qui fait mal à Mazarin, avec quelques autres pièces du temps, contre luy*. P., 1649; *Idem*. Relation veritable de ce qui se passa le Mardy deuxième de Juillet, au Combat donné au Fauxbourg saint Anthoine, entre les Troupes du C. M. commandées par les Mareschaux de Turennes et de la Ferté, et celles de Monsieur le Duc d'Orleans et de Monsieur le Prince. P., 1652.

¹⁰ *Du Portail*. Discours sur la deputation du Parlement. A Mr. le Prince de Condé. S.l., 1649.

¹¹ См., например: *Sarasin J.-F.* Coq-à-l'asne, ou Lettre burlesque du sieur Voiture ressuscité, au preux chevalier Guischeus, alias le mareschal de Grammont, sur les affaires et nouvelles du temps. P., 1649; *Idem*. Les dernières paroles et la mort de madame la princesse douairiere de Condé. S.l., 1650.

принцев¹². Он ни к кому не присоединялся, но со всеми взаимодействовал и спорил, в том числе, в своих текстах¹³. Клод Дюбоск-Монтандре был одним из самых плодовитых памфлетистов. Вначале состоял на службе у Гонди, а в 1650 г. перешел к принцу де Конде и написал несколько десятков мазаринад¹⁴. Ги Жоли, племянник писателя Клода Жоли, тоже трудился в «команде» Гонди¹⁵, служил советником Парламента и секретарем Гонди, позже написал и опубликовал собственные мемуары¹⁶, в том числе и о событиях периода Фронды.

В окружении Гастона, герцога Орлеанского, дяди короля, писал памфлеты и являлся активным участником Фронды маркиз Шарль де Л'Обепин — дипломат, советник Парижского парламента, хранитель печати, участник заговора «Высокомерных» против Мазарини, известный современникам под именем Шатонёф¹⁷. В поддержку Гастона Орлеанского также писали памфлеты аббат Матье де Морг и барон Клод де Шовиньи, известный под именем «Блот», причем последний часто писал в поэтической форме. Франсуа Эд де Мезерэ — историк, официальный историограф Людови-

¹² Golden 1982: 461–485.

¹³ *Rousse J. Advis aux grands de la terre. Sur le peu d'assurance qu'ils doivent avoir en leurs grandeurs. Dedié aux conservateurs de leurs vies.* P., 1649; *Idem. La France languissante, résolue à vaincre ou à périr.* P., 1649 и др.

¹⁴ См., например: *Du Bosc de Montandre C. Discours d'estat, ou il est prouvé par un raisonnement invincible que la perte du Mazarin et la délivrance des Princes sont absolument necessaires pour calmer les troubles de la Monarchie. Et qu'à moins de cela, il faut se resoudre à vivre toujours, ou dans la crainte, ou dans les effets d'une Guerre Civile.* P., 1649; *Idem. La satyre des satyres du temps.* P., 1649; *Idem. L'aveuglement de la France, depuis la minorité.* P., 1650 и др. В нашей коллекции хранится 12 идентифицированных памфлетов Дюбоск-Монтандре.

¹⁵ Кардинал де Рец 1997: 354.

¹⁶ Joly 1718.

¹⁷ См. мазаринады: *Verderonne C.-Ch. de L'Aubespine. Agreeable recit de ce qui s'est passe aux dernieres barricades de Paris. Descrites en vers burlesques.* P., 1649; *Idem. Advis important de Mr de Chasteauneuf, donné avant le depart de Sa Majesté de Fontainebleau. Touchant la resolution qu'on doit prendre sur le mécontentement de Monseigneur le Prince.* P., 1651 и др.

ка XIV, член Французской Академии с 1648 г., а с 1650 г. ответственный за составление словаря французского языка, публиковал мазаринады под псевдонимом Sandricourt¹⁸, защищая королевский двор, короля, королеву и интересы государства в целом¹⁹.

Среди авторов мазаринад были женщины. Некоторые из них не скрывались под псевдонимами, а открыто заявляли об авторстве. Современники высмеивали тексты Шарлотты Эно, сестры или родственницы печатника Жана Эно, которая опубликовала шесть глупых, по мнению критиков, текстов²⁰. А вот Сюзанна де Нервез писала памфлеты²¹, отличавшиеся прекрасным стилем, рассуждала о политике, о казни английского короля и нравственности.

В «партии» Мазарини писали памфлеты Теофраст Ренодо — издатель и основатель первой газеты «La Gazette»; Жан Силон — секретарь Ришелье и Мазарини, политический теоретик, член Французской Академии; известный поэт Исаак Бенсерад²²; адвокат парижского Парламента Блюэ; Дэни-Антим Коон — епископ Нимский и Дольский²³; епископ и проповедник королевы, публицист на службе у Мазарини

¹⁸ *Sandricourt*. La descente du polit. lutin aux limbes, sur l'enfance et les maladies de l'État. Demande au vendeur «Le politique lutin» et «L'accouchée espagnole», car en voici la suite. Par le Sieur de Sandricourt. P., 1652 и др. В Исторической библиотеке хранятся 20 текстов Сандрикура.

¹⁹ Подробнее о нем см.: Carrier 1991: 60–66.

²⁰ См., например: *Henault Ch.* Les Admirables sentiments d'une fille villageoise, envoyez a M. le prince de Conde touchant le party qu'il doit prendre. P., 1649.

²¹ *Nervèze S. de*. La Monarchie affligée, avec ses consolations politiques et chrestiennes, à Mgr le prince de Conty. P., 1649; *Idem*. Lettre de consolation à la reine d'Angleterre, sur la mort du roy son mary. Et ses dernieres paroles. P., 1649 и др.

²² *Benserade I. de*. Stances sur le retour de Monseigneur le Cardinal Mazarin par M. de Benserade. P., [1652].

²³ *Cohon A.-D.* Lettre intercepte du sieur Cohon, cy-devant evesque de Dol, contenant son intelligence et cabale secrette avec Mazarin. P., 1649.

Франсуа ле Фор²⁴. В защиту Мазарини выступали анонимные авторы, в частности, один из них опубликовал известную «Апологию кардинала»²⁵. Но наибольшей поддержкой Мазарини пользовался у Габриэля Ноде, известного ученого и библиотекаря кардинала²⁶.

Мазаринады оказались предметом коллекционирования уже в период Фронды. Одним из первых стал собирать памфлеты именно библиотекарь Мазарини — Габриэль Ноде. Коллекционировали критические брошюры и в Королевской библиотеке. Многие участники и свидетели печатных боев тоже старались припрятать мазаринады. В XVIII в. частные коллекционеры проявили интерес к публикациям периода Фронды. В дальнейшем мазаринады превратились в ценный объект коллекционирования и стали частью книжных фондов самых известных библиотек мира. Библиотека Мазарини является самым крупным хранилищем мазаринад, насчитывающем около 25 000 памфлетов и рукописей, включая дублеты. За пределами Франции мазаринады хранятся в крупнейших библиотеках Германии, России, Великобритании, Австрии, Бельгии, Нидерландов, Дании, Испании, Швейцарии, США и Японии.

Переломным моментом в истории изучения мазаринад считается середина XIX века. В 1850–1851 гг. был опубликован фундаментальный трехтомный труд Селестена Моро «Библиография мазаринад»²⁷, включивший выявленные и изученные им 4082 памфлета. В дополнение к третьему тому

²⁴ *Faure F. La verité toute nue ou Advis sincere et des-interessé Sur les veritables causes des maux de l'Estat, et les moyens d'y apporter le remede. P., 1652.*

²⁵ *Apologie pour monseigneur le cardinal Mazarin, tiree d'une conference entre Son Eminence et Monsieur ***** homme de probite et excellent casuiste. Tenue a Saint Germain en Laye deux jours consecutifs. Premiere [-seconde] journee. P., 1649.*

²⁶ Г. Ноде — личность особо почитаемая среди библиотекарей, его перу принадлежит одна из часто читаемых в мире книг — «Советы по созданию библиотеки» (1627), см. репринтное воспроизведение прижизненного и отредактированного автором издания 1644 г.: Naudé 1990.

²⁷ Moreau 1850–1851.

Моро добавил вновь обнаруженные 229 изданий²⁸. Позже он нашел еще несколько сот памфлетов и привел их названия в двух статьях²⁹. С. Моро также опубликовал 95 мазаринад, по его мнению, особо примечательных, в двухтомнике, снабдил тексты комментариями³⁰. Список Моро дополняли ван дер Хаген³¹, Эмиль Сокард³², Йоханнес Шутце³³ и Эрнест Лабади³⁴ и многие другие исследователи и библиотекари. Однако общего централизованного списка или базы данных всех мазаринад не существует до настоящего времени. Дело в том, что историки никак не договорятся, что именно включать в состав мазаринад. То, что происходило в годы Фронды, назревало задолго до начала открытой конфронтации сторон. Закончилась Фронда тоже не одномоментно. И поскольку каждому политическому процессу свойственны особые этапы развития и завершения, сообщество современных исследователей мазаринад предлагает классифицировать тексты, идентифицируемые как мазаринады, по семи критериям:

1) основные мазаринады, которые соответствуют принципам отбора мэтров в области изучения мазаринад (С. Моро и Ю. Каррье) по параметрам даты и содержания;

2) пре-мазаринады, изданные в 1647 г. и тематически связанные с более поздними текстами;

3) пост-мазаринады, появившиеся после 1653 г. и написанные непосредственными участниками Фронды в ответ на более ранние мазаринады;

4) мета-мазаринады — публикации периода Фронды, в которых оцениваются мазаринады;

²⁸ Moreau 1851, t. 3: 419–464.

²⁹ Moreau 1862, 1869.

³⁰ Moreau 1853.

³¹ Haeghe 1859: 384–395. В реальности не дополнил, а уточнил данные по некоторым изданиям из «Библиографии» С. Моро.

³² Socard 1874. Добавил 102 издания.

³³ Schütze 1881: 3–34. Добавил 77 изданий.

³⁴ Labadie 1904. Добавил 346 изданий.

5) плюри-мазаринады — сборники мазаринад, составленные авторами или владельцами мазаринад периода Фронды;

6) квази-мазаринады — тексты, опубликованные во время Фронды и явно не связанные с событиями, личностями или общественным мнением периода Фронды;

7) пери-мазаринады — тексты, опубликованные в период Фронды, но не связанные напрямую с ней, не входящие во все предыдущие категории³⁵.

Безусловно, все эти критерии важны при составлении различных баз данных и библиографий. Причем каждая библиотека, обладательница какой-либо части мазаринад, создает собственные перечни или каталоги, но одного центрального международного ресурса, включающего все выявленные мазаринады, пока не создано.

Поэтому до сих пор при описании любой коллекции мазаринад принято указывать номер мазаринады из «Библиографии мазаринад» С. Моро. Моро также ввел практику систематизации мазаринад не по авторам, а по названиям, в алфавитном порядке. Дело в том, что авторство подавляющего числа мазаринад является неизвестным или вымышленным, а название напечатано на обложке брошюры и неизменной величиной. «Библиография» С. Моро с добавлениями составляет ядро или корпус основных мазаринад, признаваемых таковыми по датировке и содержанию (4607 мазаринад).

Мазаринады — источник сложный и недооцененный. История их появления, авторства, идейной наполненности, путей распространения, роли в политической борьбе, влияния на развитие книжной и политической культуры Франции изучены далеко не полностью. Если раньше, на протяжении XVIII–XX вв., мазаринады оставались диковинкой, цитировались в исторических исследованиях эпизодически, то на рубеже XX–XXI столетий памфлеты стали привлекать внимание специалистов различных гуманитарных дисцип-

³⁵ Подробнее о категориях см.: Электронный ресурс [режим доступа: <http://mazarinades.org/7-liste-des-genres-categories/>, дата обращения — 15.08.2024].

лин, занимающихся письменным наследием. Современные историки, литературоведы, лингвисты, политологи, социологи все больше используют междисциплинарные подходы и цифровые инструменты в работе с мазаринадами не только в истории, а в плоскостях истории французского языка и литературы, истории книги и средств массовой информации, истории политических идей, редактирования и распространения изданий, восприятия и использования печатного слова, влияния технологий печатного производства на интеллектуальные процессы и др. Одним из перспективных направлений в изучении мазаринад является выяснение каким образом представительные коллекции мазаринад оказались в библиотеках разных стран.

Эти многоплановые и многочисленные источники активно изучаются по всему миру, однако скромно присутствуют в российской исторической науке. Одним из первых в отечественной историографии упомянул о мазаринадах Б.Ф. Поршнев³⁶. Первое исследование, посвященное непосредственно мазаринадам, появилось в 1957 г. Ученица Б.Ф. Поршнева Б.Л. Модель опубликовала статью «Новые источники по истории идеологической борьбы во Франции в период Фронды»³⁷, в которой были рассмотрены доступные тогда библиография и историография темы, приведены характеристики мазаринад как исторического источника. Спустя полстолетия Владимир Николаевич Малов в монографии по истории Фронды часть главы посвятил мазаринадам³⁸.

Специалисты по истории Фронды при обращении к мазаринадам, как правило, выбирают от одного до пяти текстов, которые могут в какой-то степени подтвердить их мысль или тезис, но не привлекают мазаринады как основной источник. И это удивительно, потому что на территории нашей страны мазаринады присутствуют в большом количестве, по самым скромным оценкам центральные библиотеки

³⁶ Поршнев 1948.

³⁷ Модель 1957: 131–144.

³⁸ Малов 2009: 397–416.

хранят около 12,5 тыс. текстов (вместе с дублетами). Особенно богатые коллекции мазаринад находятся в Российской национальной библиотеке и Библиотеке академии наук в Санкт-Петербурге, в Российской государственной библиотеке³⁹, Государственной публичной исторической библиотеке России, в библиотеке Томского университета⁴⁰ и, должно быть во многих других, где они еще не выявлены. Французский исследователь, профессор Сорбонны Юбер Каррье приезжал в СССР в начале 1970-х гг. для знакомства с собраниями мазаринад в крупнейших библиотеках Москвы и Ленинграда. В статье «Воспоминания о Фронде в СССР: русские коллекции мазаринад»⁴¹ Ю. Каррье дал обзор коллекций мазаринад в Библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека) и Библиотеке института истории Академии наук (БАН, Институт истории), в Ленинской библиотеке (ныне — Российская государственная библиотека), Исторической библиотеке (ГПИБ России) и Библиотеке Института марксизма-ленинизма (ныне — Центр социально-политической истории — филиал ГПИБ России). С тех пор прошло много лет и ситуация с выявлением мазаринад в библиотечных фондах изменилась.

Остановлюсь подробнее на коллекции мазаринад в Центре социально-политической истории — филиале ГПИБ России. Со времен визита Ю. Каррье коллекция мазаринад удвоилась. В дополнение к конволютам, которые видел французский специалист, были найдены сотни разрозненных отдельных изданий мазаринад.

Коллекция мазаринад в Центре социально-политической истории состоит из отдельных брошюр и конволютов (брошюр, переплетенных в тома, включающих от 33 до 108 аллигатов). Всего в коллекции присутствуют 939 названий мазаринад, 140 из них имеют дублиеты (всего 1079 ед.хр.). Переплетены в шесть томов 437 изданий, отдельных брошюр и книг — 642 ед.хр.

³⁹ Исаева 2010: 168–170.

⁴⁰ Мазаринады 2019.

⁴¹ Carrier 1974: 27–50.

Не во всех мазаринадах в коллекции удалось установить год издания. Из датированных, наиболее хорошо представлены два года — 1649 (439 ед.хр.) и 1652 гг. (509). К 1648 г. относятся шесть брошюр, к 1650-му году — 28, к 1651-му — 37 памфлетов, без даты — 60 изданий.

Место издания во многих мазаринадах отсутствует. Из указанных мест изданий в коллекции абсолютно преобладает Париж. Даже когда указывались другие города, в частности, Антверпен (3 изд.) и Брюссель (3 изд.), настоящим местом издания являлся все-таки Париж. В коллекции представлены по два издания, напечатанных в Руане и Пуатье, по одному — в Камбре, Амьене, Понтуазе и Бордо. 35 мазаринад из коллекции отмечены в «Библиографии» С. Моро как редкие и особо редкие. 18 текстов в коллекции не удалось обнаружить в основном корпусе библиографий мазаринад. Один из этих текстов не удалось обнаружить ни в одной из известных и доступных коллекций, включая Национальную библиотеку Франции⁴².

Пять томов конволютов организованы в хронологическом порядке, содержат вплетенные гравюры, созданные в 1650–1660-е годы. Подавляющее большинство изображений представляют собой гравированные портреты. Коллекционеры или составители конволютов специально подбирали гравюры и целенаправленно вставляли их в тексты при переплетах.

Поиски данных о появлении мазаринад в библиотеке велись по сохранившимся актам приема литературы Института К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ). В 1920-х годах ИМЭ активно приобретал книги и архивные материалы в европейских антикварных и букинистических магазинах, поэтому предполагалось обнаружить среди списков полученных из-за рубежа изданий упоминания о том, где и когда мазаринады были куплены Институтом. Но реальность оказалась иной. Все мазаринады, поступившие в ИМЭ, были получены или приобретены в СССР. В декабре 1927 г. академик Нико-

⁴² *Benserade I. de. Stances sur le retour de Monseigneur le Cardinal Mazarin par M. de Benserade. S.l., [1652].*

лай Петрович Лихачев⁴³, директор Музея палеографии из Ленинграда, направил в ИМЭ «495 экземпляров дублетов мазаринад». Следовательно, значительная часть несброшюрованных мазаринад (495 из 642-х) поступила из ленинградского Музея палеографии. В настоящее время это отдел Библиотеки академии наук при Санкт-Петербургском институте истории (СПБИН).

С переплетенными томами мазаринад (конволютами) история сложилась иная. ИМЭ приобретал их у частных лиц. Судя по документам в Книге актов приема литературы в конце 1927 г., один том был куплен у А.И. Аристовой. К сожалению, не удалось обнаружить о ней никаких подробностей. За многие годы ее имя появилось лишь однажды среди продавцов книжных изданий. Спустя пару лет, летом 1929 г., ИМЭ приобрел «три тома подлинников мазаринад» у некоего Д. Гимера, проживавшего в Москве на Петровском бульваре. Чуть позже он продал и четвертый том. Удивительным образом эти тома оказались с таким же характерным переплетом, который был у первого тома, приобретенного Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса у А.И. Аристовой. О личности Дмитрия Дмитриевича Гимера (Гиммера) обнаружилось много данных, обстоятельства его жизни и деятельности отражены в отдельной статье⁴⁴. Удалось выяснить, что конволюты с мазаринадами не имели отношения к личной библиотеке Д.Д. Гимера, а были им перепроданы.

Пять томов конволютов⁴⁵ в ЦСПИ относятся к одной коллекции, имеют похожие переплеты и не только это объе-

⁴³ Подробнее о нем см.: Валк 1978: 335–340.

⁴⁴ Новиченко 2023: 134–165.

⁴⁵ *Recueil de plusieurs pieces curieuses, contre le cardinal Mazarin: Imprimée depuis l'Enlèvement qu'il fit de la Personne du Roy, le 6. Janvier 1649 jusques au 18. Aoust de ladite Année que le Roy retourna dans Paris, en suite de la pacification des Troubles que ce Ministre estrange avoit susietez contre le Parlement, et le Peuple de la Ville de Paris, et autres bons François. Le tout servant à l'Histoire du Temps. Tome second. 1649. S.l., 1649.*

Recueil de plusieurs pieces curieuses, contre le cardinal Mazarin: Imprimée depuis l'Enlèvement qu'il fit de la Personne du Roy, le 6. Janvier 1649 jusques au 18. Aoust de ladite Année que le Roy retourna dans Paris, en suite de la pacification des Troubles que ce Ministre estrange avoit susietez

диняет их. Два тома (2, 3) имеют одно название и год издания (мазаринады в конволютах подобраны в хронологическом порядке за один год); три других тома (1, 9, 12) также отличаются одинаковыми названиями и годом издания. Они когда-то являлись частями одной частной коллекции мазаринад, систематизированной по годам Фронды. Каждый год Фронды (с 1649 по 1652 гг.) имел собственную нумерацию. Больше всего томов было в 1649 и 1652 годах, в силу обилия мазаринад, напечатанных в эти годы. Поэтому два тома (второй и третий) входят в линейку томов за 1649 г., а три тома (1, 9, 12) имеют отношение к линейке томов за 1652 г.

Итак, пять конволютов в ЦСПИ очень похожи по переплетам, оформлению, составу. Их объединяет принадлежность к одной, некогда существовавшей коллекции. Все тома были приобретены библиотекой Института К.Маркса и Ф.Энгельса в 1927 и 1929 гг. Причем четыре из них были проданы одним человеком — Д.Д. Гимером, который позже признавал, что сбывал книги в разные государственные библиотеки и музеи. Следовательно, другие тома с мазаринадами из этой коллекции могут находиться в московских библиотеках и музеях.

Изучая «московские мазаринады», профессор Ю. Каррье в 1970-х гг. обнаружил сходство некоторых конволютов с мазаринадами в Ленинской библиотеке (РГБ), в Исторической библиотеке (ГПИБ) и в библиотеке Института марксизма-ленинизма (ИМЛ, ныне — ЦСПИ, филиал ГПИБ) (Carrier 1989: X). По его мнению, пять конволютов в Ленинке, один в Историчке и пять в ИМЛ имели одинаковые переплеты, экслибрисы, надписи, сделанные одним почерком. Конволюты были приобретены библиотеками или впервые описаны

contre le Parlement, et le Peuple de la Ville de Paris, et autres bons François. Le tout servant à l'Histoire du Temps. Tome troisieme. 1649. S.l., 1649.

Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimée pendant l'Année 1652. Tome I. S.l., 1652.

Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimée pendant l'Année 1652. Tome IX. S.l., 1652.

Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimée pendant l'Année 1652. Tome XII. S.l., 1652.

в 1920-е–1930-е гг., поэтому Каррье предположил, что все эти тома имеют отношение к одной распыленной после 1917 г. коллекции. Судя по уникальному подбору мазаринад и вплетенным гравюрам, коллекция была оформлена в конволюты в конце XVII — начале XVIII вв. во Франции и могла включать от 30 до 45-ти томов мазаринад, составленных, как правило, очень тщательно, без дублетов. В некоторых томах сохранился гербовый экслибрис с ливретками, четырехчастным щитом, короной и рукописными буквами «D.L.», однако кому он принадлежал, установить пока не удалось⁴⁶. Ю. Каррье подчеркнул наличие в этих конволютах редких изданий, даже уникальных, рукописных текстов, плакатов, художественных работ Балтазара Монкорне и других известных гравюров, а также отметил удивительный, предельно строгий хронологический порядок систематизации мазаринад.

Ознакомление с конволютами в отделе редких книг ГПИБ и в Музее книги РГБ, действительно, подтвердило предположение профессора Каррье.

Конвюлот с 98-ю мазаринадами за 1649 г. в отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России имеет переплет, оформление и надписи, идентичные томам, хранящимся в ЦСПИ⁴⁷. Наличествуют четкое хронологическое построение текстов и множество гравюр (16 портретов и картин).

Пять конволютов из коллекции мазаринад в Музее книги Российской государственной библиотеки (тома 20–24)⁴⁸

⁴⁶ Carrier 1989: 45–49.

⁴⁷ Конвюлот имеет общий титульный лист: *Recueil de plusieurs discours, letters, et autres pièces curieuses contre le cardinal Mazarin: et contre ceux qui ont suivy son party: avec autres pieces sur le sujet des troubles. Dédiées ou adressées au roy, et a monseigneur le Duc d'Aniou: a monseigneurs le Duc d'Orleans: a monseigneur le Prince de Condé: et autres princes, seigneurs et prelates. Et imprimées depuis le sixieme de janvier 1649. Que le Roy fut enlevé de Paris, jusques à son retour qui fut le 18 Aoúst de la meme Année. Le tout servant à l'Histoire du Temps. P., 1649.*

⁴⁸ *Recueil de plusieurs pieces curieuses, contre le cardinal Mazarin: Imprimée depuis l'Enleuement qu'il fit de la Personne du Roy, le 6. Januier 1649 jusques au 18. Aoust de ladite Année que le Roy retourna dans Paris, en*

обладают всеми выше перечисленными признаками, касающимися переплета, состава, подбора мазаринад, почерка надписей, обилия гравюр. Более того, все они имеют идентичный экслибрис с ливретками.

Все эти конволюты, бесспорно, происходят из одной коллекции мазаринад, составленной самым тщательным образом знатоком темы, с рукописными комментариями к размещенным в одном томе и в особой последовательности текстам, со специально подобранными вплетенными или вклеенными гравюрами, что отчетливо выделяет эти тома на фоне других известных конволютов с мазаринадами. Разрозненные конволюты в ЦСПИ, ГПИБ и РГБ представляют собой исключительную ценность для библиографов и историков, поскольку содержат много редкостей. А история загадочной коллекции и установление имени ее создателя ждут исследователей.

Все упоминавшиеся в данной статье мазаринады хранятся в Отделе специальных коллекций ЦСПИ — филиале ГПИБ России. А полный перечень мазаринад представлен в Едином электронном каталоге ГПИБ, в коллекции «Mazarinades» — Электронный ресурс [режим доступа: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=1156698>, дата обращения — 11.10.2024].

suite de la pacification des Troubles que ce Ministre estrangeur avoit susietez contre le Parlement, et le Peuple de la Ville de Paris, et autres bons François. Le tout servant à l'Histoire du Temps. Tome cinquieme. 1649. S.l., 1649 (МК. IV-фр. Т. 20); Recueil de plusieurs pieces curieuses sur les affaires du temps. Imprimées depuis le 18. Aoust 1649. auquel jour le Roy retourna dans Paris, jusques à la fin de ladite Année 1649. Le tout servant à l'Histoire du Temps. Tome premier. S.l., 1649 (МК. IV-фр. Т. 21); Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimées pendant l'Année 1650. Tome I. 1650. S.l., 1650 (МК. IV-фр. Т. 22); Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimées pendant l'Année 1650. Tome V. 1650. S.l., 1650 (МК. IV-фр. Т. 23); Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimées pendant l'Année 1651. Tome IV. 1651. S.l., 1651 (МК. IV-фр. Т. 24).

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- Apologie pour monseigneur le cardinal Mazarin, tiree d'une conference entre Son Eminence et Monsieur ***** homme de probite et excellent casuiste. Tenue a Saint Germain en Laye deux jours consecutifs. Premiere [-seconde] journee. P., 1649. 39 p.
- Balzac J.-L.G. de.* Lettre de monsieur de Balzac à monseigneur le duc de Beaufort du 31. Janvier 1649. P., 1649. 7 p.
- Benserade I. de.* Stances sur le retour de Monseigneur le Cardinal Mazarin par M. de Benserade. P., [1652]. 3 p.
- Cohon A.-D.* Lettre intercepte du sieur Cohon, cy-devant evesque de Dol, contenant son intelligence et cabale secrette avec Mazarin. P., 1649. 7 p.
- Cyrano de Bergerac S. de.* La Sybille moderne, ou L'oracle du temps. P., 1649. 15 p.
- Cyrano de Bergerac S. de.* Le conseiller fidele. P., 1649. 8 p.
- Cyrano de Bergerac S. de.* Le gazettier des-interressé. P., 1649. 8 p.
- Cyrano de Bergerac S. de.* Le Ministre d'Estat flambé. P.: Jouxte la coppie imprimée à Paris, 1649. 16 p.
- Cyrano de Bergerac S. de.* Lettre de consolation envoyee à Madame la duchesse de Rohan. Sur la mort de feu Monsieur le duc de Rohan son fils, surnommé Tancrede. P., 1649. 8 p.
- Du Bosc de Montandre C.* Discours d'estat, ou il est prouvé par un raisonnement invincible que la perte du Mazarin et la délivrance des Princes sont absolument necessaires pour calmer les troubles de la Monarchie. Et qu'à moins de cela, il faut se resoudre à vivre toujours, ou dans la crainte, ou dans les effets d'une Guerre Civile. P., 1649. 27 p.
- Du Bosc de Montandre C.* La satire des satyres du temps. P., 1649. 10 p.
- Du Bosc de Montandre C.* L'aveuglement de la France, depuis la minorité. P., 1650. 32 p.
- Du Portail.* Discours sur la deputation du Parlement. A Mr. le Prince de Condé. S.l., 1649. 11 p.
- Faure F.* La verité toute nue ou Advis sincere et des-interressé Sur les veritables causes des maux de l'Estat, et les moyens d'y apporter le remede. P., 1652. 23 p.

Henault Ch. Les Admirables sentiments d'une fille villageoise, envoyez a M. le prince de Conde touchant le party qu'il doit prendre. P., 1649. 7 p.

Joly G. Mémoires de M. Joly. T. 1–2. Rotterdam, 1718.

Marigny J.C. de. L'Oygnon, ou L'union, qui fait mal à Mazarin, avec quelques autres pièces du temps, contre luy. P., 1649. 12 p.

Marigny J.C. de. Relation veritable de ce qui se passa le Mardy deuxième de Juillet, au Combat donné au Fauxbourg saint Anthoine, entre les Troupes du C. M. commandées par les Mareschaux de Turennes et de la Ferté, et celles de Monsieur le Duc d'Orleans et de Monsieur le Prince. P., 1652. 31 p.

Nervèze S. de. La Monarchie affligée, avec ses consolations politiques et chrestiennes, à Mgr le prince de Conty. P., 1649. 7 p.

Nervèze S. de. Lettre de consolation à la reine d'Angleterre, sur la mort du roy son mary. Et ses dernieres paroles. P., 1649. 8 p.

Recueil de plusieurs discours, letters, et autres pièces curieuses contre le cardinal Mazarin: et contre ceux qui ont suivy son party: avec autres pieces sur le sujet des troubles. Dédiées ou adressées au roy, et a monseigneur le Duc d'Aniou: a monseigneurs le Duc d'Orleans: a monseigneur le Prince de Condé: et autres princes, seigneurs et prelates. Et imprimées depuis le sixieme de janvier 1649. Que le Roy fut enlevé de Paris, jusques à son retour qui fut le 18 Aoûst de la meme Année. Le tout servant à l'Histoire du Temps. P., 1649.

Recueil de plusieurs pieces curieuses sur les affaires du temps. Imprimées depuis le 18. Aoust 1649. auquel jour le Roy retourna dans Paris, jusques à la fin de ladite Année 1649. Le tout servant à l'Histoire du Temps. Tome premier. S.l., 1649.

Recueil de plusieurs pieces curieuses, contre le cardinal Mazarin: Imprimée depuis l'Enleuement qu'il fit de la Personne du Roy, le 6. Janvier 1649 jusques au 18. Aoust de ladite Année que le Roy retourna dans Paris, en suite de la pacification des Troubles que ce Ministre estranger avoit susietez contre le Parlement, et le People de la Ville de Paris, et autres bons François. Le tout servant à l'Histoire du Temps. Tome second. 1649. S.l., 1649.

Recueil de plusieurs pieces curieuses, contre le cardinal Mazarin: Imprimée depuis l'Enleuement qu'il fit de la Personne du Roy, le 6. Janvier 1649 jusques au 18. Aoust de ladite Année que le Roy retourna dans Paris, en suite de la pacification des Troubles que ce Ministre estranger avoit susietez contre le Parlement, et le People

- de la Ville de Paris, et autres bons François. Le tout servant à l'Histoire du Temps. Tome troisieme. 1649. S.l., 1649.
- Recueil de plusieurs pieces curieuses, contre le cardinal Mazarin: Imprimée depuis l'Enleuement qu'il fit de la Personne du Roy, le 6. Januier 1649 jusques au 18. Aoust de ladite Année que le Roy retourna dans Paris, en suite de la pacification des Troubles que ce Ministre estranger avoit susietez contre le Parlement, et le Peuple de la Ville de Paris, et autres bons François. Le tout servant à l'Histoire du Temps. Tome cinquieme. 1649. S.l., 1649.
- Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimée pendant l'Année 1652. Tome I. S.l., 1652.
- Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimée pendant l'Année 1652. Tome IX. S.l., 1652.
- Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimée pendant l'Année 1652. Tome XII. S.l., 1652.
- Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimées pendant l'Année 1650. Tome I. 1650. S.l., 1650.
- Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimées pendant l'Année 1650. Tome V. 1650. S.l., 1650.
- Recueil de plusieurs pieces curieuses, sur les affaires du temps, et autres. Imprimées pendant l'Année 1651. Tome IV. 1651. S.l., 1651.
- Rousse J.* Advis aux grands de la terre. Sur le peu d'assurance qu'ils doivent avoir en leurs grandeurs. Dedié aux conservateurs de leurs vies. P., 1649. 11 p.
- Rousse J.* La France languissante, résolue à vaincre ou à périr. P., 1649. 16 p.
- Sandricourt.* La descente du polit. lutin aux limbes, sur l'enfance et les maladies de l'État. Demande au vendeur «Le politique lutin» et «L'accouchée espagnole», car en voici la suite. Par le Sieur de Sandricourt. P., 1652. 24 p.
- Sarasin J.-F.* Les dernieres paroles et la mort de madame la princesse douairiere de Condé. S.l., 1650. 7 p.
- Sarasin J.-F.* Coq-à-l'asne, ou Lettre burlesque du sieur Voiture ressuscité, au preux chevalier Guischeus, alias le mareschal de Grammont, sur les affaires et nouvelles du temps. P., 1649. 8 p.
- Scarron P.* Triolets de Saint-Germain. S.l., 1649. 8 p.
- Verderonne C.-Ch. de L'Aubespine.* Advis important de Mr de Chasteauneuf, donné avant le depart de Sa Majesté de

Fontainebleau. Touchant la resolution qu'on doit prendre sur le mécontentement de Monseigneur le Prince. P., 1651. 15 p.

Verderonne C.-Ch. de L'Aubespine. Agreeable recit de ce qui s'est passe aux dernieres barricades de Paris. Descrites en vers burlesques. P., 1649. 23 p.

ЛИТЕРАТУРА

Валк 1978 — *Валк С.Н.* Николай Петрович Лихачев // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. IX. С. 335–340.

Исаева 2010 — *Исаева А.А.* Коллекция мазаринад в фонде иностранной старопечатной книги НАО редких книг (Музей книги) Российской государственной библиотеки // Румянцевские чтения–2010. Материалы международной научной конференции (20–22 апреля 2010). М., 2010. Ч. 1. С. 168–170.

Кардинал де Рец 1997 — *Кардинал де Рец.* Мемуары. М., 1997.

Мазаринады 2019 — Мазаринады в книжном собрании Г.А. Строганова (1770–1857): каталог / Сост. и автор предисл. О.В. Крупцева; отв. ред. В.А. Есипова. Томск, 2019.

Малов 2009 — *Малов В.Н.* Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009.

Модель 1957 — *Модель Б.Л.* Новые источники по истории идеологической борьбы во Франции в период Фронды // Ученые записки Кишиневского педагогического института. Киев, 1957. Т. XXVI. С. 131–144.

Новиченко 2023 — *Новиченко И.Ю.* Гимер (Гиммер) Дмитрий Дмитриевич — комплектатор библиотек Института В.И. Ленина, Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1924–1942 гг.) // Рязановские чтения (Восьмые): материалы международной научной конференции «Школа революции: политическое образование и самообразование во второй половине XIX — начале XX века». М., 2023. С. 134–165.

Поршнева 1948 — *Поршнева Б.Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.; Л., 1948.

Ростан 1997 — *Ростан Э.* Сирано де Бержерак. СПб., 1997.

Carrier 1989 — *Carrier H.* La presse de la Fronde (1648–1653): les Mazarinades. La conquête de l'opinion. Genève, 1989.

- Carrier 1991 — *Carrier H.* La presse de la Fronde (1648–1653): les Mazarinades. Les hommes du livre. Genève, 1991.
- Carrier 1974 — *Carrier H.* Souvenirs de la Fronde en U.R.S.S : les collections russes de Mazarinades // *Revue Historique*. 1974. № 511. P. 27–50.
- Golden 1982 — *Golden R.M.* Jean Rousse, Religious Frondeur // *French Historical Studies*. 1982. Vol. 12, No. 4. P. 461–485.
- Haeghen 1859 — *Haeghen Ph. van der.* Notes biographiques sur les mazarinades. // *Bulletin du bibliophile belge*. 1859. T. 15. P. 384–395.
- Jouhaud 2009 — *Jouhaud C.* La Fronde des mots. P., 2009.
- Labadie 1904 — *Labadie E.* Nouveau Supplément a la Bibliographie des Mazarinades. P., 1904.
- Moreau 1862 — *Moreau C.* Supplément à la Bibliographie des mazarinades // *Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire*. 1862. P. 786–829.
- Moreau 1869 — *Moreau C.* Supplément à la Bibliographie des mazarinades // *Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire*. 1869. P. 61–81.
- Moreau 1850–1851 — *Moreau C.* Bibliographie des mazarinades. P., 1850–1851. 1–3 vols.
- Moreau 1853 — *Moreau C.* Choix de mazarinades. T. 1–2. P., 1853.
- Naudé 1990 — *Naudé G.* Advis pour dresser une bibliothèque. Précédé de L'Advis, manifeste de la bibliothèque érudite / Par C. Jolly. P., 1990.
- Schütze 1881 — *Schütze J.* Sur quelques Mazarinades de la Bibliothèque royale publique de Dresde // *Programm des Königlichen Gymnasiums zu Dresden-Neustadt Womit zu den öffentlichen Prüfungen der Klassen am 1. und 2. April im Namen des Lehrerkollegiums ergebend einladet Rektor Professor Dr. Hugo Ilberg VII.* Dresden, 1881. S. 3–34.
- Socard 1874 — *Socard E.* Supplément a la Bibliographie des Mazarinades. P., 1874. 31 p.

ОБ АВТОРАХ

ДЖАКСОН ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ДМИТРИЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА — доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

КИРИЛЛОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (Москва)

КОНОВАЛОВА ИРИНА ГЕННАДИЕВНА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН (Москва)

ЛАЗАРЕВА АРИНА ВЛАДИМИРОВНА — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

МИШИН ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

НОВИЧЕНКО ИРИНА ЮРЬЕВНА — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, зав. Отделом специальных коллекций Государственной публичной исторической библиотеки России (Москва)

ПЕТРОВА МАЙЯ СТАНИСЛАВОВНА — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ПЧЕЛОВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — кандидат исторических наук, зав. кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии Исторического факультета ИАИ РГГУ (Москва)

ABSTRACTS

OLGA V. DMITRIEVA

**TEXT AND ITS VISUAL INTERPRETATION
IN JOHN DERRICK'S PAMPHLET "THE IMAGE OF IRELAND,
WITH A DISCOVERIE OF WOODKARNE" (1581)**

The article focuses on John Derrick's pamphlet "The Image of Ireland, with a Discoverie of Woodkarne", printed in 1581 by the 'major printer of the English Reformation' John Day. The book included a series of twelve woodcuts, unusual for such a cheap popular publication. The author analyses the interaction between the text, aimed at the apology of Sir Henry Sidney's policy, and its visual interpretation, and demonstrates how the main poetic text, marginal notes, illustrations and versified captions were used for the deployment of Derrick's ideas.

Pamphlet, John Derrick, John Day, Henry Sidney, Ireland, «The Image of Ireland», woodcuts, visual propaganda

TATJANA N. JACKSON

**TOWARDS A DISCUSSION ON THE RELIABILITY
OF SKALDIC POETRY AS A HISTORICAL SOURCE:
FROM SNORRI STURLUSON TO THE PRESENT DAY**

In his prologues to the compendium of the kings' sagas "Heimskringla" and to the "Separate Saga of St Óláfr", Snorri Sturluson, an Icelandic politician and writer of the early thirteenth century, expresses his opinion on the historical value of the Icelandic skaldic poetry as a source of reliable information. Snorri puts forward four criteria for the reliability of sources: the authority of wise people of the past, the impossibility of telling a deliberate lie into one's face, eyewitness testimony, and correctly

composed skaldic verse. In addition, he clearly articulates the difference between prose and poetic forms of communication in terms of their potential susceptibility to distortion during the process of oral transmission. Snorri recognizes “correctly composed” skaldic verses “as completely reliable evidence”. The paper compares the “source criticism” of a medieval historian with the attitude of modern saga scholars to skaldic verses as a source.

Snorri Sturluson, Norwegian history, “Heimskringla”, “The Separate Saga of St Óláfr”, source criticism, skaldic poetry, Icelandic sagas, prosimetrum

EKATERINA N. KIRILLOVA

**COLLECTION AS A CULTURAL PHENOMENON AND A HISTORICAL SOURCE
(ON THE EXAMPLE OF THE «LAMOIGNON MANUSCRIPTS COLLECTION»)**

The author considers the description of a collection as a special type of historical sources, which allows to set and solve a number of research tasks that are not relevant to single documents or small collections. Using the example of a unique collection of documents of the mid-16th century — «Lamoignon Manuscript Collection» (RGADA. F. 81) — the possibilities of such studies are considered, first of all, through the creation of samples. The author also presents the progress of the preparation of the publication, which will give a full description of this collection.

“Lamoignon Manuscript Collection”, RGADA, collection description, samples

IRINA G. KONOVALOVA

**TO THE QUESTION OF SOURCES
ON THE HISTORY OF MEDIEVAL CARTOGRAPHY**

The paper raises the question of the role of non-cartographic sources on the history of medieval cartography. This problem is

revealed on the basis of medieval Islamic geography, in which the maps that have survived to this day were almost exclusively associated — contrary to expectations — not with treatises on astronomical geography, but with descriptive geographical works of various genres. Thanks to this, we have the opportunity to compare different methods of presentation, interpretation and conceptualization of geographical information that were used by the compiler of the text, on the one hand, and the cartographer, on the other. Taking into account the specifics of the descriptive and cartographic form of spatial information is important not only for examining the general problem of the relationship between the map and the verbal description in medieval geographical sources, but also for the correct reading of the maps themselves, understanding what is actually depicted on them and why it is localized in this way.

Map, description, medieval Islamic geography, medieval Islamic cartography, "Classical school" of Arab geographers of the 10th century

ARINA V. LAZAREVA

**VISUAL SOURCES IN THE EARLY MODERN TIME:
A HISTORY OF THE STUDY OF GERMAN ILLUSTRATED
POLITICAL BROADSHEETS OF THE 16TH–17TH CENTURIES**

The paper is devoted to the history of German illustrated political broadsheets of the 16th–17th centuries — a unique source in which the image and text appear as a single whole. Illustrated broadsheets are a specific document reflecting the diversity of political, socio-economic and cultural practices in early modern Germany. In the 17th century they have become the most popular type of mass printed products, earning the attention of the uneducated segments of the population thanks to the engraving at the top of the sheet and their affordable price. Despite the fact that the variety of plots of illustrated broadsheets is inexhaustible, they, nevertheless, have been waiting for their researcher for a long time. The complexity of their understanding, adequate explanation and inclusion in the complex of historical

sources required a long discussion about the terms, methods and approaches to this document. Particular emphasis on the visual component of the source led to a new understanding of the term itself. Historiography gradually abandoned the use of the concept of “flying leaflet” in favor of the term “illustrated broadsheets,” which more fully reflects their source specificity. It is emphasized by the inclusion of these documents in the category of media sources.

Illustrated broadsheets, engravings, Baroque, Germany, historical sources, visual history, media sources

DMITRIY E. MISHIN

**A CONTRIBUTION TO THE INTERPRETATION
OF MEDIAEVAL MUSLIM WRITERS' STORIES
OF SASANID KING ARDASHIR I (225–240)'S
MILITARY EXPEDITION TO THE REGION OF AL-BAHRAYN**

A number of mediaeval Muslim treatises contain accounts of a campaign made by Sasanid king Ardashir I (225–240) to the region of al-Baḥrain and his victory over the local king Sanaṭruḳ. A study of those accounts suggests that they actually describe the war between Ardashir and the king of the city of Hatra, which ended with its capture by the Sasanid troops in 240. At this stage of the research, there are grounds to believe that the accounts of Muslim writers arose out of mixture of stories of different events one of which is the Sasanid campaign against Hatra in 240.

Sasanids, Ardashir I, Hatra, Arabia

IRINA YU. NOVICHENKO

MAZARINADES: FRENCH SOURCES OF THE MID-17TH CENTURY

The article is devoted to Mazarinades as historical sources on the history of the Fronde in France in the mid-17th century. The features of the emergence of pamphlets are considered, quantitative data, geography of distribution are provided, the

problem of authorship and the most famous authors, features of the bibliographic description of Mazarinades, the use of these sources in Russian historiography are discussed. Special attention is paid to the collection of Mazarinades in the Center of Social and Political History — a branch of the State Public Historical Library of Russia, the circumstances of the emergence of the collection and the prospects for continuing research in this area.

Mazarinades, history of the Fronde, collections of Mazarinades, Mazarinades in Russia, history of France in the mid-17th century, history of collections

MAYA S. PETROVA

**PETER ABELARD AND MACROBIUS:
ON THE PERCEPTION OF ANCIENT KNOWLEDGE IN THE MIDDLE AGES**

The paper analyzes the texts of Peter Abelard (1079–1142), usually mentioned among the medieval authors who were influenced by Macrobius' *Commentary on the 'Dream of Scipio'* (5th c.). The passages from Peter Abelard's works (*Dialogus inter philosophum*, *Epitome theologiae christianae*, *Introductio ad theologiam* et cet.), which contain quotations, lexical and thematic similarities with Macrobius' *Commentary on the 'Dream of Scipio'* are under consideration, as well as the mentions of the title of this work or the name and names of Macrobius. The level of knowledge and the degree of Peter Abelard's use of Macrobius' text and, accordingly, the influence exerted by him are determined. It is concluded that, in contrast to the opinion widespread in science, it hardly makes sense to talk about the tangible influence of Macrobius' *Commentary on the 'Dream of Scipio'* on Peter Abelard. Rather, it should be assumed, that the ideas perceived by the medieval scholar and reflected in his texts went back to Macrobius as well. Under the influence exerted by Macrobius' *Commentary on the 'Dream of Scipio'* on Peter Abelard, one should mean both his knowledge about Macrobius himself and his work, and the varying degree of his use of this treatise.

Middle Ages, text, composition, influence, similarity, tradition

EVGENIY V. PCHELOV

**WESTERN EUROPEAN EMBLEMATICS AND HERALDRY
OF THE 15TH–17TH CENTURIES AND ITS INFLUENCE ON THE SYMBOLISM
OF THE NOBLE COATS OF ARMS OF THE RUSSIAN EMPIRE**

The paper analyzes the ways of forming the emblematic repertoire of Russian noble heraldry in the initial period of its formation and codification. Several such methods have been identified, represented by borrowings of emblems and coat of arms figures from Western European emblematic and heraldic collections. In addition to the quite natural use of Peter the Great's edition of "Symbols and Emblemata", based on the French emblematic tradition, these were also borrowings from C. Ripa's "Iconology" and the heraldic heritage, ultimately dating back to the fantasy coats of arms from Ulrich von Richenthal's "Chronicle". Subsequent studies will certainly discover new lines of continuity between Western European emblematic and heraldic publications and the domestic corpus of family coats of arms.

Coat of arms, emblem, symbolism, family heraldry

CONTENTS

EKATERINA N. KIRILLOVA, IRINA G. KONOVALOVA

On the importance of source studies and the diversity of historical sources: Instead of a preface.....	5
--	---

INFLUENCES AND INTERPRETATIONS

DMITRIY E. MISHIN

A contribution to the interpretation of medieval Muslim writers' stories of Sasanid king Ardashir I (225–240)' military expedition to the region of al-Bahrayn.....	14
---	----

MAYA S. PETROVA

Peter Abelard and Macrobius: On the perception of ancient knowledge in the Middle ages	24
--	----

OLGA V. DMITRIEVA

Text and its visual interpretation in John Derrick's pamphlet "The Image of Ireland, with a Discoverie of Woodkarne" (1581)	40
---	----

EVGENIY V. PCHELOV

Western European emblematic heraldry of the 15th–17th centuries and its influence on the symbolism of the noble coats of arms of the Russian empire.....	60
--	----

MENTAL PROJECTIONS OF TIME AND SPACE

TATJANA N. JACKSON

Towards a discussion on the reliability of skaldic poetry as a historical source: From Snorri Sturluson to the present days.....	67
--	----

IRINA G. KONOVALOVA

To the question of sources on the history of Medieval cartography.....	83
--	----

MASS HISTORICAL SOURCES

EKATERINA N. KIRILLOVA

Collection as a cultural phenomenon and a historical source: On the example of the “Lamoignon manuscript collection”	101
--	-----

ARINA V. LAZAREVA

Visual sources in the early Modern time: A history of the study of German illustrated political broadsheets of the 16th–17th centuries.....	124
---	-----

IRINA IU. NOVICHENKO

Mazarinades: French sources of the mid-17th century.....	152
--	-----

ABOUT AUTHORS	174
---------------------	-----

ABSTRACTS.....	175
----------------	-----

CONTENTS.....	181
---------------	-----

DIGITAL OBJECT IDENTIFIERS (DOI)

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/>; <http://www.doi.org/>

ДЖАКСОН Т.Н.

<https://doi.org/10.21267/w4705-8518-3437-w>

ДМИТРИЕВА О.В.

<https://doi.org/10.21267/e7970-7303-9861-m>

КИРИЛЛОВА Е.Н.

<https://doi.org/10.21267/n0736-1381-8863-m>

КИРИЛЛОВА, КОНОВАЛОВА И.Г.

<https://doi.org/10.21267/m0465-1009-2121-p>

КОНОВАЛОВА И.Г.

<https://doi.org/10.21267/r3555-8875-5007-s>

ЛАЗАРЕВА А.В.

<https://doi.org/10.21267/c4798-6863-5492-s>

МИШИН Д.Е.

<https://doi.org/10.21267/r1969-3922-1585-j>

НОВИЧЕНКО И.Ю.

<https://doi.org/10.21267/u1200-8710-4769-w>

ПЕТРОВА М.С.

<https://doi.org/10.21267/k6658-3822-7168-e>

ПЧЕЛОВ Е.В.

<https://doi.org/10.21267/a1671-2584-0948-r>

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

Под редакцией

ЕКАТЕРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ КИРИЛЛОВОЙ
ИРИНЫ ГЕННАДИЕВНЫ КОНОВАЛОВОЙ

Отв. секретарь издания

Юлия Владимировна СТЕПАНОВА

Рецензенты

АНТОН АНАТОЛЬЕВИЧ ГОРСКИЙ
доктор исторических наук,
руководитель Центра источниковедения истории России
Института российской истории РАН

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА ЧЕСНОВА
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

Дизайн обложки И.Н. Граве

Подписано в печать 23.10.2024
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Cambria. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12. Тираж 500.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924 97 30
<https://www.aquilopress.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, стр. 5
Телефон: +7 (495) 545 37 10
info@onebook.ru
<https://www.onebook.ru>

ISBN 978-5-6052889-4-7

9 785605 288947 >